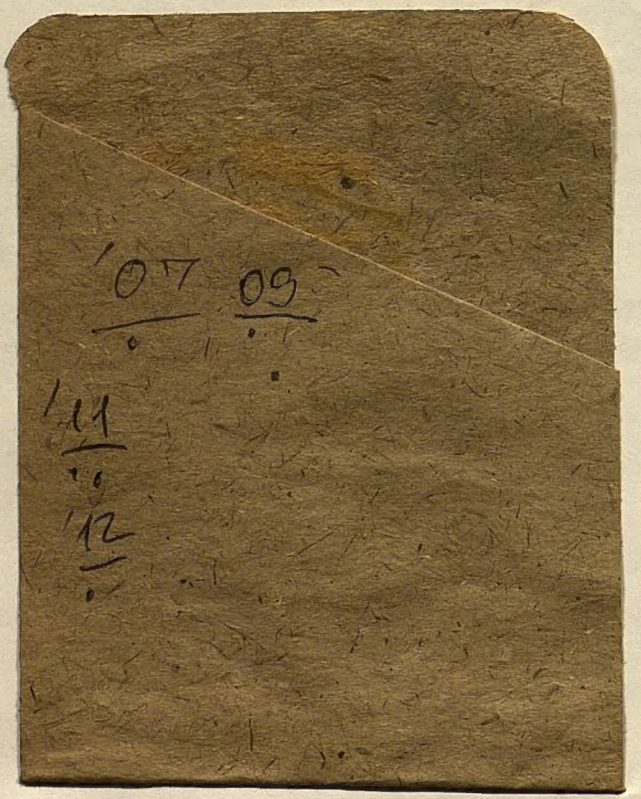
XV
лет
РККА


07 09
11
12

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. В. А. Добролюбова

В. И. ЛЕНИН

СБОРНИК

С 9(с)
П 996

XV ЛЕТ КРАСНОЙ АРМИИ

Библиотека
Институт
Русской
Литературы
им. Н. А. Добролюбова
1940
1938 г.
1966 г.

СЕВЕРНОЕ КРАЕВОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХАНГЕЛЬСК ☆ 1933

9(С)2

Редколлегия: Г. П. Попов, К. И. Коничев, Г. И. Шелест. Техредактор М. А. Смирнов. Уполном. Севкрайлита № 4555—XII—1932 года. Огиз № Вб—325—III. Заказ № 3933. Статформат бум. A_5, $^1/_{16}$, $9^1/_2$ п. л. 93696 зн. в бум. листе. Тираж 5200. Сдано в производство 29 декабря 1932 года. Подписано к печати 31 января 1933 года. Отпечатано в типографии № 2 Севкрайполиграфтреста «Северный Печатник», в Вологде, ул. К. Маркса, 70

Ч/13276

2002

1995

2010

БИБЛИОТЕКА

ВОЖДИ О КРАСНОЙ АРМИИ

Красная армия—защита социалистической республики

„В эпоху разложения империализма и разрастающейся гражданской войны невозможно ни сохранение старой армии, ни построение новой на так называемой внеклассовой или общенациональной основе. Красная армия как орудие пролетарской диктатуры должна по необходимости иметь открыто классовый характер, т.-е. формироваться исключительно из пролетариата и близких ему полупролетарских слоев крестьянства. Лишь в связи с уничтожением классов подобная классовая армия превратится во всенародную социалистическую милицию.

[Из программы ВКП(б)]

„Всем известно, что война эта нам навязана; в начале 1918 года мы старую войну кончили и новой не начинали; все знают, что против нас пошли белогвардейцы, на западе, на юге, на востоке, только благодаря помощи Антанты, кидавшей миллионы направо и налево, при чем громадные запасы снаряжения и военного имущества, оставшиеся от империалистической войны, были собраны передовыми странами и брошены на помощь белогвардейцам, ибо эти господа миллионеры и миллиардеры знают, что тут решается их судьба что тут они погибнут, если не задавят немедленно нас".

(ЛЕНИН, речь на митинге 13/III 1919 г.).

Действительно... империалисты всего мира бросились на Российскую республику, чтобы задушить ее, а мы стали создавать армию, которая в первый раз в истории знает, за что она борется и за что приносит жертвы, и с успехом сопротивляется более численному врагу, приближая с каждым месяцем сопротивления в доселе еще невиданном масштабе всемирную революцию.

(ЛЕНИН, из речи на митинге в Петрограде 13/III 1919 г.).

Всякий, кто серьезно хочет избавиться от колчаковщины, должен все силы, все средства, все ученье целиком отдать делу

создания и укрепления Красной армии. Не за страх, а за совесть исполнять все законы о Красной армии, все приказы, поддерживать дисциплину в ней всячески, помогать Красной армии всем, чем только может помогать каждый, — таков первый, основной и главнейший долг всякого сознательного рабочего и крестьянина, не желающего колчаковщины.

(ЛЕНИН, из письма к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком).

Чтобы защитить власть рабочих и крестьян от разбойников, т.-е. от помещиков и капиталистов, нам нужна могучая Красная армия. Мы доказали не словами, а делом, что мы можем создать ее, что мы научились управлять ею и побеждать капиталистов, несмотря на получаемую ими щедрую помощь оружием и снаряжением от богатейших стран мира. Большевики доказали это делом.

(ЛЕНИН, из письма к рабочим и крестьянам от 24/VII 1919 г.).

Если поставить себе вопрос, чем же в конечном счете объясняются наши победы над врагом, гораздо более сильным, то приходится ответить: тем, что в организации Красной армии были великолепно осуществлены последовательность и твердость пролетарского руководства в союзе рабочих и трудящегося крестьянства против всех эксплоататоров. Каким образом это могло произойти? Почему громадная масса крестьян так охотно на это пошла? Потому, что она была убеждена, будучи в подавляющей своей части беспартийной, что нет спасения иначе, как в поддержке советской власти. Убедилась в этом, конечно, не из книжек, не из пропаганды, а из опыта. Ее убедил опыт гражданской войны, в частности союз наших меньшевиков и эсеров, более родственный известным основным чертам мелкого крестьянского хозяйства. Опыт союза этих мелкособственнических партий с помещиками и капиталистами, а также опыт Колчака и Деникина убедили крестьянскую массу, что ничто среднее невозможно, что политика советской прямолинейности верна, что железное руководство пролетариата есть единственное средство, которое спасет крестьянина от эксплоатации и насилия. И только потому, что мы могли убедить в этом крестьянина, только поэтому наша политика рассуждения, основанная на этом прочном и безусловном убеждении, имела такой гигантский успех.

(ЛЕНИН, т. XXVI, стр. 32-33. Доклад о деятельности СНК).

КРАСНАЯ АРМИЯ—орудие диктатуры пролетариата

Товарищи, в чем сила, где источник силы нашей Красной армии? В чем состоят те особенности, которые коренным образом отличают нашу Красную армию от всех и всяких армий, когда-либо существовавших в мире? В чем те особенности, которые составляют источник силы и могущества нашей Красной армии?

Первая и основная особенность нашей Красной армии состоит в том, что она есть армия освобожденных рабочих и крестьян, она есть армия Октябрьской революции, армия диктатуры пролетариата. Все до сих пор существовавшие армии, какой бы они ни имели состав, являются армиями утверждения капитала. Они были и остались армиями господства капитала.

Буржуа всех стран лгут, когда говорят, что армия политически нейтральна. Не верно это. В буржуазных государствах армия лишена политических прав, она отстранена от политической арены, это верно. Но это вовсе не значит, что она нейтральна политически. Наоборот, всегда и везде, во всех капиталистических странах армия вовлекалась и вовлекается в политическую борьбу, служа орудием подавления рабочих. Разве это не верно, что армия подавляет там рабочих, что она служит там оплотом господ? В отличие от таких армий, наша Красная армия имеет ту особенность, что она является орудием утверждения власти рабочих и крестьян, орудием утверждения диктатуры пролетариата, орудием освобождения рабочих и крестьян от ига помещиков и капиталистов. Наша армия есть армия освобождения трудящихся.

Обратили ли вы внимание, товарищи, что в старое время да и теперь в капиталистических странах народ боится и продолжает бояться армии, что между народом и армией существует преграда, отгораживающая армию от народа? Ну, а у нас, наоборот, народ и армия составляют одно целое, одну семью. Нигде в мире нет таких любовных и заботливых отношений со стороны народа к армии, как у нас. У нас армию любят, ее уважают, о ней заботятся. Почему? Потому, что впервые в мире рабочие и крестьяне создали свою собственную армию, которая служит не господам, а бывшим рабам, ныне освобожденным рабочим и крестьянам. Вот где источник силы нашей Красной армии.

А что значит любовь народа к своей армии? Это значит, что такая армия будет иметь крепчайший тыл, что такая армия

является непобедимой. Что такое армия без крепкого тыла? Ничто. Самые большие армии, самые вооруженные армии разваливались и превращались в прах без крепкого тыла, без поддержки и сочувствия со стороны тыла, со стороны трудящегося населения. Наша армия есть единственная в мире, которая имеет сочувствие и поддержку со стороны рабочих и крестьян. В этом ее сила, в этом ее крепость. Вот чем, прежде всего, наша Красная армия отличается от всяких других армий, существовавших и существующих в мире.

Пожелание партии, ее задача, состоит в том, чтобы эта особенность Красной армии, эта ее близость, ее братская связь с рабочими и крестьянами, была сохранена и закреплена за нашей Красной армией.

Вторая особенность нашей Красной армии состоит в том, что она, наша армия, является армией братства между народами, армией освобождения угнетенных народов, армией защиты свободы и независимости народов нашей страны. В старое время обычно армия воспитывалась в духе шовинизма, в духе захватничества, в духе необходимости покорять чужие народы. Этим собственно и объясняется, что армии старого типа, армии капиталистические, были вместе с тем армиями колониальными. В этом состояла одна из основных слабостей старых армий.

Наша армия коренным образом отличается от колониальных армий. Все ее существо, весь ее строй зиждется на укреплении уз дружбы между народами нашей страны, на идее освобождения угнетенных народов, на идее защиты свободы и независимости социалистических республик, входящих в состав Советского Союза.

В этом второй и основной источник силы и могущества нашей Красной армии. В этом залог того, что наша армия в критическую минуту найдет величайшую поддержку в миллионных массах всех и всяких национальностей, населяющих нашу необъятную страну.

Пожелание партии, ее задача, состоит в том, чтобы эта особенность также была сохранена и закреплена за нашей Красной армией.

Наконец, третья особенность Красной армии. Состоит она в духе интернационализма, в чувствах интернационализма, проникающих всю нашу Красную армию. В капиталистических странах армии обычно воспитываются в духе ненависти к другим народам, в духе ненависти к другим государствам, в духе ненависти к рабочим и крестьянам других стран. Для чего это

делается? Для того, чтобы превратить армию в послушное стадо в случае военных столкновений между государствами, между державами, между странами. В этом источник слабости всех капиталистических армий. Наша армия построена на совершенно других основах. Сила нашей Красной армии, товарищи, состоит в том, что она воспитывается с первого же дня своего рожденния в духе интернационализма, в духе уважения к другим народам, в духе любви и уважения к рабочим всех стран, сохранения и утверждения мира между странами. Именно потому, что наша армия воспитывается в духе интернационализма в духе единства интересов рабочих всех стран, именно поэтому она, наша армия, является армией мировой революции, армией рабочих всех стран. И то, что это обстоятельство является источником силы и могущества нашей армии, об этом узнают когда-либо буржуа всех стран, если они решатся напасть на нашу страну, ибо они увидят тогда, что наша Красная армия, воспитанная в духе интернационализма, имеет бесчисленное количество друзей и союзников во всех частях мира, от Шанхая до Нью-Йорка, от Лондона до Калькутты.

Вот, товарищи, третья основная особенность, проникающая дух нашей армии и создающая источник ее силы и могущества.

Пожелание партии, ее задача, состоит в том, чтобы эта особенность также была сохранена и закреплена за нашей армией.

(Из речи СТАЛИНА, посвященной 10-летию Красной армии. ЦО „Правда" от 28/V 1928 г.)

„Мы—государство пролетарской диктатуры—в целях защиты Октябрьской революции и социалистического строительства создали могучую Красную армию...

...Красная армия есть оплот мира. Красная армия была и остается защитницей границ нашего государства. Вместе со своим народом, вместе со своим правительством, вместе с коммунистической партией, Красная армия никогда не помышляла и не будет помышлять о завоевательной войне. Красная армия никому не угрожала и не собирается угрожать, но она вместе с трудящимися Союза будет зорко следить за всем, что делается у советских границ. В грозный момент Красная армия будет там, где ей надлежит быть".

(ВОРОШИЛОВ).

КРАСНАЯ АРМИЯ — школа социалистического перевоспитания, школа братства народов

В настоящее время более половины армии переведено на территориальную систему, получившую полное признание крестьянства, начинающего все глубже оценивать нашу военную политику, а по ней и советскую власть.

Крестьянство теперь с каждым годом все больше и больше видит в Красной армии свою ленинскую армию, обеспечивающую ее мирный труд.

Терсистема лучше всякой агитации указывает на искреннее желание советской власти облегчить тяжелое положение крестьянина в его трудной работе по восстановлению хозяйства.

Красная армия для крестьянина все больше и больше становится лучшей школой воспитания и сознательной жизни, насаждая одновременно в каждом сельском уголке через отпускника или передовика-терармейца ту культуру, за которую ратовал всегда тов. Ленин. Сознательное общекультурное и политическое развитие крестьянина он всегда ставил основным условием поднятия материального благосостояния крестьянства прочности советской власти, а следовательно — и успешного закрепления всех завоеваний Октябрьской революции.

(ФРУНЗЕ, т. II, стр. 329, „Ленин и Красная армия").

„В противоположность буржуазным армиям, наш красноармеец является в полном смысле слова гражданином своей страны, активно участвующим во всей ее политической жизни. Нашу военную мощь мы строим не на отрыве его от этой жизни, а наоборот—на углублении и расширении связей с нею.

(ФРУНЗЕ).

„Наше положение в смысле привлечения к делу обороны всей массы рабочего класса и крестьянства чрезвычайно благоприятно, оно не может идти в сравнение с каким-либо другим государством. Только у нас, только в нашей стране, где существует смычка между нами—между вооруженным авангардом рабочего класса и крестьянства с основной массой рабочих и крестьян,— только в нашей стране возможно активное участие еще в мирное время всей массы трудящихся в деле обороны; только у нас возможен переход на систему милиционно-территориального строительства".

(ФРУНЗЕ).

„Наша задача—иметь армию, наличие которой окончательно отбило бы охоту у дальних и близких соседей строить козни и готовить новые нападения на единственную в мире республику рабочих и крестьян, армию, которая могла бы противостоять даже объединенному капиталистическому миру.

Создание такой армии—не фантазия, не праздная мечта. Опираясь на братский союз рабочего класса и крестьянства, на их героизм, самопожертвование и революционную стойкость, опираясь на нашу численность и необъятную территорию, мы вполне можем превратить нашу республику в неприступную крепость, несокрушимый оплот мировой революции.

Путь к этому лежит в вовлечении в дело подготовки обороны страны всего советского, рабоче-крестьянского тыла".

(ФРУНЗЕ).

Красная армия „является армией братства между народами, армией освобождения угнетенных народов, армией защиты свободы и независимости нашей страны... Все ее существо, весь ее строй зиждется на укреплении уз дружбы между народами нашей страны, на идее защиты свободы и независимости социалистических республик, входящих в состав Советского Союза".

(СТАЛИН).

Войны мы не хотим, но в бой готовы

„Организация Красной армии, ее усиление попрежнему остаются нашей задачей. И в отношении продовольственного вопроса мы попрежнему в первую очередь должны думать о нашей Красной армии. В данном международном положении, теперь, когда мы все еще должны ждать новых нападений, новых попыток нашествия международной буржуазии, мы в этом отношении не можем вступить на другой путь".

(ЛЕНИН, из речи на III конгрессе Коминтерна 5/VII 1921 г.).

„Товарищи! Будьте на-чеку, берегите обороноспособность нашей страны и нашей Красной армии, как зеницу ока".

(ЛЕНИН).

„Кто не помогает всецело и беззаветно Красной армии, не поддерживает изо всех сил порядка и дисциплины в ней, тот предатель и изменник".

(ЛЕНИН).

„Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому".

(СТАЛИН).

„Перед лицом нарастающей угрозы войны, мы не должны ни на минуту забывать, что „вопросы обороны государства во всей грандиозной нашей исторической работе являются важнейшими узловыми вопросами".

(ВОРОШИЛОВ).

„Угроза интервенции капиталистического мира против СССР вступает в новую фазу, связанную с необходимостью, вследствие победоносного выполнения СССР пятилетнего плана, перестройки фронта капиталистических держав, организации нападения на СССР не только через французских вассалов, но одновременно с Востока и Запада путем введения в борьбу основных сил крупнейших империалистических держав.

(Из доклада т. Мануильского на московском партактиве об итогах XII пленума ИККИ).

Съезд отдает себе ясный отчет в растущей военной опасности и вместе с тем признает, что в условиях углубляющегося кризиса и все больше нарастающей неустойчивости в капиталистических странах и одновременно происходящем укреплении экономической и политической мощи Союза ССР вооруженное нападение на Союз ССР означает теперь главную опасность для тех, кто посмеет нарушить мир и напасть на Советский Союз.

(Из постановления VI Съезда Советов СССР по отчету правительства СССР).

Я должен заявить, что все мы, работники армии, т.-е. весь командно-политический состав, можем констатировать, что вооруженные силы нашего Союза являются в организационном боевом и политическом отношении вполне надежной вооруженной опорой диктатуры пролетариата.

Это наше заявление не является голословным. За последнее время Красная армия имела возможность на деле проверить свою боевую готовность и политическую устойчивость. На Дальнем Востоке один из отрядов Красной армии выдержал блестяще экзамен на боевую способность и политическую зрелость. ОДВА ведь не была чем-либо исключительным по сравнению с другими частями всей Красной армии, расположенными на

других участках нашего необъятного Союза. Дальневосточная боевая проверка Красной армии целиком и полностью подтвердила правильность методов боевой подготовки наших частей и правильность их политического воспитания.

Кроме этого боевого экзамена, за эти два с половиной года мы имели ряд других возможностей проверить политическую зрелость и устойчивость Красной армии.

Мы имеем не плохие по своему социальному положению командные кадры. Участников гражданской войны среди командиров пехотных полков и дивизий 96,6%, среди командиров кавалерийских полков и кавдивизий—97,5%. Примерно такая же картина и с командирами батальона. Среди командиров рот участников гражданской войны 70%. Все эти командиры прошли с нами всю гражданскую войну. Разумеется, пролетарская революция для них дорога, как и для всякого рабочего и коммуниста. Бывших офицеров, на которых кивают правые и „левые", у нас в среднем комсоставе, основной массе командиров всего 6,7%. Всего же бывших офицеров в Красной армии—10,6%, при чем большинство из них—члены партии. Разговоры о том, что Красная армия руководится старыми царскими офицерами,—сейчас уже устаревшая и клеветническая болтовня: 10,6% старых офицеров, тонущие в 51% командиров-партийцев-большевиков,—это сущий пустяк. Этим можно пугать только малых ребят да тешить себя уклонистам некоторыми оппортунистическими иллюзиями.

В нашей Красной армии большевиков в 1928 году было 82 тысячи, а в 1930 году их уже стало 129 тысяч человек. При этом нужно иметь в виду, что рядом с этой могущественной организацией мы имеем другую организацию, которая работает с таким же энтузиазмом в Красной армии, организацию, которая идет нога в ногу с нашей партийной организацией,—это комсомольская организация. Она насчитывает в своих рядах 150 тысяч человек. Соедините эти две силы—130 тысяч партийцев и 150 тысяч комсомольцев—и вы получите 280-тысячную монолитную силу, готовую самоотверженно выполнять волю нашей партии. Можно ли при таких условиях допускать мысль о политической неустойчивости Красной армии? Можно ли думать, что она может когда бы то ни было отказаться от выполнения своего долга? Только сумасшедшие, только люди, которые не только не верят в силы нашей партии, но не верят и в силы революции, люди, которые вообще запутались в трех соснах, люди,

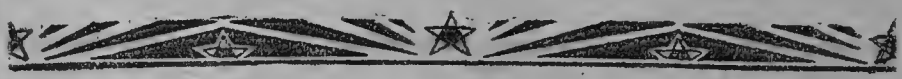
мозги которых представляют собой нечто разжиженное, способны договориться до подобной глупости.

В 1928 году мы имели в нашей парторганизации рабочих—41%, крестьян—32%, служащих—25%. А в 1930 году через два года, мы имеем в парторганизации рабочих 58,3% (аплодисменты). Не всякая организация может такими процентами похвастать—58,3% рабочих! Крестьян мы имеем 29% и служащих 12%, т.-е. уменьшение в два раза по сравнению с 1928 годом. Такая организация, если ее будут правильно обслуживать вышестоящие органы, если она будет идти нога в ногу с Центральным Комитетом, обеспечивает на все 100% политическую крепость нашей Красной армии. А политическая сознательность и стойкость предопределяют и боевую мощь армии.

[ВОРОШИЛОВ, из речи на XVI Съезде ВКП(б)].

М. В. ФРУНЗЕ

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова



Е. АРГУНСКИЙ

ПЯТНАДЦАТЬ СЛАВНЫХ ЛЕТ

15 лет назад в гражданской войне против первого в мире рабоче-крестьянского государства выступил весь капиталистический мир. Советская страна была окружена со всех сторон. Хозяйство было разрушено. Важнейшие жизненные районы — Сибирь, Поволжье, Украина, Северный Кавказ с их хлебом; Донбасс и Урал с углем и железной рудой; Баку с нефтью; Север с лесами, рыбой, пушниной—отрезались от советских республик на продолжительное время. Фактически пять лет продолжалась эта неравная по силам обеих сторон борьба. И все же советское государство вышло из нее победителем. Почему мы победили? Ответ на этот вопрос очень важен, так как причины побед в гражданской войне сохраняют все свое значение и в настоящее время.

Огромную роль играли причины международного порядка. Важнейшей из них была поддержка советских республик мировым пролетариатом и угнетенными народами колоний. За время гражданской войны оформился Коммунистический Интернационал. В 1919 году состоялся съезд революционных организаций народов Востока. Под руководством коммунистов разворачивалось революционное движение в капиталистических государствах, лишавшее их возможности использовать в полном объеме свои вооруженные силы против советского государства. Войска, участвовавшие в интервенции, как известно, очень скоро отказывались выступать против рабочих и крестьян Советской России. Революция в Германии дала возможность советскому государству освободиться от Брестского мира. Революция в Венгрии отвлекла силы империалистов от Советской России. Сейчас уже бесспорно, что Советская Венгрия приняла на себя удары румынской армии, предназначенные Антантой для разгрома Советской Украины. „Рисовые бунты“ в Японии в августе 1918 года и противояпонское восстание в Корее в 1919 году помешали японским империалистам двинуть свои вооруженные силы в Сибирь в большом количестве. Восстание фрацузских моряков на

Черном море и антиимпериалистическая буржуазно-национальная революция в Турции в 1920 году вынудили Англию и Францию ускорить увод своих войск из Закавказья и Крыма. Можно с полным правом говорить, что мировой пролетариат и угнетенные народы колоний и зависимых стран были активными участниками обороны Страны Советов.

Другая причина — это противоречия между империалистическими государствами. Известно, что борьба Германии с Антантой не дала возможности международной буржуазии оказать поддержку российской буржуазии в период Октябрьской революции Противоречия между Америкой и Японией в значительной степени воспрепятствовали Японии захватить Сибирь, несмотря на то, что Англия и Франция поддерживали в этом Японию. Затем не малую роль сыграли противоречия между государствами, образовавшимися вдоль западной границы Советской республики, и белыми генералами, открыто выступавшими против их независимости. Все эти противоречия ослабляли силы мировой контрреволюции, препятствуя ей идти до конца единым фронтом против Страны Советов.

Красная армия победила потому, что она опиралась на самоотверженность и сознательность рабочего класса, победила потому, что была создана и руководилась партией Ленина и опиралась на крепкий тыл. Правильная политика партии во всех областях государственной жизни обеспечила крепость этого тыла. Она обеспечила несокрушимый союз рабочего класса с крестьянством, она обеспечила единство всех народов советских республик. Мирная политика советской власти привлекала к ней симпатии всех трудящихся.

К пятнадцатой годовщине своего существования рабоче-крестьянская Красная армия пришла в обстановке обострения угрозы военного нападения империалистов на СССР. Причины этого—дальнейшее углубление мирового хозяйственного кризиса и обострение противоречий между капиталистами; дальнейший рост Советского Союза и обострение противоречий между ним и капиталистическим миром. Все предложения Советского Союза о разоружении политиками капиталистических государств аккуратно регистрируются и... прячутся в потайные углы министерских столов. На конференциях по разоружению дальше этого дело не идет.

Разоблачение подготовлявшейся на 1930—1931 гг. интервенции не остановило империалистов. В сентябре 1931 года они сделали

попытку осуществить часть этого плана. Под предлогом борьбы с китайскими бандитами японская армия в несколько дней захватила Манчжурию. Фактически этим захватом она обеспечивает себе позиции и для войны с СССР. Японский империализм и не скрывает того, что война с СССР является для него важнейшей задачей. Крупнейшие политические деятели Японии не скрывают и задач, которых они собираются добиться этой войной. На первое время японские империалисты „ограничиваются" захватом советского Дальнего Востока, хотя бы до Байкала. Это требование было изложено в докладе виднейшего государственного деятеля Японии — Танаки — японскому императору. Но наиболее заядлые империалисты этим уже не довольствуются. В харбинской газете „Гоминь Гунбао", издающейся на японские деньги, не так давно была изложена следующая программа японских захватчиков: „Япония считает, что для укрепления своих позиций в Манчжурии необходимо раньше всего изгнать Красную армию из Приморья и из района Амура. Кроме того, необходимо захватить Сибирь, чтобы гарантировать спокойствие внутренних путей сообщения и систему управления в Манчжурии. Японская армия должна установить три линии обороны: первая линия—у Читы, вторая—у Новосибирска и третья—на Урале".

Наиболее ретивые японские империалисты мечтают о распространении своего господства на запад—до Урала. Характерно, что самые рьяные финские захватчики доказывают необходимость для Финляндии распространить свое господство на восток—и тоже до Урала. Другими словами, речь идет о полном уничтожении Советского Союза.

Приготовления белофиннов, захватнические действия Японии, пытающейся в Манчжурии создать особое государство, подчиненное Японии, не встретили серьезного протеста со стороны основных капиталистических стран. Это лучше всего говорит о том, что они одобряют захват Манчжурии, поскольку он направлен против Советского Союза.

Выступление Японии в Манчжурии имело целью втянуть СССР в войну. Весь капиталистический мир был уверен, что на этот раз война не сорвется. Военная промышленность заработала с самой полной нагрузкой. И, как всегда, империалисты просчитались. Советский Союз продолжал и продолжает вести свою неизменную политику мира. В то же время он решительно осаживает всех, кто провоцирует его на войну.

Одновременно с захватом Манчжурии империалисты стали усиленно применять и другие испытанные способы провокации—убийства политических деятелей. На этот раз бандиты отказались от покушений на советских работников. Своими жертвами они наметили деятелей капиталистических государств. Один из служащих чехо-словацкого посольства пытался организовать покушение на японского посла в Москве. Покушение сорвалось. По заданию агентов польского штаба было организовано покушение на германского посла в СССР. Случайно жертвой покушения стал советник германского посольства, счастливо отделавшийся несколькими легкими ранами. Наконец, белогвардеец Горгулов убил французского президента. Все эти покушения имели задачей вызвать разрыв отношений между СССР и остальными государствами. По плану организаторов войны, убийцы должны были быть представлены в качестве коммунистов—агентов советской власти. Но эти дьявольские планы не осуществились. Бандит Горгулов вынужден был признаться, что он белогвардеец и смертельный враг большевиков. Причины убийства он объяснял тем, что Франция вместо вооруженной борьбы поддерживает СССР.

Все эти провокации немедленно разоблачались коммунистическими партиями всего мира перед трудящимися. Коммунистический Интернационал мобилизовал их на защиту СССР, против новой интервенции. А Советский Союз, опираясь на свои хозяйственные достижения, на всю Красную армию, неуклонно вел и ведет политику мира, четко сформулированную тов. Сталиным на XVI съезде партии:

„Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому".

Ставшая непосредственной опасность новой империалистической бойни и вооруженного нападения империалистов на СССР усиливает революционный подъем, революционизирование широких масс рабочего класса и трудящихся, что побуждает буржуазию еще больше усиливать политическую реакцию и фашизацию государственного аппарата, свою работу по организации фашистских отрядов гражданской войны. Буржуазия возводит в систему политический бандитизм, белый террор, пытки политзаключенных, провокации, фальшивки, расстрелы бастующих и демонстрантов, роспуск и разгром рабочих организаций. При всем этом буржуазия отнюдь не отказывается от использования парламентов и услуг социал-демократических партий для обмана масс.

Вожди социал-демократии из кожи лезут вон, ратуя за сохранение и укрепление капитализма и диктатуры буржуазии, лакейски приспособляются к политике финансовой олигархии, создают для ее обоснования новые теории, размахивают своими обветшалыми лозунгами об огосударствлении отдельных отраслей промышленности, „разрабатывают для буржуазии архиреакционные проекты принудительных каторжных работ, прикрывая их шарлатанскими планами установления социализма при капитализме“ (тезисы XVII пленума ИККИ по докладу тов. Куусинена), и по мере того, как падает массовое влияние социал демократии, все многообразнее становятся их маневры. Они возглавляют стачки, чтобы сорвать их, в отдельных случаях провозглашают демонстративные всеобщие забастовки, мнимую борьбу против фашизма, за мир, в защиту СССР и т. д. И все это делается для того, чтобы обмануть массы и таким образом сохранить свое влияние на них. Особенно усердствуют в этом отношении „левые“ социал-демократические группы, ни на минуту не прекращая травли коммунистических партий и СССР.

41376

Буржуазия мобилизует все темные силы капиталистического общества, пускает в ход все средства—от утонченного обмана масс до применения вооруженной силы, чтобы подавить все более мощно развертывающееся революционное движение. Но волна революционного подъема поднимается все выше. В ряде капиталистических стран быстро нарастают предпосылки революционного кризиса. Капиталистической стабилизации пришел конец.

„В определенных, чрезвычайно важных узловых пунктах антагонистические силы уже развязываются для столкновений. Наступил конец относительной стабилизации капитализма. Но еще нет непосредственной революционной ситуации в важнейших и решающих капиталистических странах. В настоящий момент совершается именно переход к новому туру крупных столкновений между классами и между государствами к новому туру революций и войн“. (Тезисы XII пленума ИККИ по докладу тов. Куусинена).

В порядок дня ставится вопрос о подготовке рабочего класса и эксплоатируемых масс к предстоящим боям за диктатуру пролетариата.

„Конец капиталистической стабилизации, быстрое нарастание предпосылок революционного кризиса в ряде капиталистических стран и вся новая международная обстановка ставят со всей

остротой вопрос о выполнении основной в настоящее время задачи коммунистических партий: подготовки рабочего класса и эксплоатируемых масс в ходе экономической и политической борьбы к предстоящим боям за власть, за диктатуру пролетариата". (Тезисы XII пленума ИККИ по докладу тов. Куусинена).

Так обстоят дела в капиталистическом мире к пятнадцатой годовщине РККА. Как же обстоят они в СССР, в стране диктатуры пролетариата, в стране успешно строящегося социализма?

Промышленное производство в нашей стране утроилось по сравнению с 1913 годом и удвоилось по сравнению с 1928 годом. Безработица отошла в прошлое, и борьба за ее ликвидацию является уже пройденным этапом. Преодолевая, под испытанным руководством коммунистической партии, все трудности, мы завоевали второе место в мире по уровню промышленной продукции. Опираясь на могучий рост социалистической промышленности, мы превратили нашу отсталую в прошлом страну в страну самого крупного в мире сельского хозяйства; мы ликвидировали кулачество как класс, эту последнюю опору империалистической интервенции внутри страны.

Более сотни тысяч тракторов бороздят наши колхозные и совхозные поля, и две трети всех крестьянских хозяйств СССР прочно стали на путь социалистического земледелия. Из страны мелкокрестьянской с остатками феодализма в сельскохозяйственной экономике наша страна превратилась в страну индустриально-аграрную, во всем народном хозяйстве которой ведущая роль принадлежит социалистической промышленности. Завершив строительство фундамента социалистической экономики, мы создали собственную базу для завершения реконструкции всего народного хозяйства, базу социалистической крупной машинной индустрии, окончательно и бесповоротно решили внутри нашей страны ленинский вопрос „кто—кого" в пользу социализма и ведем успешную борьбу за осуществление лозунга „догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны в текущее десятилетие".

Невиданными темпами развертывается в нашей стране культурная революция. Вместе с экономическим обликом нашей страны меняется и ее культурный облик. Доказательством этому являются: бурные темпы ликвидации неграмотности; введение всеобщего начального обучения; невиданный размах строительства и работы высших учебных заведений, которые уже выпустили сотни тысяч инженеров, техников, экономистов, педагогов,

врачей, агрономов, в которых учатся сотни тысяч рабочих и крестьян; беспримерный размах научно-исследовательской мысли. Могучие волны культурной революции привели в движение самые отсталые окраины Советского Союза, наиболее угнетаемые и эксплоатируемые при царизме. С невиданной быстротой растут в этих окраинах, на основе ленинской национальной политики, промышленные предприятия, университеты, театры, поднимается уровень грамотности населения, развивается собственная национальная литература.

Свободной, не знающей гнета капитализма, церкви и религии, растет наша молодежь, чуткая к призывам и велениям нашей партии, выделяя из своих рядов десятки и сотни тысяч активных борцов за дело пролетарской революции, за окончательное торжество социализма.

Бесспорность наших достижений и успехов признается не только друзьями СССР, но и злейшими его врагами.

Вот что заявил на страницах „Матен" бывший французский министр земледелия Боре по возвращении из СССР, где он побывал в Харькове, Севастополе, Ялте, Батуме, Тифлисе, Владикавказе, Ростове, Сталинграде, Саратове и Ленинграде:

„Факты могут нравиться или нет, но хуже всего, когда сознательно их игнорируют"... „Мы имеем право хранить в своей памяти воспоминания о всех разочарованиях и даже несправедливостях русской революции. Мы можем с горечью вспоминать непризнание СССР царских долгов и грубое и неоправданное прекращение войны, которое угрожало повлечь за собой поражение союзников. Но все это нам не разрешает систематически закрывать глаза на то, что нам не нравится. Видеть вещи, как они есть, чтобы лучше к ним приспособиться,— такова была цель моей поездки. Время отрицания советского эксперимента миновало".

А вот что пишет в одной из своих последних статей известный французский писатель Андрэ Жид о наших успехах:

„Я хотел бы как можно громче кричать о своих симпатиях к СССР, и чтобы мой крик был услышан, где только можно. Я хотел бы жить столько, чтобы иметь возможность увидеть своими глазами завершение этого грандиозного начинания, чтобы увидеть победу СССР, которой я желаю от всей души, и над которой я хотел бы и сам поработать".

Все эти достижения являются результатом колоссального роста революционной активности широчайших масс рабочего класса

и трудящихся крестьян, результатом громадного подъема социалистического соревнования и ударничества, результатом ленинской политики нашей партии, последовательно проводившей развернутое по всему фронту наступление на капиталистические элементы.

Партия добилась этих успехов в борьбе с буржуазной теорией троцкизма о невозможности построения социализма в одной стране и неизбежности реставрации капитализма — троцкизма, превратившегося теперь в передовой отряд буржуазной контрреволюции.

Партия добилась этих успехов в борьбе с правым оппортунизмом, линия которого заключалась не только в срыве политики социалистического наступления, но и в прямой капитуляции перед кулачеством и буржуазными элементами (XVII партконференция).

Партия добилась этих успехов в решительной борьбе как с „левым", так и с правым оппортунизмом и примиренческим к ним отношением, за генеральную линию партии и ее ленинского ЦК во главе с тов. Сталиным, за несокрушимое ленинское единство ее, нанося беспощадные удары скатившимся в борьбе с партией к контрреволюции, Рютиным, Галкиным и их пособникам.

Исходя из этих успехов, XVII конференция нашей партии поставила на второе пятилетие всемирно-историческую задачу окончательной ликвидации капиталистических элементов и классов вообще, полного уничтожения причин, порождающих классовые различия и эксплоатацию, преодоления пережитков капитализма в экономике и сознании людей, превращения всего трудящегося населения страны в сознательных и активных строителей бесклассового социалистического общества, увеличения обеспечения населения к концу второй пятилетки основными потребительскими товарами, включая и предметы питания, не менее чем в два-три раза против конца первой пятилетки, задачу завершения реконструкции всего народного хозяйства, создания новейшей технической базы для всех отраслей народного хозяйства.

Выдвинув на второе пятилетие эти грандиозные задачи, имеющие всемирно-историческое значение, партия мобилизует все силы рабочего класса и трудящихся СССР для выполнения задач 1 года 2-й пятилетки, для успешного разрешения проблемы организационно-хозяйственного укрепления колхозов, для большевистского преодоления трудностей снабжения, для полного выполнения плана капитального строительства, преодоления в крат-

чайший срок обезлички и уравниловки, дальнейшего развертывания социалистической культуры, для большевистской борьбы за новые научные и технические кадры, за всеобщую грамотность, социалистическое воспитание масс, еще большее укрепление смычки рабочего класса с колхозным и единоличным крестьянством, для борьбы за обеспечение полного выполнения великих задач второй пятилетки. Решения XVII партконференции и сентябрьского пленума ЦК—развернутая программа борьбы партии за окончательное торжество социализма в нашей стране, ставшей несокрушимым оплотом мировой пролетарской революции. Знать эти решения, чтобы строжайшим образом руководствоваться ими в своей повседневной работе,—долг каждого рабочего, каждого трудящегося Советского Союза. Выполняя эти решения, каждый из них должен помнить, что наши успехи и достижения еще более усиливают ненависть империалистов к Советскому Союзу, опасность вооруженного нападеня их на нашу страну, и делать все от него зависящее для еще большего укрепления обороноспособности страны, для дальнейшего роста боевой мощи Красной армии, невозможных без дальнейших наших успехов на фронте социалистического строительства.

К своей пятнадцатой годовщине Красная армия приходит с большими достижениями в деле боевой и политической подготовки войск. Но рабочий класс, партия, вся страна ждут от нее еще более высоких показателей темпов и качества боевой и политической подготовки, еще более высоких показателей в борьбе за подразделение и часть без единого дисциплинарного проступка, за полное и совершенное овладение техникой, за еще большее сплочение бойцов и командиров вокруг генеральной линии партии и ее ЦК во главе с вождем партии т. Сталиным. И Красная армия не остановится ни перед каким напряжением, чтобы полностью оправдать эти ожидания. Красная армия в любой момент готова дать сокрушительный отпор всякому, кто посмеет посягнуть на то, чтобы вооруженной рукой помешать рабочему классу и трудящимся СССР завершить стоящие перед ними всемирно-исторические задачи второй пятилетки и тем самым содействовать успеху мировой пролетарской революции, торжеству коммунизма во всем мире.

БОРИС НЕПЕИН

СТИХИ О НАРКОМЕ

К. Е. Ворошилову

Барабаны забили тревогу,
Боевые знамена горят,
Командиры встречают наркома,
Принимающего парад.

Но, поводья уверенно тронув,
Как в атаках—в 20-м году,
В искрометную синь эскадронов
Он въезжает на полном ходу.

...По-за Доном степные пространства
Снова буря военная жжет,
И Конармию слесарь луганский
К небывалым победам ведет.

Он, в распахнутой бурке шершавой,
Под отчаянный ливень клинков,
Проскакал напролет до Варшавы,
И сверкали штандарты полков.

Вспоминаем, сквозь громы, сквозь скрипы,
На восходе строительных дней—
Как поила прохладная Припять
Молодых, беспокойных коней.

Галицийское солнце ложилось
За лесами, на самом краю...
За Октябрь пролетарии бились
В перекрестном, неравном бою.

Закипала свинцовая ярость
В рудниках, на заводах, в полях.
И вставали ряды коммунаров,
Повинуясь приказу Кремля...

Где равнину жара иссушила,
Сивашом перехлестнута в дым,
Проносил в боях Ворошилов
Диктатуру рабочую в Крым.

К. Е. ВОРОШИЛОВ

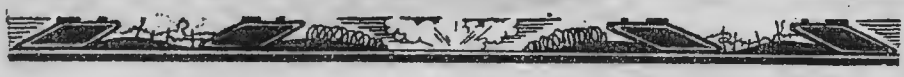
Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. В. И. Ленина

...И, поводья уверенно тронув,
Он теперь, в 33-м году,
Пролетает по эскадронам
На стременах, при полном ходу.

Видит сталь краснозвездного флота,
Треугольники танковых рот.
...Эскадрильями самолеты
Над страной приземлили полет.

Марш походный отчетлив и ровен
И горяч орудийный салют,
Со стеною гранитною вровень
Развороты дивизий встают.

На отпор и в атаку готовы,
Напряженную стройку ведя,
Ждут бойцы большевистского слова,
Ждут призывной команды вождя.



П. РАССКАЗОВ

В ЗАСТЕНКАХ ИНТЕРВЕНТОВ

(Из книги „Записки заключенного")

1. Эвакуация

Первое августа 1918 года. Хмурое, ненастное утро.

Медленно тянутся тяжелые свинцовые тучи; изредка робко выглядывает голубая лазурь неба и снова скрывается за завесой туч. Время от времени, как бы в раздумьи, то начинает моросить; то останавливается назойливый, мелкий, как пыль, осенний дождь. Неприветливо и уныло выглядят намокшие постройки деревянного города. Грязный и убогий всегда, Архангельск кажется еще более жалким в этой нудной обстановке ненастного дня.

С раннего утра город чем-то встревожен. На улицах беспокойное, суетливое движение автомобилей, извозчичьих пролеток и трамвайных вагонов. Оно не совсем обычно, и пасмурный, серенький день еще больше подчеркивает это беспокойство. Жидкая грязь плохо мощеных улиц фонтанами вырывается из-под колес, бросая тысячи брызг на дырявые деревянные тротуары с вечно спешащими куда-то прохожими.

Обыватели притихли и насторожились. В глазах испуганно-недоумевающая тревога. Одна какая-то назойливая мысль. Ни смеха, ни громких разговоров. С опаской озираются по сторонам, говорят вполголоса. Рукопожатия кажутся излишними. Вздрагивают при каждом окрике извозчика, при каждом гудке автомобиля. К чему-то прислушиваются, чего-то ждут.

Центр города. Пристань. Несколько больших двухэтажных пассажирских пароходов. Беспомощно свернулись намокшие флаги. Автомобили, грузовые извозчики. Ящики, тюки, домашний скарб. Сзади открытого изящного ландо [1] нелепо торчит кочерга, мычит привязанная корова. Цепью рассыпались красноармейцы. Проверяют пропуски. На набережной, по сторонам спуска на пристань, обычная толпа зевак. Промокли, дрожат, но и не расходятся. Осторожные, плоские шутки по адресу уезжающих.

[1] Экипаж

П. РАССКАЗОВ

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА

Местами прорываются ругательства и проклятия. Прорвутся, сконфуженно смолкнут, и снова пытливый взгляд по сторонам.

Город эвакуируется. Мещано-обывательская, служило-чиновная слякоть ждет „варягов". Смутно вырисовываются перед ней контуры нового кумира. Осторожные разговоры о белом хлебе, о „порядке", который принесут с собой „варяги".

Полдень. Ползет по городу слух, что эскадра „варягов" на взморьи, в 60 верстах от Архангельска. Тайное злорадство становится явным.

Одиннадцать часов вечера. Свинцовые сумерки белой ночи. От пристани один за другим, молча, без обычных свистков, отваливают пять пассажирских пароходов с советскими учреждениями. Быстро и плавно, как белые сказочные тени, они идут мимо притаившегося города в верх по Двине. Извиваясь причудливыми змейками в волнующейся поверхности реки, отражаются белые, синие и зеленые огоньки. Тихо, мертво. Только громкое, характерное хлопанье пароходных колес, взрывающих пенящиеся водяные копны, нарушает насторожившуюся тишину ночи.

Последний раз мелькнули вдали огоньки и скрылись за капризным поворотом реки.

Спустилась безмолвная ночь. Жизнь притихла, насторожилась. Улицы вымерли. Город на осадном положении.

2. Переворот

На мертвых до сего времени улицах нервное оживление. На каждом перекрестке по несколько человек, вооруженных винтовками; на рукавах белые повязки. Группы вооруженных разъезжают на автомобилях. Тяжело громыхая и качаясь на рытвинах мостовой, быстро едет грузовик, таща за собой легкое полевое орудие. В пассажирах не трудно узнать офицеров старой армии. Они взволнованы, нервничают, но чувствуют себя господами положения. Очень напоминают собою мальчишек, играющих в „войну". Чудится, что в кармане приготовлены уже погоны.

Состав вооруженных самый разнообразный. Преобладают чиновники, буржуа, приказчики, гимназисты. Рабочих не видно. Всей этой разношерстной толпой руководят офицеры. Они, как тараканы, ползут из всех щелей, как голодные шакалы, почуявшие близость поживы.

По рейду мечется несколько пароходов под красными флагами РСФСР. Их преследуют другие, поднявшие уже трехцветный флаг монархии. „Варягов" еще нет.

Улицы все больше и больше наполняются обывателями. Начались аресты. Возможность для сведения личных счетов самая неограниченная. Гарантии не оказаться через несколько минут в тюрьме—никакой.

Полдень. Над городом реют английские гидропланы. В воздухе кружатся белые листки прокламаций. Варяги оправдывают свой приход. Они идут как „друзья". Цель их прихода — „спасти русскую землю от немцев". „Они не будут вмешиваться во внутренние дела России, и ее государственное устройство зависит от воли народа".

Прокламации эти имеют, безусловно, исторический интерес, поэтому привожу одну из них полностью, без каких-либо сокращений.

„Русские люди! Немцы и большевики говорят вам, что мы — англичане, французы и американцы — вступили на русскую землю, чтобы отнять ее у вас и отобрать ваш хлеб. Это ложь. Знайте, что мы не хотим ни пяди вашей земли и ни фунта вашего хлеба. Мы идем к вам как друзья и союзники для борьбы за общее дело и для защиты общих с вами интересов Мы идем спасти русскую землю и русский хлеб от немцев и их наемников-большевиков. Во Франции немцы уже бегут перед нашими войсками. Их ставленники в России—большевики—не выдерживают ни малейшего организованного напора и бегут с награбленным добром.

Все—кому дороги истинная свобода, родина и часть,—поднимайтесь. Помогайте, кто как умеет—кто винтовкой, кто работой. Уничтожайте немецких агентов-прислужников.

Мы идем к вам с помощью в полной уверенности, что найдем вас готовыми к борьбе за освобождение родины от немцев и большевиков.

По примеру Мурманского края поднимайтесь все дружно на общего врага и победа будет ваша. Ф. С. Пуль, генерал-майор, главнокомандующий всеми союзными военными силами в России".

В другой прокламации, составленной в том же духе и подписанной тем же Пулем, говорилось:

„Когда Россия захочет выразить свою волю, тогда союзники помогут народу укрепить то правительство, которого русский народ сам захочет".

3. Новое правительство

Около полудня город узнал о сформировании нового „правительства", которое назвало себя „Верховным управлением Северной области".

В специальном по этому поводу воззвании говорилось: „Во имя спасения родины и революции" власть предержащее Верховное управление сформировалось в следующем составе: Н. В. Чайковский—председатель и управляющий отделом иностранных дел;

С. С. Маслов—заместитель председателя и управляющий военным отделом; П. Ю. Зубов—секретарь и управл. отделом внутренних дел, почт и телеграфов; Я. Т. Дедусенко — продовольствия, торговли и промышленности; Г. А. Мартюшин—финансов; А. А. Иванов — земледелия, М. А. Лихач — труда и народного образования. Все новые „министры", за исключением Зубова, являлись членами быв. Учредительного собрания: Чайковский—от Вятской губернии, Иванов—от Архангельской, Маслов—Вологодской, Гуковский — Новгородской, Мартюшин — Казанской, Дедусенко—Самарской, Лихач—от бывшего Северного фронта. Зубов же, бывший товарищ вологодского городского головы, играл роль представителя земств и городов.

По своей партийной принадлежности большинство членов Верховного управления были правые эсеры, за исключением Чайковского (народный социалист) и Зубова (кадет).

В декларации новой власти к населению говорилось: „Избранные всеобщим голосованием представители народа вынуждены в настоящий переходный момент при отсутствии законной всероссийской власти принять на себя верховную власть в Северном крае".

Откуда взялись эти „благодетели" народа, и кто их избрал „законною" властью Севера,—для населения осталось неизвестным.

Далее в декларации была приведена следующая программа Верховного управления:

„1. Воссоздание, совместно с другими областями, единой всероссийской государственной власти и организация местного управления в Северной области.

2. Оборона Северной области и всей страны от дерзких посягательств на территорию ее и национальную независимость населения со стороны Германии, Финляндии и других неприятельских стран.

3. Воссоединение с Россией, в согласии с волей населения, отторгнутых от нее областей.

4. Восстановление попранных свобод и органов истинного народовластия: Учредительного собрания, земств и городских дум.

5. Установление прочного правопорядка, который обеспечивал бы гражданам беспрепятственное удовлетворение их хозяйственных, общественных и духовных нужд.

6. Действительное обеспечение прав трудящихся на землю.

7. Охрана интересов труда в согласии с экономическими и политическими интересами как Северного края, так и всей России.

8. Устранение голода среди населения

„Оборону Северного края и России Верховное управление надеется осуществить в частности также и при дружной помощи со стороны союзных с Россией правительств и народов—Англии, Америки, Франции и других". „Верховному управлению известно, что не для вмешательства во внутреннюю жизнь и не против воли народа приходят к нам союзные войска".

Во что вылились „свободы", обещанные декларацией „законной власти", мы увидим дальше, — но уже в тот момент, когда еще не высохла краска на декларации, тут же на улицах хватали людей и тащили в тюрьму. Тюрьма стала единственным убежищем, „неприкосновенность" которого свято соблюдалась. В провокации, на которую были способны разве лишь сатрапы самодержания, не менее способными оказались гг. Чайковские и К°, торгующие под фирмой „народных социалистов".

Первые постановления верховного управления, выпущенные отдельными листовками в тот же день, состояли из десяти пунктов. Каждый из них начинался формулой „во имя спасения родины и завоеваний революции".

„Во имя спасения... губернские, уездные и волостные совдепы с их исполкомами, комиссарами и т. д. упраздняются".

„Во имя спасения... члены губернских, уездных и волостных исполкомов и их комиссары арестуются".

„Во имя спасения... попранные насильнической советской властью свободы совести, слова, печати, собраний и союзов восстанавливаются". но... собрания с предварительного разрешения и в присутствии представителя властей, а свобода слова, после первого же собрания, выразилась в аресте секретаря Совета профессиональных союзов Диатоловича. Что же касается заботливого попечения о союзах, то в первый же день новые правители сочли нужным лишь „во имя спасения завоеваний революции" сорвать красное знамя с помещения Губпрофсовета. Протесты, что красное знамя не есть флаг РСФСР, не привели ни чему.

Господа „социалисты" приняли на себя позорную роль послушного оружия, ловко направленного на борьбу с тем самым народом, защитниками прав которого они имели наглость себя называть. Правда, впоследствии часть правителей горько разочаровалась, но было уже поздно. К этому времени белогвардейская-союзная авантюра дала блестящие результаты, оправдавшие надежды черного стана, и распустилась махровым цветком

произвола и бесправия. „Социалистам", прикрывшим своим именем первые шаги авантюры, оставалось лишь пожать то, что они посеяли.

4. Вступление „победителей"

2 августа. В три часа за полдень союзная эскадра подошла к городу. Пристани и набережная Северной Двины переполнены разодетыми обывателями. Бросается в глаза отсутствие рабочих, а немногие из них, пришедшие „поглазеть", теряются в общей массе „чистой" публики. На русских пароходах и судах и в городе развеваются бело-сине-красные национальные флаги.

От иностранных судов, стоящих на рейде, отваливают катера и шлюпки. Начинается высадка десанта. На берегу начинают появляться первые отряды „победителей", восторженно приветствуемые „освобожденным народом". Крупная и мелкая буржуазия, офицерство и чиновничество собрались здесь играть гнусную роль выразителей мнения русского народа. Еще вчера так кичившиеся своим национальным самолюбием, сегодня они пресмыкаются перед железным каблуком империалистов Запада.

Громкое, но недружное „ура". Преимущественно визгливые и детские голоса. Колеблются над толпою сотни белых батистовых платочков. Подобострастно бегут вслед за проходящими отрядами.

„Победители" торжественно вступают в покоренный город. Едва ли видели они когда-либо такую легкую „победу". Что могли они чувствовать, кроме презрения, при виде жалкой толпы продажных рабов? Кто видел эту омерзительную картину верноподданнических чувств перед иностранными штыками, тот никогда ее не забудет.

Вскоре по городу ходили уже иностранные патрули. С песнями маршировали иностранные отряды. Время от времени, то группами, то поодиночке тащили в тюрьму тех, кто не разделял общего торжества.

В тот же вечер пришлось быть очевидцем характерной картинки. По главной улице города отряд белогвардейцев вел в тюрьму человек десять красноармейцев, задержанных, повидимому, в окрестностях города. Начальник конвоя — подпоручик Тамара, нес в руке „трофей победы"—красное знамя, небрежно связанное узлом. Он держал его большим и указательным пальцами с таким выражением лица, как-будто нес что-то слишком грязное и вонючее. Встречная „чистая" публика одобрительно гоготала и поощряла „героя", и лишь немногие сконфуженно

отвертывались, чтобы не видеть проявления интеллигентского хамства. Высоко вверху, в безоблачной лазури неба, не переставали назойливо гудеть пропеллеры английских гидропланов, зорко всматривающихся с высоты в окрестности города.

Спускалась белая ночь. Над зданием губисполкома, занятым новым правительством, развевался трехцветный флаг монархии.

5. Жизнь тюрьмы

Окно моей комеры выходило во двор тюрьмы. Из него были видны тюремные ворота и крыльцо конторы. Благодаря этому я видел всех, кто проходил в контору как из тюрьмы, так и из города. Большую часть дня я просиживал на подоконнике, и предо мною проходила вся тюремная жизнь.

Беспрерывно трещал звонок, и привратник, не зная покоя, бегал открывать ворота, впуская новых арестованных, приводимых под конвоем штатских, с белыми повязками на руках. Из конторы в тюрьму и обратно озабоченно бегали, гремя связками ключей, надзиратели, принимая новых „квартирантов". Иногда приводили такие большие партии арестованных, что, пока их перепишут, примут и разместят по камерам, они целыми часами просиживали на дворе. В таких случаях я выбирал удобную минуту и, когда часовой отходил в сторону, вступал в разговор, ловя каждое слово, каждый намек, стараясь из этих отрывков вопросов и ответов узнать о том, что творится за стенами тюрьмы.

Среди арестованных преобладали рабочие, красноармейцы и матросы, реже, небольшими партиями, приводили крестьян. Уставшие после долгих этапов, запыленные, оборванные, безразличные ко всему происходящему вокруг, крестьяне, войдя в тюремный двор, снимали с плеч свои котомки, некоторые истово крестились, устало опускались на траву и долго и неподвижно лежали. На вопросы отвечали неохотно, с опаской посматривая по сторонам.

Охрану тюрьмы первое время несли „благонадежные" граждане, поочередно назначаемые квартальными комитетами. Отличительным знаком лиц, входивших в эту рать, были зеленые повязки на рукавах. Преобладали чиновники, торговцы, приказчики, учащиеся и пр. Приходили они отрядами человек в двенадцать и несли охрану в продолжение суток, сменяясь в девять часов утра.

Многие из этих „жандармов по призванию" совсем не умели обращаться с оружием, благодаря чему происходило не мало курьезов. При смене они выходили на тюремный двор и начи-

нали разряжать свои винтовки. У многих дело никак не клеилось. Остроты и советы в изобилии сыпались из окон камер.

— К себе, к себе тяни. Да она ведь стреляет. Осторожнее, — советовали из одной камеры.

— Давай сюда, разрядим, — предлагали свои услуги из другой.

— Сам разрядит, не маленький. Ведь большевиков доверили охранять,—смеются из третьей.

А „бедные волонтеры" потели, пока более опытные не выручали из беды своих коллег по оружию.

Вначале после переворота, когда тюремный режим был выбит из своей нормальной колеи, обычные прогулки по двору не разрешались, книг из тюремной библиотеки не выдавали, свиданий с родственниками не давали. Все это, при неопределенности положения, создавало еще более тяжелые условия заключения.

Хлеба выдавали по фунту. Но вскоре нашли, что это слишком много, и урезали наполовину. О приварке говорить не приходится, и с первых же дней голод дал о себе знать.

Начальник тюрьмы Брагин. Старый тюремщик. При советской власти выдавал себя за левого эсера. После переворота маска сброшена, и Брагин со всей энергией отдается любимому делу. Разыгрывает и с большим гонором беспристрастное, строгое и „справедливое" начальство, но... вполне определенно проводит царящую в высших сферах политику создания кошмарных условий заключения. Мог бы значительно смягчить режим, унесший впоследствии в могилу сотни жизней, но не хотел.

Старший помощник начальника—Лебединец, по прозвищу, данному заключенными,—„Тенденция" (его любимое слово). Типичный тюремщик. Второе прозвище его „Кайзер". Высокий, сухой, с худым, длинным лицом, обросшим черной бородой, с бесстрастным стеклянным взглядом—он был воплощением высшей жестокости и бесчеловечности. В своих поступках он никогда не думал, не рассуждал. Чувство сострадания и жалости ему чуждо. Впоследствии понес достойное возмездие от руки одного заключенного.

Второй помощник начальника—Ванюшин. Только что назначен помощником из старших надзирателей. В тюрьме известен больше по своему прозвищу „Шестерка". Это прозвище настолько приобрело права гражданства, что фамилию Ванюшина знали очень немногие. Небольшого роста, кругленький, суетливый, хам в обращении с заключенными, услужливый и льстивый перед начальством,— он принадлежал к типу беспринципных

людей, имеющих слишком смутное понятие о порядочности. До тюремной карьеры служил половым в одном из архангельских трактиров, с темной репутацией и соответствующим названием „Низкий". За свое прошлое и получил прозвище „Шестерка". Хотя теперь „Шестерка" и достиг звания „господина помощника", но все же сохранил все ухватки залихватского лакея низкоразрядного кабака. Он не только пунктуальный исполнитель воли начальства, но в своей рабской услужливости забегает вперед и, предугадывая мысли сатрапов, вносит посильную лепту в произвол над своими жертвами. Такова была главная администрация тюрьмы.

6. Начало „правосудия"

Тюрьма переполнена. Количество заключенных в три раза превышает норму, а на воле гуляют еще сотни кандидатов на казенный паек и квартиру.

Для скорейшей расправы с заключенными, 10—12 августа учреждается так называемая „Особая временная следственная комиссия по делам об арестованных". С первых же шагов своей деятельности эта комиссия откровенно дает знать, что она пойдет по пути самого наглого, ничем не прикрытого произвола, не останавливаясь ни перед какими низостями и не стараясь даже прикрыть свои действия легкими декорациями „скорых, правых и равных для всех" судов самодержавия. Как бы в насмешку над населением, во всех архангелогородских газетах помещены объявления, в которых с циничной откровенностью говорится, что тюрьма переполнена заключенными, против которых не имеется никаких улик, и аресты которых произведены неведомо кем и почему. Заканчивая объявление, комиссия просит всех лиц, знающих арестованных, прислать ей сведения о совершенных ими преступлениях, т.-е., проще говоря, не стесняться в присылке самых гнусных и лживых доносов. Этим мудрым решением открывается широкое поле для сведения личных счетов. Однако и на этом комиссия не останавливается и проявляет еще большую наглость, указывая в последующем объявлении фамилии тех лиц, на которых предлагается присылать доносы.

— Построй... сь — слышится в „очко" нашей двери голос надзирателя. Построились. Дверь открывается, и в камеру входит, в сопровождении начальника тюрьмы, прокурор архангельского окружного суда Дуброво. Одет в штатское, но в форменной фуражке со значком министерства юстиции, возглавляемым

короной. В руках портфель, блокнот и карандаш. Разыгрывает из себя корректного исполнителя неумолимо-строгих, но справедливых законов.

— Здрасте, — сквозь зубы бросает он, делая рукой какой-то неопределенный жест, не то козыряя, не то отмахиваясь от мух

— Заявление к прокурорскому надзору имеете?

Заявления у всех, и все одного характера: почему арестовали и держат в тюрьме без предъявления обвинения?

Ответы прокурора настолько уклончивы и дипломатичны и притом так многословны, что получившие их остаются в недоумении, что он, в конце-концов, сказал. Иногда они доходят до полного абсурда и нелепости.

— Скажите, почему я арестован? — обращается к прокурору один из заключенных, занимавший при советской власти невидную должность в одном из учреждений.

— Вы состояли на службе у незаконной власти,—не задумываясь, с апломбом отвечал представитель „законной власти".

— Так в чем же мое преступление?

— В том, что вы, состоя на службе у незаконной власти и зная о тех преступлениях, которые эта власть совершала, не донесли об этом кому следует и тем способствовали совершению этих преступлений,— продолжает философствовать мудрый законник.

— Но позвольте, кому же я должен был донести об этих „преступлениях"? Где была в это время ваша законная власть? Я знал одну власть, которой служил, и которая была единственной властью в России.

— Это была не власть, а банда разбойников, — отрезает прокурор, переходя к следующему заключенному.

Все прокурорские ответы шаблонны, лишь варьируются на всевозможные лады.

Останавливается около меня.

— Почему я арестован и содержусь в тюрьме без предъявления обвинения?

Он переспрашивает мою фамилию.

— Но... позвольте, вы же были, как это у вас называлось... народным комиссаром... что ли.

Не могу не улыбнуться. Считая дальнейший разговор бесплодной болтовней, заявляю требование о допросе в течение 24 часов.

Перед уходом Дуброво обращается к нам „с парой теплых слов".

— Вы не беспокойтесь, господа. Теперь установилась законная власть. Она строга, но справедлива. Смею вас уверить, что

тех безобразий, которые были при большевиках, теперь не будет. Закон и справедливость у нас прежде всего. Относительно вас будет проведено следствие, многие из вас будут преданы суду за те преступления, которые вы совершили, но я надеюсь, что, отбыв срок наказания, вы исправитесь и станете достойными гражданами нашего отечества.

Выпалив залпом эту высокопарную тираду, „мудрый" законник торжественно удалился, сопровождаемый юлящим начальником тюрьмы.

7. Разгрузка тюрьмы

Утро 23 августа в тюрьме началось необычно. Против обыкновения нам не дают кипятку и не пускают умываться. С перекинутыми через плечо полотенцами, мы бродим по камере, нетерпеливо поглядывая на дверь и прислушиваясь — не крикнут ли умываться.

Вдруг в коридоре раздались громкие истерические рыдания. Мы насторожились, в недоумении посматривая друг на друга. В камеру вталкивают К.

К. — очень чуткий, нервный, до невозможности издерганный жизнью. Во время утренней поверки он записался на прием к начальнику тюрьмы и теперь возвратился из конторы.

Дрожит, как в лихорадке, и тяжелые, сдавленные рыдания душат его. Неприятное чувство не то страха, не то жалости к этому рыдающему, как ребенок, человеку охватывает всех нас. Необъяснимым инстинктом толпы как-то безотчетно чувствуем, что причины, взволновавшие К., касаются не только его, но и нас. Его укладывают на койку и, когда он немного успокаивается, засыпают вопросами.

— Что с тобой? Что? Что случилось?

Слышатся нетерпение и тревога.

— Там англичане, — начинает К., но напоминание о причине истерики вызывает новые, еще более громкие рыдания.

Два ничего не говорящие слова. В камере тихо. Все притаились, съежились, как будто ожидая неизбежного удара. Каждый день мы видим английских солдат, приводящих в тюрьму арестованных. Но сегодня смутное, невольное предчувствие подсказывает что-то необычное, выходящее из ряда вон. Трудно передать наше состояние в этот момент. Дремавший где-то в глубине инстинкт жизни проснулся со всей силой, захватил, закружил; кажется, что стены тюрьмы медленно-медленно сдвигаются, а нам как загнанным зверям, нет никакого выхода из этой западни.

Жутк е молчание нарушается щемящими душу рыданиями. К. Неподвижно, ничком, лежит на койке. Резко и нервно вздрагивают плечи.

— Вот они,—взволнованно говорит кто-то у окна.

Толкаясь,бросаемся к окнам. Несколько английских офицеров стоят на дворе тюрьмы. Среди них выделяется один, высокий, сухой, с холодным бесстрастным лицом, в фуражке с красным околышем, говорящим о его высоких чинах. Из-за угла тюрьмы торопливо выходят с полсотни английских солдат с винтовками в руках и выстраиваются под нашими окнами. Проходит несколько минут тяжелого ожидания. Слышно, как в коридоре одна за другой открываются двери камер, чьи-то голоса выкрикивают фамилии, и десятки ног стучат, спускаясь по лестницам. Спрашиваем:

— Куда?

Но они не знают. Начинается проверка. Налицо 133, по списку 134. Проверяют вторично. Однако нет. Помощники бегут обратно в тюрьму. Долго не возвращаются. Пользуясь и выбрав минуту, когда тюремная администрация отходит в сторону, вступаем в разговор с солдатами. Конвой, за исключением офицеров, не англичане, а финны, состоящие на английской службе. Куда нас ведут, им неизвестно.

— Не на расстрел?

— Может быть, но мы стрелять в вас не будем,—говорят финны.

Но это мало нас успокаивает.

— Мы сами рабочие, — продолжает финн, — есть среди нас и коммунисты. Против русских рабочих мы не пойдем.

Говоря, он зорко оглядывается по сторонам: не заметило бы начальство. Финны угощают сигаретами. Никто не отказывается. Грудь жадно вбирает свежий воздух ясного солнечного утра после тяжелой камерной вони. Оживленно беседуют, делятся впечатлениями знакомые, сидевшие в разных камерах и не подозревавшие о близком соседстве.

Но вот возвращаются из тюрьмы помощники. Вслед за ними выходит, поддерживаемый под руки товарищами, „беглец“. Он болен и лежал в больничной камере. Вновь начинается утомительная процедура поверки. Считают, сбиваются. Пересчитывают, перекликают по фамилиям, снова считают. Все налицо. Тюремная администрация передает нас английским офицерам.

Выстраиваемся по четыре в ряд. Конвой окружает кольцом. Раздаются громкие слова команды. Дружно звякают винтовки, и

десятки штыков, ощетинясь, заблестели на солнце. Медленно, скрипя на заржавленных петлях, раскрываются большие тюремные ворота. Англичанин с красным околышем, размахивая тростью, кричит что-то, пробегая мимо нас. Русская команда — „шагом марш"—и вся наша ватага, толкаясь, сбиваясь и торопливо подстраиваясь на ходу, двигается в ворота, выходя на пыльную, изрытую ямами Финляндскую улицу.

8. Остров Мудьюг

Мудьюг — небольшой остров в Двинском заливе Белого моря, в шестидесяти верстах от Архангельска. От материка отделяется так называемым „Сухим морем"—проливом, ширина которого в наиболее узком месте версты две. В двух-трех верстах от западного берега фарватер, по которому идут все суда в Архангельск и из него. Большая часть острова покрыта лесами и болотами и только прибрежная полоса луговая. Селений нет. Ближайшая деревня, одного названия с островом, — на материке за „Сухим морем". Крестьяне этой деревни имеют на острове покосы и рыбные тони. На южной оконечности несколько створных знаков и метеорологическая станция. Верстах в восьми на Север—Мудьюжский маяк. Недалеко от него две батареи, защищающие подступы к Архангельску с моря. С южной оконечности на север идет узкоколейный железнодорожный путь, отклоняющийся к „Сухому морю". Он проведен без всякой насыпи, по шпалам, набросанным на землю. Эта „времянка", построенная во время войны, предназначалась для перевозки грузов с пароходов в зимний период, когда Архангельский порт замерзает. Для этой же цели на острове выстроено несколько досчатых складов для грузов, барак для рабочих и большой двухэтажный дом для администрации.

Вот те отрывочные сведения, которые мы узнали друг у друга и которые нас интересуют, так как нет уже никаких сомнений, что нам придется быть невольными обитателями острова Мудьюга.

Представление о Мудьюге неразрывно связано с представлением о высшем страдании, о высшей человеческой жестокости и неизбежной мучительной смерти. Это пугало для архангелогородца было куда страшнее, чем „ад кромешный" для религиозного фанатика. Кто попал на Мудьюг, тот живой труп, тот уже не вернется к жизни; кто вырвался с острова и переведен в Архангельскую тюрьму, тот вырвался из объятий смерти, тот счастливец.

Такова репутация „Острова смерти". Насколько она справедлива, увидим дальше.

Пароход подходит к небольшой пристани на сваях. Шаланду причаливают. Нас выгоняют из трюма и заставляют выгружать на берег проволоку, провизию, одеяла, котелки и кухню. На берегу ожидают пеший и конный конвой французов-матросов и наше новое начальство.

Комендант острова — француз, морской лейтенант. Маленький, вертлявый человек с тревожно бегающими глазками, в которых не угасают недоверие и злоба.

Его помощник-сержант вполне гармонирует своему патрону. Третий француз—военный врач. С большим револьвером у пояса и стэком [1] в руке, лихо гарцует он верхом на лошади по морскому берегу. И последний представитель администрации — переводчик, русский белогвардеец Абросимов.

Разгрузив баржу, выходим со своим вещами на берег. Нас выстраивают и проверяют по списку. Офицеры и солдаты, сопровождающие нас из губернской тюрьмы отправляются обратно в Архангельск. Нам взваливают на плечи, кроме собственных вещей, тюки одеял и связки котелков, и, окруженные конвоем, мы плетемся, глубоко увязая в песке, по берегу моря. Некоторые, изнемогая под тяжестью поклажи, не выдерживают и падают под злобные ругательства конвоиров. Более сильные из нас, не ожидая, пока „благородный" французский приклад прогуляется по спинам упавших, снимают с них поклажу, взваливают на свои плечи, и мы, спотыкаясь, плетемся. Пройдя версты полторы, которые показались нам, по крайней мере, за пять, подходим к большому досчатому сараю, огибаем его, сворачиваем в маленький лесок и останавливаемся у бревенчатого барака. Сбрасываем поклажу и осматриваемся. Окна барака наполовину опутаны колючей проволокой, но работа не закончена, и круги проволоки валяются на земле. Саженях в пятнадцати большой двухэтажный дом. Начинается утомительная процедура обыска. „Гостеприимно" открываются ворота, и мы входим в нашу новую тюрьму.

Барак саженей десять длиною и около шести шириною. Весь застроен двойными нарами. Только по бокам, у окон, аршинный проход, и посредине другой, более широкий, крестообразный. В этом проходе три круглые печи. Сыро, грязно, темно.

---

[1] Бич-плеть.

Солнце закатилось. Опустились сумерки. Мы голодны: с утра ни крошки во рту. Первое наше требование: пищи и воды. После долгих переговоров выдают по две галеты и вкатывают в барак грязную вонючую бочку из-под рыбы. Наливают в нее сырой болотной воды. С жадностью набрасываемся и пьем.

До поздней ночи не умолкают разговоры о нашей дальнейшей судьбе.

Зачем нас пригнали сюда? Что нас ожидает? Почему передали французам?—главные вопросы, которые оживленно дебатируются, и над разрешением которых мы тщетно ломаем головы.

В бараке полумрак. Грязная августовская ночь прильнула к окнам. Разговоры постепенно переходят в шопот и, наконец, совершенно замирают. Усталость берет свое. Мы засыпаем мертвым сном. Сквозь дрему смутно доносится со двора разговор французов-часовых.

9. Голод

Мне никогда не забыть тех диких сцен, когда люди теряют свой человеческий облик и забывают и человеческое достоинство и личное самолюбие.

По утрам, когда раздавались галеты, в тех десятках, где была молодежь, во время дележки подымался невероятный шум, и часто дело доходило до драки. Исступленные, голодные люди рвали друг у друга галеты, царапались, дрались. Самая отборная, самая унизительная, жестокая брань, резкие, как пощечины, выкрики, громкий, безобразный, истерический плач,—все это сливалось в общую дикую какофонию звуков, которые висели в воздухе и хлестали по сознанию, пробуждая стыд за себя и за своих товарищей по несчастью. Голодные, озлобленные люди, с каким-то особым безумием, жадным отблеском глаз, ползали по грязному, сырому, заплеванному полу, собирая случайно упавшие ничтожные крошки сухарей. И эти жуткие сцены, когда люди, как голодные звери, бросались друг на друга, стали повторяться каждый день и чем дальше, тем омерзительнее и позорнее.

Помню, как в первые дни, срывая возвышенность для засыпки болота, откопали бочку гнилой воблы, зарытой за недоброкачественностью еще во время пребывания на острове гарнизона Красной армии. Эта сгнившая рыба страшно воняла, но голод не тетка, и заключенные тайком от французов, вырывая друг у друга, хватали ее и прятали в карманы, в шапки, под рубашки.

Вечером после работы стали варить рыбу в бараке. Когда вода в котелках стала нагреваться, эта гниль расползалась, рас-

пространяя такое страшное зловоние, что невозможно было дышать, и приходилось открывать двери, чтобы впустить струю свежего воздуха.

Зловоние переполненных, не имеющих крышек „парашек" в общих камерах тюрьмы было ничем, в сравнении с этой отравляющей воздух, омерзительной вонью. И все же, несмотря ни на что, голодные люди с жадностью набрасывались на эту гнилую рыбу, один вид которой заставлял содрогаться.

Но еще более омерзительные сцены разыгрывались под окнами дома, где жили французы. Там выливались помои и проходившие мимо заключенные бросались под окна и, ползая на четвереньках в помойной яме, хватали все, что могли найти мало-мальски съедобного: кости, куски грязного сала, кожуру картофеля.

„Культурные" французы выбирали момент и выливали на несчастных ведра помоев. Но забывшие все, кроме голода, люди старались и в этих, вылитых на их головы помоях найти для себя отбросы пищи, а сверху звучал сытый, пьяный смех французских солдат.

Часть заключенных работала в лесу, вырубая деревья на столбы для проволочных заграждений. Во время работ они успевали собирать и прятать в карманы и под рубашку грибы, которые вечером варили и без соли ели. Вскоре из-за грибов произошел следующий случай.

Как-то по окончании вечерней поверки один из заключенных вместо того, чтобы итти со всеми в барак, незаметно для часовых ушел в лес. Прошло часа полтора, за которые никто не обнаружил его отсутствия. Вдруг мы видим в окно, что он идет из леса и несет большой узел грибов. К нему подбежал часовой и дал свисток, вызывая администрацию.

Этот заключенный был совсем еще мальчик, лет семнадцати, простой и наивный. Голод довел его до такого состояния, что он, не отдавая себе отчета в возможных последствиях своего поступка, пошел в лес, набрал грибов и просто, как дома, возвращался в барак. Своим простым, наивным, детским умом он не видел в этом ничего плохого. Но не так, конечно, смотрели на это наши тюремщики.

Пришел лейтенант и учинил через переводчика допрос „беглецу". А тот сконфуженно смотрел на них своими детскими глазами, в которых отражались и недоумение и непонимание психологии своих палачей. После допроса его обыскали, вырвали из рук грибы и высыпали их на землю.

— Зачем им нужны грибы? Что им от меня надо? — говорил взгляд „беглеца“.

И, когда его повели в барак, он порывисто бросился к рассыпанным на земле грибам и торопливо стал их собирать, испуганно озираясь по сторонам, но его оттащили и выбили из рук грибы. Переводчик вошел в барак и заявил, что лейтенат для первого раза прощает этот „побег“, но в будущем виновные будут наказываться вплоть до расстрела.

А голод все крепчал.

Тяжелая земляная работа, не прекращающиеся муки голода уже на третий день довели и меня до такого состояния, что, нагнувшись над ямой, я выронил из рук лопату и не мог подняться. Сержант набросился на меня с кулаками, но, видя, что о симуляции не может быть и речи, остановился и даже разрешил мне пойти в барак. Кое-как я дотащился, лег на нары и не вставал до вечера.

Вечером с партией больных я пошел на прием к врачу. В приемной комнате за маленьким столом сидели доктор-француз и переводчик. В руках доктора был неизменный стэк, а на столе перед ним лежал револьвер. Других атрибутов его высокого служения страждущему человечеству не было видно.

10. „Гигиена“ на Мудьюге

Через неделю после нашего прибытия на Мудьюг лейтенант распорядился постричь нас всех „под машинку“. Исключение составляли „господа офицеры“: им дана была даже привилегия бриться, чего были лишены мы — „рядовые“.

Мы не имели даже возможности умыться, так как не было ни бани, ни умывальника. Умываться приходилось из тех же котелков, которые были выданы для пищи. Ни у кого почти не было смены белья, не было возможности стирать; не выдавали мыла, и люди месяцами ходили в одной рубашке, пока она не сгнивала на теле. Напрасны были все просьбы о выдаче мыла и белья.

Все это создавало самые благоприятные условия для паразитов, которые развелись в неимоверном количестве. При отсутствии сменного белья борьба с ними была совершенно невозможна. Наблюдать за чистотой в бараке также было невозможно. Освещения почти никакого. Всего лишь две „коптилки“ с фитилями, как у лампад. Только у печек, которые топились, можно было, сняв рубашку, уничтожать назойливых насекомых. Люди, чтобы хоть отчасти избавиться от этого зла, всю ночь, до утра проси-

живали у печей, молчаливо и сосредоточенно согнув свои голые спины, не переставая сбрасывать в огонь паразитов.

А паразиты все же с каждым днем множились, особенно, когда число заключенных в бараке, рассчитанном максимум на 100 человек, дошло до 350. Был случай, когда у одного заключенного развелось такое неимоверное количество паразитов, что товарищи выводили его на двор и сметали паразитов с его платья метлой. По ночам, когда в бараке все стихало, проходя по полу и прислушиваясь, можно было слышать, как паразиты трещали под ногами.

Неимоверная теснота, грязь, паразиты и голод создавали самые благоприятные условия для заболеваний, а администрация не только не старалась улучшить положение заключенных, но всячески стремилась сделать его еще более невозможным. Все это впоследствии сказалось, вылившись в страшную эпидемию тифа.

В октябре офицеры были переведены из общего барака в особое помещение, получившее название „офицерского флигеля". Оно находилось в том же здании, но отделялось капитальной стеной, в которой была прорублена дверь в общий барак.

11. Узники

Когда мы кончили обносить проволокой свой барак, наступили первые слабые морозы. Снег еще не выпал. Дни стояли ясные, солнечные и слегка морозные. В один из таких дней нас послали с часовым версты за полторы от батареи к северной оконечности острова. Там в лесу в полуверсте от берега был небольшой амбар-склад. Мы должны были взять из этого склада три шарообразные мины и оттащить их на берег моря. Не соблюдая никакой осторожности, мы потащили мины, пуская их под пригорки кубарем. Мины наталкивались одна на другую, на пни, на камни и деревья. Часовой во время этой работы держался от нас на приличном расстоянии. Позднее, когда мы вытащили их на берег и вернулись на батарею, узнали, что лейтенант предупреждал часового, чтобы он не подходил близко к нам в то время, когда мы будем тащить мины. Нас об опасности, конечно, не предупреждали.

20 ноября был первый крепкий мороз. Накануне выпал снег. Реомюр показывал — 15°. Вечером за час до окончания работы мы получили распоряжение срочно обнести колючей проволокой старый ледник, находившийся вблизи нашего барака. Он был построен в горе и обрыт землею. Недели за две до этого мне

приходилось заходить в этот ледник. Внутри его были страшная сырость, грязь, и стены и потолок покрылись толстым слоем плесени. Почти половину пола занимала обнесенная досчатой перегородкой яма, из которой пахло гнилью. Я пробыл тогда в нем несколько минут, и, когда вышел на свежий воздух, у меня закружилась голова. Вот этот-то заброшенный ледник и заставили обносить колючей проволокой. Было ясно, что в эту страшную яму хотят кого-то посадить, но кого?

Мы еще не закончили работы, как нам приказали идти в свой барак. Мы видели, что по дороге из лагеря кого-то вели под конвоем.

Быстро спускались сумерки. Мы зашли в барак, и, пока дежурный раздувал огонь под плитою и под котлом, открылась дверь, и вошел Р., заметно взволнованный. Он отстал от нас и заходил в уборную, которая стояла отдельно от барака вблизи дороги.

— Ну, что, привели? Кого? Сколько человек? — сыпались нетерпеливые вопросы.

— Кто, не знаю, не мог узнать в темноте. Их двое,— ответил Р. и прошел в темный угол, где сел на свою койку.

Настроение было подавленное. Все молчали и растерянно посматривали друг на друга.

Вновь открылась дверь, и в барак ворвалась струя морозного воздуха. Вошел прапорщик Медовый.

— Нет ли какой-нибудь банки, отнести им воды,— сказал он.

Кто-то предложил подождать, когда закипит котел, и отнести им чай, но Медовый ответил, что сержант не разрешает не только чая, но даже кипяченой воды.

Дверь захлопнулась за вышедшим Медовым, и опять все замолчали.

— Вот вам и культура Запада,— неожиданно тихо сказал кто-то из заключенных.

— Да, мы имеем возможность наглядно ознакомиться с французской культурой,— вдруг резко заговорил Р., выходя из своего угла и останавливаясь перед очагом, который бросал полосу яркого света на его взволнованное лицо.

— Какой ужас,— продолжал Р.,— на дворе мороз 20 градусов, а они сажают людей в старый заброшенный ледник. Ведь это верная смерть. О таком застенке могли только мечтать самые подлые палачи самодержавия, а представители „республикан-

ской", с позволения сказать, Франции перещеголяли и их. Но самое ужасное,— это сознание полного собственного бессилия. Здесь, почти рядом, голодные люди будут умирать мучительной смертью, замерзая в сыром, холодном подземельи, а мы будем спокойно спать, скушав свой, хотя и скудный, но все-таки ужин и выпив по кружке горячего чая. А мы не в силах помочь. Это что-то кошмарное, невозможное... В такие минуты кажется, что мы находимся в плену не у французов, а в руках самых диких, прожорливых людоедских племен.

Голос его дрожал. Он хотел что-то еще сказать и замолчал. Закипел котел, но никто не обратил на него внимания. Плита была пуста, и никто не думал об ужине.

Хлопнула дверь, и прапорщик Медовый быстрыми, но неуверенными шагами прошел от двери к своей койке и бросился на нее, уткнувшись в подушку лицом.

— Товарищ Медовый, что с вами? — спросил кто-то.

Я подошел к нему и слегка дотронулся до его спины. Его плечи нервно передергивались.

— Что с вами? — спросил я.

— Отойдите, отойдите все, оставьте меня—закричал он дрожащим срывающимся голосом и забился в тяжелом нервном припадке.

Медовый вдруг быстрым движением руки схватил ворот гимнастерки, и противный звук рвущейся материи присоединился к зубному скрежету. А он торопливо, как бы боясь, что уйдет время, рвал на себе гимнастерку и нижнюю рубашку, бросая куски материи на пол. Когда от рубашки ничего не осталось, он все еще цеплялся и царапал свою грудь, пока бессильно не откинулся на подушку с тяжелым стоном. Теперь он лежал, как пласт, голый, с выступившей на губах белой пеной.

Вскоре он пришел в себя и успокоился. Мы стали расспрашивать о причинах его припадка, и только впоследствии я узнал, что он был очевидцем того обращения французов, которому подверглись два приведенных неизвестных узника, когда их вталкивали в ледник.

На следующий день с утра мы работали на проволочном заграждении у ледника. На часах стоял молодой парижанин, один из наиболее симпатичных часовых. Как только раздался звук наших молотков, мы услышали слабый крик из ледника:

— Товарищи....

Мы невольно перестали работать и прислушались. Голос звучал из-под земли сдавленно и глухо.

— Товарищи, попросите у французов горячей воды ради всего святого.

Мольба и отчаяние звучали в этом крике. Они не просили о пище, это было бесполезно, они просили лишь несколько глотков горячей воды.

Мы передали их просьбу часовому. Он ответил, что сержант запретил давать им что-либо, кроме холодной воды. Так мы узнали, что лейтенант приказал чесовому, в случае, если мы вступим в разговор с заключенными, стрелять в нас без предупреждения.

Крик из подземелья повторился, но чем мы могли помочь несчастным?

— Товарищи! — в третий раз услышали мы.

Молотки дрожали в наших руках и стучали неуверенно. Я взглянул на часового. По его щекам катились крупные слезы. Он смахнул их платком, вскинул на плечо винтовку и решительно направился к солдатскому бараку, оставив нас одних. Мы догадались, что он решил просить сержанта. Вскоре часовой вернулся, и по его смущенному выражению лица без слов было понятно, что начальство неумолимо.

Мороз крепчал. Холодное северное солнце светило ярко. Вокруг ослепительно блестела пелена снега, и лучи солнца, переливаясь, играли в миллиардах незаметных в общей массе кристаллов. Только темным пятном выделялась на белых одеждах наступающей зимы мрачная дверь подземелья.

Узники молчали.

Прошли еще сутки. Утром, когда мы вышли на работу, часовой сказал нам, что в 9 часов заключенных в подземельи увезут в Архангельск на расстрел. Я и З. были назначены на распиловку дров и работали в нескольких шагах от дороги на южную оконечность острова. Вскоре из лагеря пришел конвой. К подземелью подошли лейтенант и сержант. Открылась дверь, и из ледника вышли, держась за стены, узники, но свежий воздух так подействовал на них, что они тут же упали на снег и не могли подняться. Лейтенант что-то грубо и громко закричал и вдруг поднял свою палку и ударил несколько раз несчастных. Сержант последовал примеру своего „культурного" начальника. Картина была непередаваемая. Тщетно пытались избиваемые встать. Ноги их не держали, и они вновь падали. Лейтенант и сержант продолжали их избивать. Наконец они собрались с силами, встали и неуверенными, слабыми шагами пошли,

шатаясь и опираясь друг на друга. Это были не люди, а живые трупы, исхудалые, как скелеты, со впавшими желтыми, как бы обтянутыми пергаментом, лицами. Когда они проходили мимо нас, то один из них слабым, чуть слышным голосом сказал:

— Прощайте, товарищи.

Пила дрогнула в наших руках, жалобно взвизгнула и замолкла, застряв в древесине. Я взглянул на З. По его щекам катились слезы.

Мы долго смотрели им вслед, пока они не скрылись в ближайшем лесу.

Эти заключенные были: Иванов — председатель Шенкурского уездного исполнительного комитета советов и Лохов — слесарь Путиловского завода. Часовой ошибся: они не были расстреляны, а умерли впоследствии от тифа в Архангельской губернской тюрьме.

12. Издевательство администрации

Когда мы пришли на пристань, то старший пошел за распоряжениями к капитану. Вернувшись, он вызвал меня и Ц. Выходим. Нам дают ведро и назначают часового, с которым мы и отправились, не зная сами куда, в то время как часть наших товарищей стала пилить дрова, а часть — перекапывать гряды. Часовой нас привел к клозету дома, в котором жил Прокофьев, и сказал, что мы должны вычистить не только этот клозет, но и все остальные у домов, находящихся на пристани. Когда мы открыли яму, в ней ничего не оказалось, и чистить ведром было невозможно. Часовой заглянул в яму и крикнул старшему. Тот сходил к Прокофьеву и смущенный вернулся назад. Прокофьев, не обращая внимания на его заявление, сказал:

— Пусть языками вылижут, но чтобы чисто было!

Делать нечего, приходилось исполнять каприз самодура. Пока мой коллега по новой профессии ходил разыскивать лестницу, из дому вышел сам Прокофьев, направляясь ко мне.

Это был мужчина лет сорока, среднего роста, в его черных волосах серебрилась седина. С резкими, нервными движениями, он шел как-то боком, смотря в землю. Каждое движение говорило о жестокости и бессердечности этого угрюмого человека.

— Как фамилия? — отрывисто бросил он, хотя, повидимому, знал уже мою фамилию, так как по его распоряжению я и Ц. были назначены на чистку клозетов. Отвечаю.

— Сколько дали? — задает второй вопрос Прокофьев, и я догадываюсь, что он спрашивает о сроке, на который я осужден. Опять отвечаю.

— Мало, — вдруг выпалил Прокофьев, жди — пока расстреляют!

И он, быстро повернувшись на каблуках, ушел. Пока он меня спрашивал, я ни разу не мог уловить взгляда его глаз, которые все время были опущены в землю. Когда я передал свой разговор с Прокофьевым товарищам, они сказали мне, что это его любимые вопросы, а взгляда этого человека никто не видал. Он всегда рыскал по земле, и прямо в глаза Прокофьев никому не смотрел.

На следующее утро мы опять были отправлены на пристань. Капитан Прокофьев еще спал, и разбивку на работы производил „старший". Я попал на пилку дров, а Ц. — копать гряды. На чистку клозетов пошли другие. Когда Прокофьев проснулся и увидел в окно, что мы на других работах, то призвал „старшего" и спросил:

— Почему клозеты чистят не N и Ц.? — и распорядился послать на чистку клозетов нас, а тех, которые чистили, — на наше место. Но не прошло и полчаса, как почему-то снова распорядился послать меня копать гряды.

Прокофьев то смотрел в окно, то, несмотря на дождь, проходил мимо и подгонял работающих. Минуты тянулись бесконечно. Вдруг Прокофьев крикнул мою фамилию. Я перестал работать. Он подозвал меня и приказал идти на берег моря собирать лошадиный помет.

Видимо, он спохватился, что дал мне более или менее „продуктивную" работу, и поспешил исправить свою ошибку. Было ясно, что я заслужил особое „расположение" Прокофьева, и он решил, что называется, вымотать из меня всю душу. Даже солдаты возмущались его издевательством, когда он дал мне новую работу — собирать по поселку, где мы находились, пустые банки из-под консервов. Но, увы, банок нигде не было, и я извлек только две жестянки из помойной ямы и проходил с ними под непрекращающимся дождем до обеденного перерыва.

Работать в тюремном дворе все избегали, так как проходила она на глазах администрации. Надзиратель Судаков часто обходил работы, зорко посматривая, не отдыхает ли кто-нибудь или не разговаривает ли.

Помню один случай, когда двое каторжан, пиливших дрова, тихо разговаривали между собой, не замечая, что в ворота

тюремного двора входит Судаков. Он подошел к разговаривающим и, трясясь от гнева и размахивая своей палкой, крикнул:

— Молчать! Я вам покажу, как митинговать. Здесь не митинг, а каторга. Я вас сгною в карцере, мерзавцы, и выброшу туда,— и он своей палкой указал в ту сторону, где на пригорке за колючей изгородью на фоне голубого неба выделялся большой, залитый лучами утреннего солнца кладбищенский крест.

Разговоры заключенных между собой были больным местом Судакова, и, как бы невинны они ни были, он во всем видел „митинги, агитацию и заговоры". Его подозрительность доходила до болезненного состояния. Поэтому вполне понятно, что все стремились попасть на сборку дров.

Благодаря тревожному для белых настроению, которое создалось с занятием советскими войсками Онеги и неустойчивым положением в тылу, конвоиры относились к нам не только осторожно, но даже предупредительно. Отправленные на сборку дров, мы большую часть дня, а то и весь день проводили на отдыхе на берегу моря, ходили в лес, где было изобилие ягод и грибов. Каждый раз мы набирали грибов и вечером, вернувшись в барак, жарили их.

В начале второй половины августа капитан Прокофьев совсем уехал с Мудьюга, и с этого времени работы на пристани мы не только не избегали, но стремились всеми способами попасть на нее в надежде узнать что-нибудь новое.

Вот что произошло в Архангельске за то время, которое мы находились уже на Мудьюге:

Правительство, видя неустойчивость своего положения, созвало „Земско-городское совещание" из представителей земств и городов. Состав этого совещания был на стороне правительства, и совещание приняло резолюцию доверия. Но все-таки левое крыло совещания, относясь отрицательно к политике правительства, потребовало ее изменения, созыва постоянного органа, контролирующего действия правительства и амнистии заключенным. Совет профессиональных союзов представил на это совещание свою декларацию, в которой резко осуждал правительство и в заключение требовал: полной амнистии заключенным, права рабочим организациям свободно сноситься с рабочими же организациями Советской России и Запада и т. д. По вопросу об амнистии была организована комиссия из членов совещания. Но эта комиссия вместо того, чтобы заняться разработкой

вопроса с технической стороны, как было поручено ей совещанием приняла резолюцию, что — „амнистию не находит возможной и предоставляет этот вопрос на усмотрение правительства". Благодаря такому мудрому решению, правительство амнистировало несколько лиц, которых находило для себя абсолютно не опасными, и этим вопрос об амнистии был исчерпан. Но чаша терпения переполнилась. Женщины первые намеревались выйти на улицы города с вполне определенными требованиями: амнистия всем политическим заключенным, демобилизация армии и прекращение гражданской войны. Рабочие, поддерживая декларацию Совета профессиональных союзов, объявили стачку, которая была подавлена массовыми арестами и расстрелами. Арестованы были и члены исполнительного комитета Совета и высланы в заброшенный среди тундр крайнего севера Пустозерск.

Что положение становилось для правительства угрожающим, видно было хотя бы из того, что оно объявило эвакуацию Архангельска морским путем на юг России через Черное море и в порты Балтики семейств как лиц, состоящих на военной и гражданской службе у белого правительства, так и частных лиц, мужчин, в том числе возрастом свыше 50 лет, не подлежащих мобилизации в белую армию. Из окон нашего барака было видно, как выходили из Архангельска в море пароходы, переполненные беженцами. Хотя эвакуация была объявлена якобы „для более успешной борьбы с германо-большевиками", но было ясно, что власть белых не имеет больше никакой под собою почвы, и падение ее неизбежно.

Более сжато и более определенно трудно охарактеризовать тот момент. С одной стороны — полная эвакуация и ожидание со дня на день собственной катастрофы, с другой — шум о мнимых победах над советскими войсками как на северном фронте, так и на фронтах Колчака, Деникина, Юденича и прочих авантюристов. Газеты были полны известиями о крупных победах Деникина, о „стратегическом" отходе банд Колчака, об успешном наступлении Юденича на Петроград. Почти каждую неделю „падал" Кронштадт, и был накануне падения Петроград, чуть ли не под Москвой были уже деникинские шайки. Так рисовали белые газеты положение на фронтах.

Неустойчивость положения в Архангельске чувствовалась и на нашем заброшенном острове. После скоропалительного отъезда капитана Прокофьева не менее спешно стал готовиться к отъезду

и Судаков. Все заключенные, у которых хорошо держался в руках топор, работали большие ящики для вещей, и через несколько дней администрация каторги отправила с острова все свои вещи и семьи. Сам же Судаков не смел больше жить на острове и с каждым пароходом уезжал в Архангельск, находясь в тюрьме только то время, пока стоял пароход. Все это радовало нас как явные признаки надвигающегося рокового конца владычеству белогвардейщины.

Каждый раз, как приходил на Мудьюг пароход, команда его, сообщая тем из нас, кто попадал гребцами на лодку, выезжавшую на пароход, новости, говорила, что пройдет самое большее несколько недель, и мы будем освобождены. И мы ждали со дня на день, что вот-вот вспыхнет восстание. А время между тем шло, и впереди были лишь одни надежды, и у многих, если не у большинства, закрадывалась мысль: ждать ли этого момента или самим попытаться его устроить?

Вопрос о побеге облегчался тем, что часть конвоиров, видя всю неустойчивость белогвардейской авантюры, соглашалась бежать вместе с заключенными.

В первых числах сентября побег был окончательно решен, и в одну из ночей два конвоира должны были прервать телефонное сообщение с Архангельском, „снять" часовых и открыть дверь барака. Поздно вечером они уже оделись, чтобы идти для выполнения этого плана, но один из них был так неосторожен, что сболтнул об этом своей сожительнице, и кончилось тем, что администрация тюрьмы узнала и стала держаться настороже. Побег был отложен до более благоприятного случая.

Так продолжалось до 14 сентября. Настроение у всех было ожидательное и тревожное. В воскресенье 14 сентября мы работали до полудня. После обеда, пользуясь праздничным отдыхом, одни спали, другие подстригали и брили друг друга, третьи занимались починкой своего скудного гардероба, и, наконец, четвертые просто слонялись от безделья из угла в угол. Двое ушли на пристань, куда должен был придти пароход из Архангельска, и мы с нетерпением ожидали их в надежде узнать что-нибудь хорошее, получить нелегальным путем газету и узнать, кому есть с парохода передачи. Пароход, сверх ожидания, пришел в этот день значительно раньше обыкновенного, и мы не знали, чем это объяснить.

Вдруг в барак приходит „Шестерка" со списком в руках и вызывает около пятнадцати человек. Проверив их по списку, он

предложил им собрать вещи и выходить на двор. Куда их отправили? Зачем? Эти мысли весь день волновали нас.

Возвратились с пристани гребцы. Они разговаривали с конвоирами и выяснили, что заключенных из Архангельска, в виду тревожного положения, решено эвакуировать на Мурманское побережье в становище Иоканьгу, и что отправленные товарищи, повидимому, попадают в первую партию отправляемых на далекий Мурман.[1]

Пережив все ужасы Мудьюга в зиму 1918/19 года, мы видели в этой отправке в Иоканьгу стремление правительства поставить нас в такие условия заключения, в которых жить невозможно. Здесь со дня на день ожидали мы избавления от власти варваров, и вдруг из нашей среды начинают вырывать и отправлять товарищей на самый глухой, дальний север. Нас пугало то, что отправка в Иоканьгу может не только задержать освобождение, но при падении власти авантюристов не исключается возможность кровавой расправы с нами. Эти слухи об Иоканьге взволновали нас и вновь выдвинули на первый план мысль о побеге как единственном пути к освобождению.

13. Побег

Утро 15 сентября началось тревожно и необычно. Сверх обыкновения на работу пустили только мастеровых и до десятка человек — на пилку дров. Остальные остались в бараке. План побега — разоружить конвой во время работы — встречал серьезное препятствие.

Настроение заключенных в бараке было нервное и взвинченное: то один, то другой из мастеровых выходили из мастерских, направляясь в уборную. Только слишком близорукий человек

[1] На самом деле это была первая партия заложников, отправленных в Англию, куда было увезено 100 чел.: 50 красноармейцев и 50 след. товарищей: Мельцев Петр, Кузнецов Григорий, Кожевников Егор, Андреев Павел, Юргин Трофим, Сакнит Альберт, Палкин Николай, Палкин Павел, Федькушев Василий, Тарков Петр, Корельский Петр, Соловцов Михаил, Кашунин Иван, Клевер Ян, Андрюхин Андрей, Антуфьев Федор, Кашеев Игнатий, Зотов Иван, Постнов Федор, Золотилов Александр, Дорофеев Николай, Широкий Евлампий, Шарухин Иван, Шуваев Филипп, Окулов Анисим, Жилин Кондратий, Кокорин Василий, Бутаков Иван, Попов Петр, Кузьмин Егор, Листов Никифор, Крапивин Алексей, Кожевников Лука, Рыбин Иван, Капитовский Иван, Стоп Оскар, Максимов Константин, Роговин Арсений, Лукьянов Степан, Крылов Александр, Сырцов Иван, Карин Илья, Асылов Степан, Харитонов Иван, Германов Михаил, Клюге Антон, Богданов Иван, Павловский Евдоким, Дерябин (Михоньков) Дмитрий, Дорогобузов Андроник.

не мог видеть, что это лишь благовидный предлог, под которым выбирался момент для обезоруживания часовых. Неизбежность чего-то грозного и непоправимого чувствовалась во всем окружающем.

Жажда свободы слишком накипела, чаша терпения переполнилась, и развязка надвигалась стихийно. Волнующая страсть последней борьбы взяла верх над рассудком и безотчетно влекла людей переступить порог заключения, хотя бы этот шаг привел к последней черте между жизнью и смертью.

Так же, как всегда, стояли на своих постах часовые и скучающе поглядывали по сторонам, с нетерпением ожидая смены. Так же ярко светило солнышко, и так же пели свою вечную, нудную песнь волны морского прибоя.

В ворота тюремного двора вошел старший надзиратель. Дойдя до мастерской, после минутного колебания, он твердо шагнул через порог и скрылся за низенькой дверью. Десятки глаз из окон барака пытливо впились в эту дверь. Теперь она все... Нервы напряглись до крайности, и никто не может больше скрывать своего волнения. Одни пытливо всматриваются, ожидая условного сигнала, начала борьбы на жизнь или смерть. Другие, лежащие на нарах, с напряженным болезненно вниманием, прислушиваются к малейшим звукам и ждут неизбежного. Бывают моменты, когда люди уверены в неизбежности взрыва, ждут его, заткнув уши и напрягая всю силу воли, чтобы сдержать готовый сорваться крик ужаса, а взрыва все нет и нет...

Так же спокойно стоит у двери в мастерскую часовой, опершись на свою винтовку.

— Чего же они ждут? — мелькает обрывок мысли.

Кажется, не будет конца этому нервному, напряженному состоянию.

— Скорей бы. Чего же они? — Невольно читаешь в глазах других тоскливую мысль, и все, что еще сегодня утром наполняло жизнь, кажется ненужным, пережитым.

Светит солнце, стонет морской прибой, бьется лихорадочная мысль.

Вдруг из двери мастерской быстрыми и решительными шагами выходит каторжанин К. и подымает вверх руку. Знак, условный знак начала.

От группы заключенных, работавших в нескольких десятках шагов на распиловке дров, отделился высокий, здоровый В. и в несколько быстрых, нервных прыжков оказался у часового.

Сильным, неожиданным движением он вырвал из его рук винтовку. Часовой растерялся, нелепая улыбка скосила его лицо, как-будто он не верил в серьезность поступка В. К чему такие глупые шутки? — говорил его недоумевающий взгляд.

Но решительный вид большого, сильного человека, одетого в серое арестантское рванье, твердо сжимавшего в руках винтовку, говорил далеко не о шутках, а о чем-то серьезном и страшном. И кислую улыбку недоумения сменил животный страх перед этим серым человеком, который вдруг вырос перед ним, как воплощение беспощадной мести.

Охваченный безотчетным ужасом, отвратительно исказившим лицо, он, не отдавая себе отчета в происходящем и только инстинктом живого существа чувствуя опасность, растерянно оглянулся по сторонам. Ноги не слушались его, и он как бы прирос к земле, скованный невольным страхом перед чем-то роковым и неизбежным. Но вот он, тяжело подымая ноги, двинулся с места и вдруг, не оглядываясь, быстро, с криком, похожим на визг, побежал к воротам. Другой часовой, у ворот, после минутной растерянности, также бежал.

У двери в мастерскую, прислонившись головой к косяку, жалко всхлипывая, стоял и плакал обезоруженный старший надзиратель. Наглый и надменный несколько минут назад, он теперь был большим ребенком.

На дворе поднялась суматоха. Один из заключенных, подбегая к вышке, на которой стоял часовой, резким, полным нервного подъема и не допускающим возражения голосом, крикнул:

— Бросай винтовку!

И часовой, привыкнув повиноваться каждому решительному окрику, машинально бросил вниз с высоты винтовку, а сам быстро, как мяч, скатился вниз по лестнице и бросился бежать, сам не зная куда и зачем.

— Эй, товарищ, не бегай, присоединяйся к нам! — крикнул ему вслед заключенный, подхватывая с земли винтовку, но напуганный часовой бежал, не оглядываясь.

— Ваше оружие,— кричал кто-то в другом конце часовому, и опять брошена винтовка, опять панический страх.

Под сильными ударами затрещали запоры барака, и как выходная, так и запасная двери раскрылись настежь.

— Выходи, выходи все.

Опьянение возможностью близкой свободы набежало могучей волной, захлестнуло, вскружило головы.

Одни бежали к двери, другие в беспорядке метались по бараку. Когда, увлекаемый общим порывом, я бежал к двери, то в боковые окна было видно, как открыли большой барак, и следственные заключенные дружною толпою в несколько сот человек высыпали на двор. Выбежавшие первыми из нашего барака перепрыгивали уже через высокую стену проволочных заграждений и поспешно бежали к опушке ближайшего леса.

— Бум! — резко хлопает выстрел, и пуля с треском шлепнула в крыльцо, где-то близко, близко...

Мы под обстрелом. Все хлынули обратно в крыльцо, наклоняясь и инстинктивно ища защиты от шальных пуль.

Тра...тра...та...та...та...та—затрещали выстрелы, и большая толпа следственных в беспорядке повернула обратно в барак.

Барак под обстрелом. Бежать невозможно. Выбегают со двора несколько человек, среди них В., обезоруживший первого часового. Даже он не успел скрыться. Стрельба продолжается. Бросаемся на нары и ложимся, чтобы укрыться от шальных пуль. Надежды никакой. Беспомощные, как в западне. Болезненно отдается каждый выстрел. Молнией пронизывает мысль о бесцельности и дикой нелепости смерти.

— Какой ужас, какой ужас,— тихим стоном срывается у кого-то из моих соседей.

— Эх, замолчал бы уж,— не то с укоризной, не то со злобой бросает кто-то, отражая общую мысль.

Бум, — хлопнул последний выстрел, и переход от трескотни к жуткому молчанию еще больше взвинтил напряженные нервы.

Под окном забегали зеленые фигуры солдат. Захлопали двери, лязгнули железные запоры.

Все кончено. Призрак свободы вновь отодвинулся в туманную даль. Наши мечты, наши надежды были с теми, кто ушел. Уйдут ли? Спасутся ли?

Стонали раненые.

14. Расстрел

Они совершали свой последний жизненный этап, а впереди ждала уже неизбежная смерть.

Их было тринадцать человек... слабых, изнуренных тяжестью долгого заключения.

Сотня ощетинившихся стальною стеною штыков зловеще колебалась в сумерках вечера.

Солдаты шли мрачно, стыдясь за то страшное и гнусное дело, от которого у них нехватало силы воли отказаться.

Приговоренные твердо ступали, смутно надеясь на что-то, со слабо горящей верой еще в возможность жизни.

Выйдя из тюремных ворот, они повернули влево, к морю и длинной лентой растянулись за стеною проволочных заграждений.

На берегу моря остановились, и в окна нам был виден целый ряд темных силуэтов, среди которых можно еще было отличить приговоренных от солдат.

Пронесли пулемет. Приговоренных выстроили на песчаном пригорке, спиною к морю, и теперь их серые фигуры отчетливо выделялись на бледнеющем фоне догорающей зари. Длинною беспрерывною, полукруглою цепью окружили их солдаты, и штыки винтовок зловеще заколыхались.

Мы замерли в томительном ожидании. Надежды не было никакой, но мысль отказывалась воспринять возможность невероятного, нелепого, ничем не оправдываемого убийства. Не верилось, что те, кто еще так недавно был среди нас, через несколько минут будут лежать бездыханными трупами на сыром морском песке.

Мы были уверены и не верили.

Вокруг разлилась такая жуткая тишина, что не слышно было дыхания рядом стоящих. За эти бесконечные, мучительные минуты не было проронено ни одного слова. И все смотрели, смотрели...

А там на берегу моря шли последние приготовления.

Спазмы давили горло, нервы напряглись до крайности, как туго натянутые струны, кажется, вот-вот лопнут и прекратят тяжесть молчания. Кто-то сдержанно кашлянул, и все болезненно вздрогнули.

— Тише! — полный мольбы и укоризны прошептал чей-то голос, и опять жуткая могильная тишина.

На западе все больше и больше бледнела полоса неба, захваченная зарею, и становилась все уже и уже. И чем дальше от нее, тем темнее становился небесный купол, переходя на востоке в темно-синий, мрачный, пугающий своей необъятностью океан. Со стороны моря доносился чуть слышный шопот волн, набегавших на отлогую песчаную отмель.

Тра...та...та...та...тра...тра...та — вдруг резко затрещали выстрелы, вспугнув тишину наступающей ночи и отдаваясь глухим эхом где-то далеко в лесу.

Все вздрогнули и еще напряженнее вглядывались туда, где на чуть светлевшем еще фоне один за другим падали на морской песок приговоренные.

Безотчетный, чуть слышный стон, полный ужаса и бессильной злобы, вырвался из десятка грудей. А руки судорожно цеплялись за косяки окон и переплеты рам.

Смолкли выстрелы, и снова настала все та же спокойная, усыпляющая тишина наступающей ночи, как-будто ничего не произошло. Там, где еще мгновение назад выделялись тринадцать серых фигур, теперь ничего уже не было видно, и только море, спокойное и необъятное, уходило в даль, да чуть тлела узкая кромка угасавшей зари.

Трупы убитых остались лежать на морском берегу. Мимо барака понурою толпою прошли солдаты, совершившие позорное, мерзкое дело. Шкурный страх за свою мнимую свободу лишил их мужества не только вступить в борьбу с насильниками, несущими порабощение трудящимся, но и отказаться от убийства тех, кто пошел на эту борьбу, забывая о личных интересах и жизни, видя впереди лишь будущее человечества.

Ночь скрыла всех — и убийц, и убитых.

15. Заложники

В коридоре громко и резко прозвонил колокол. Тюрьма зашевелилась и ожила. Нехотя и лениво подымались со своих коек заключенные, неприязненно поглядывая на окна, где все той же мокрой туманной кисеей, не переставая, сеял мелкий дождь.

Вторично пробил звонок, и одна за другою захлопали двери камер. Прошла поверка, и нудный, однообразный тюремный день начался. Принесли пайки и кипяток. Мы еще сидели и пили, „загоняя“ свои порции кипятка, как открылась дверь, и надзиратель крикнул:

— На прогулку!

Несмотря на дождь и грязь на дворе, мы все-таки пошли на прогулку, чтобы хоть несколько минут подышать чистым воздухом улицы, а не душной, спертой камерной вонью.

День начался нормально, и мы в полной уверенности, что в этот день никуда нас не отправят, остановились на мысли, что несколько дней придется пробыть в „губернской“. Конечно, все наши мысли и разговоры были сосредоточены вокруг слухов об отправке во Францию. И, как вчера вечером, мы все относились недоверчиво к возможности этого невольного турнэ в Западную Европу.

Время уже подходило к обеду, как вдруг открылась дверь, и старший надзиратель сказал:

— А ну-ка, собирай вещи да выходи.

Собралась партия около тридцати человек. Конвой, человек в десять военной милиции, стоявший тут же на дворе, был незначителен в сравнении с партией и против обыкновения вооружен не винтовками, а револьверами. Нам сделали перекличку; хотя все по списку оказались налицо, но нас продолжали держать на дворе под дождем и повидимому кого-то ожидали. Из окон тюремных камер на нас смотрели все обитатели их, заинтересованные, куда нас отправляют. Чей-то голос крикнул:

— Куда это вас?

Кто-то из нашей среды серьезно, не допускающим возражения голосом, ответил:

— Во Францию.

Этот ответ показался настолько нелепым, что все рассмеялись. Смеялись и мы, смеялись конвоиры, смеялись выглядывавшие из камеры заключенные. Ответ всем казался шуткой.

Прошло еще с полчаса. Из ворот тюрьмы мимо нас прошел в контору какой-то прилично одетый буржуа в котелке. Минут через десять он вышел на крыльцо в сопровождении начальника тюрьмы и по списку проверил нас. Это был французский консул, и хотя он не заявил нам о нашей отправке, но больше сомневаться уже не приходилось, что нас передают в распоряжение французских властей.

Когда мы поднимались по трапу с катера на крейсер, сверху на нас смотрели сотни матросов, недоумевая, что за пассажиров к ним привезли. Да и было чему удивляться. Вид был самый разнообразный: одни — прилично одетые в штатское, другие — в английскую военную форму, третьи — в русских офицерских и солдатских шинелях, но большинство — в жалких, до невозможности грязных и изорванных лохмотьях, едва прикрывающих наготу.

Нас повели узкими коридорами и, спустившись на две палубы вниз, привели в помещение, которое, как видно, было приготовлено специально для нас. Это был средний проход с закрытыми со всех сторон дверями, представлявший как бы небольшую камеру, в которую не проникал дневной свет благодаря отсутствию иллюминаторов. По бокам были настроены на скорую руку двухэтажные нары из нестроганных брусьев и досок и набросаны грязные, старые матрацы и одеяла.

Здесь, в глубине трюма большого судна, куда не проникали лучи дневного света, замененные безжизненным, спокойным

электричеством, куда не доносился шум города,—мы вздохнули спокойно. Все, что было пережито за этот год, все ужасы белого террора остались позади, как далекий кошмарный сон, от которого мы едва очнулись, находясь все еще под его впечатлением; как тяжелая болезнь, кризис которой только что миновал, и жизнь как-будто снова обернулась своей нарядной, праздничной стороной. В течение года мы не имели никакой гарантии для своей жизни, никакие законы не ограждали нас от самых возмутительных насилий и зверств; не было минуты, когда бы мы могли чувствовать себя в безопасности; в течение года мы были не людьми, а беззащитными, бесправными животными, и теперь впереди показался как-будто какой-то светлый просвет. Нам казалось, что, вырвавшись из лап правительства авантюристов и будучи переданы в распоряжение французского правительства, мы можем себя чувствовать теперь избавленными от тех издевательств и мучений, которым подвергались в Северной области.

Среди нас был один больной, настолько слабый, что ходить не мог. Как только мы прибыли на крейсер, явился доктор, осмотрел больного, и через полчаса его отправили обратно в Архангельск. Вполне понятно, что он очень неохотно возвращался обратно, и в тот момент мы вполне ему сочувствовали, но впоследствии не раз являлось чувство глубокого сожаления, что мы тогда вместе с ним не остались в Архангельске. После отъезда мы думали, что привезут из тюрьмы другого заключенного, но этого не произошло, и нас осталось двадцать девять человек.

На другой день, около десяти часов утра, совсем близко над нашими головами (мы помещались почти в самой носовой части крейсера) тяжело загремела якорная цепь, и, казалось, конца не будет этому трескучему, однообразному и назойливому, как жужжание большой мухи, бьющейся в стекла рамы, гулу. Катали якоря, и если вчера еще вечером, по сложившейся горькими опытами последнего года привычке никому и ничему не доверять, мы допускали возможность быть возвращенными в Архангельск, то теперь не было уже никаких сомнений, что мы будем увезены. Долго еще трещала якорная цепь и когда неожиданно замолкла, то от непрерывного оглушительного гула ее в ушах все еще стоял неприятный лязг железа. Над головами, на верхних палубах, еще больше застучали торопливые шаги команды.

Иллюминатора в нашей каюте, если можно так назвать этот закупоренный со всех сторон железный мешок, не было, и мы

не могли видеть, тронулся или нет „Condé“, а если он находился в пути, то шел настолько плавно, что здесь, в глубине трюма, нельзя было заметить. И лишь после того, как кто-то сходил в уборную, чтобы посмотреть в иллюминатор, где мы находимся, мы узнали, что Архангельск остался уже позади, и „Condé“ идет Маймаксой, направляясь в сторону Белого моря.

Надо заметить, что внизу в своем помещении нам не разрешалось курить, и только на палубе во время прогулки мы получили наконец возможность закурить первый раз с момента нашего прибытия на судно. Поэтому вполне понятно, что мы с особым нетерпением ожидали всегда прогулок и всегда неохотно возвращались, по истечении своего часа, в душный, темный трюм.

На утренней прогулке, 27 сентября, мы видели большое госпитальное судно Американского Красного Креста, которое шло одним с нами курсом. Белый силуэт судна с красными крестами на бортах резко выделялся среди пустынного моря.

После прогулки в этот день нас вызывали по одному на допрос, который производил какой-то штатский француз, повидимому, член французской миссии при правительстве банды русских авантюристов. Он не владел русским языком, и наши ответы переводил ему тот самый французский консул, который принимал нас в Архангельской губернской тюрьме. Допрос был самый подробный, но из него не было видно, с какою целью нас везут и что с нами намерены сделать. Когда мы задали эти вопросы допрашивавшему нас французу, то он заявил, что ответ будет дан немедленно по прибытии во Францию. И так наше положение осталось неопределенным и будущее — покрыто мраком неизвестности.

Памятник на о. МУДЬЮГ

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

БОРИС НЕПЕИН

ОСТРОВ МУДЬЮГ

На берег взбираются волны,
Кругом—несмолкающий гул,
И всходит холодная полночь
Нести боевой караул.

А там, где колышется синий
Полярный нетронутый лед,
Былины о мертвой пустыне
Мне северный ветер поет.

И стынет взволнованный остров
В преддверьи речной тишины.
Огнями сигнальными остро
Глаза маяка зажжены...

Темнеет. И стонут могилы,
И гром—на болотах глухих.
О, сколько смертей затаили
Промерзлые, топкие мхи!..

Встает перегной лихолетья
В туманах угасшего дня,
Играя французскою плетью,
Английской винтовкой звеня.

В сырой мерзлоте подземелий—
Отчаянье, голод, цынга...
И залпы расстрелов гремели,
И кровью цвели берега.

„Шушукались звездные точки:
—Откуда, куда и кого,
Куда это вздумалось ночью
Вести семерым одного?“ [1]

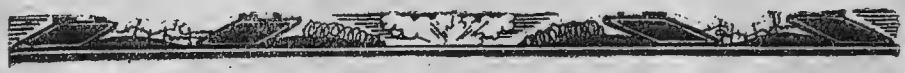
[1] Из поэмы Ивана Молчанова „Архангельск“.

И, пули встречающий грудью,
Боец-коммунар проклинал
Ветрами хохочущий Мудьюг
И волн набегающий вал...

Стихало... Над серым болотом
Белесый повиснет восход,
Да шаг прошуршит с поворота,
Да гильза пустая блеснет...

Но—утро вступило на остров,
Рассеялся прошлого мрак,
И снова спокойны и просты
И берег, и мель, и маяк.

И моря крыло голубое,
Барашками пенясь вдали,
Качает на легком прибое
Советской страны корабли.



В. ЧУЕВ

ИОКАНЬГА

Это пустынный остров на берегу Ледовитого океана. Здесь разыгралась жуткая драма в период интервенции 1919—20 гг.

Сотни товарищей сложили свои головы на скалистых берегах Иоканьги, замученные белогвардейскими палачами.

Гражданская война — это не только борьба на фронте с винтовкой в руках против врага, которого видишь. Не менее острые моменты борьбы разыгрывались в тылу белогвардейцев, которые, захватив территорию, не смогли захватить под свое идейное влияние массы, так как их идеи укрепления капиталистического строя несовместимы с идеями рабочего класса.

В ночь с 1 на 2 августа 1918 года интервенты захватили Архангельск. Этот захват был тщательно подготовлен дипломатическим корпусом союзников при непосредственной помощи русской буржуазии, от монархистов до эсеров включительно.

С первых же дней началась зверская расправа с застрявшими советскими работниками и активистами. Тюрьма в первый день переворота была забита доотказа, даже двор был полон арестованными.

Первым был расстрелян захваченный в плен командир советского отряда тов. Ларионов с семью красноармейцами, прямо во дворе тюрьмы у стены. Затем командир советского судна „Святогор“ тов. Дрейер. Несколько позже за отказ идти на фронт против советских войск и организованное восстание в казармах бывшего Александро-Невского полка (теперь казармы Восстания) расстреляно публично 13 мобилизованных солдат. Но поистине кошмарных размеров белогвардейский террор достиг к моменту эвакуации англичан из Северного края. Всех политических заключенных решено было вывезти на Иоканьгу, так как держать их в городе было опасно. При чем это дьявольское требование было предъявлено со стороны собрания „национального ополчения“, т.-е. формирования, состоявшего из домовладельцев, чиновников и др. буржуазных элементов.

Не сгладится в памяти картина отправки и кошмарные дни, проведенные на Иоканьге.

Утро 26 сентября 1919 года.

В тюремном коридоре раздался сигнал — вставать. Все недоумевают — почему будят в 3 часа утра? Предположения, одно нелепее другого, лезут в голову. „Архангельск взят советскими войсками", может быть поведут всех „на мхи" — термин, означавший расстрел. Однако дают кипяток и дневную порцию хлеба.

В камеру вводят новичков, арестованных в эту ночь, и от них узнаем, что всех вывозят на Иоканьгу.

— Одевайсь!

— Господин надзиратель, а куда нас отправят?

— К чорту, вот куда, не разговаривать, живо одевайсь. Да не смей свертывать одеяло, чорт! дорогой выдадут.

Многие не посмели захватить не только одеяла, но даже верхних вещей, и вышли в одних суровых арестантских портках и бушлатах, дырка на дырке. Многие были без сапог в одних носках.

— Сдохнут и так — таково было напутственное пожелание белогвардейцев.

Спускаемся по лестнице вниз, кругом конвой, у решетки огромная очередь. Идет тщательнейший обыск. Наконец выходим.

Арестованный Неведомский без бушлата нагибается к куче старых заношенных халатов, сложенных под лестницей, тянет за рукав к себе, чтобы надеть,— он в одной рваной рубашке, и вдруг падает, застонав: его ударом ноги в бок сшиб старший надзиратель Гнутов, любимец начальника, вечно пьяный, с заплывшими жиром глазами. Ему доверяют выводить осужденных на расстрел.

— У, сволочь... твою мать! Я тебе покажу халат, марш в ряды, скотина!

И снова подправляет кулаком неудачника; тот бежит, спотыкается, размазывая по лицу кровь и слезы, дрожа от боли и холода.

Построили нас во дворе в пять рядов. Сосчитали. Кругом сплошная цепь белогвардейских солдат, они избегают смотреть заключенным в глаза.

Ряды обходит курносый полковник с браунингом в руке, сверлит взглядом. Около полковника вьюном вертится долговязый фельдфебель, местный домовладелец Штоп, усы лихо закручены, на поясе граната.

В задней шеренге стоит арестованный старик Горончаровский, старый моряк, отец председателя Холмогорского уездисполкома,

убитого белогвардейцами во время восстания в начале 1918 года. Он в рваных „котах", ему пришлось становиться в самую лужу. Горончаровский шагнул шаг назад. Гоголем налетел Штоп.

— Куда вылез, старый чорт! Становись на свое место.

— Да тут лужа, у меня ноги простужены.

— Об этом нужно было раньше думать. Старик, а туда же, в политику лезешь!

Стоим час, другой, продрогли, зуб на зуб не попадает. Наконец раздается команда: „шагом марш"! — распахнулись ворота, и мы пошли, шлепая по колено в грязи.

Не смей обернуться, заговорить,— бац прикладом.

Плотное кольцо конвоя, штыки на перевес чуть не упирают в бока, впереди дозор из восьми белогвардейцев. Город еще спит. Хотя бы увидеть кого своих, хотя бы узнали об отправке.

У пристани дальнего плавания нас погружают в два трюма большого морского парохода „Новая Земля". Набили, как селедок в бочку, духота невозможная. Под ногами навалены сырые, только что выкатанные из воды бревна. Четверо суток провели мы в этой живой могиле без света (люк закрыли), без пищи и воды,—за исключением нескольких английских галет нам ничего не дали.

На Мудьюге сделали небольшую остановку, к нам забрали Клюева, Бечина и Цейтлина.

Подошли к Иоканьге. Стали к пристани. Команда: Выходи!— и один за другим полезли вверх. Головы кружились от свежего воздуха. Одного старика вынесли, он не перенес этого пути и умер.

На пристани в два ряда выстроен конвой. Нас встречает комендант Судаков, он выше среднего роста, здоровенный детина, с палкой в руке. Вид у него приветливый, но под этой маской скрывается настоящий дьявол. Это старый, опытный царский палач, не мало людей угробивший на своем веку. В царское время Судаков был помощником начальника Верхнеудинской каторжной тюрьмы в Сибири. Нас повел по землянкам Мамай. Служил он старшим надзирателем, сам бывший каторжанин, смертник, но выслужившийся у начальства благодаря искусству вешать. Стяжал он себе эту позорную славу в одном из приволжских городов. Хитрый был Мамай. Старая, опытная прожженная шельма.

— Ну, идем, ребятушки,—обратился он к нам.

Пошли. Смотрим—где же наше будущее узилище? Ничего не видно, кроме нескольких маленьких домиков, да с полдесятка

землянок, в которых и пришлось жить в нечеловеческих условиях, а для половины заключенных свыше чем из тысячи человек эти землянки явились местом последнего упокоения.

Голод, болезни, бесчеловечные избиения и издевательства уносили ежедневно по десятку и больше людей. Трупов не хоронили,—их, окоченевших, попросту сваливали в сарай, как дрова.

Судаков добросовестно выполнял задание белогвардейского правительства Миллера, уничтожая попавших в его лапы заключенных.

Эти кошмарные дни ушли в безвозвратное прошлое.

Победивший пролетариат строит новое общество. Мы имеем на всех фронтах социалистического строительства гигантские достижения. Однако эти достижения не даются нам даром — в порядке самотека. Мы преодолеваем большие трудности и сламываем бешеное сопротивление классового врага. И если находятся еще в наших рядах люди, ноющие от этих трудностей, вместо того, чтобы их преодолевать, то следует напомнить им, что они забыли или не испытали тех трудностей и смертельных опасностей, которые переживали наша партия и весь рабочий класс в героической борьбе за право строить новую жизнь.

М. С. ПИРОГОВ

БОРЬБА С БЕЛЫМИ В МЕХРЕНЬГЕ

В Церковнической волости о падении Архангельска узнали 3 августа. Кулачье радовалось. Ими в Тарасове (соседней волости) было организовано совещание из „делегатов трудового народа" — интеллигентов и кулаков; совещание решило в волостях района немедленно объявить советы распущенными, организовать земские управы. По требованию этих „делегатов" Церковнический волисполком созвал ночью волостное собрание граждан. Выступил И. П. Чубаров и предложил организовать волостную земскую управу. Мужики были крайне возмущены, что их оторвали от полевых работ. Представители „новой власти" успокаивают, просят разрешить сейчас же вопрос. Мужики матерно ругаются, грозят кулаками. Организаторы — Чубаров И. П. и Ветошин Ник. Дм. — растерялись. Дело чуть не дошло до драки Собравшиеся все расходятся по домам. Никакого решения принято не было. Исполком просуществовал до прихода красноармейских частей на Плесецкую в начале ноября.

В Мехреньге были получены сведения о прибытии новых отрядов красноармейцев на ст. Плесецкую. Тарасовцы „самоохрану" сняли. Союзных солдат поблизости пока не было. Действовали лишь свои белогвардейцы. Организаторы „земства" бежали под крылышко „дорогих союзников".

Белогвардейцы в это время организовались в более сильные отряды, вооружились, завели связь с тылом и при помощи части местного населения вынудили красноармейские части отступить из Сельца до Средь-Мехреньги. Незнакомые с местностью, при встрече противника, хорошо знающего каждую лесную тропинку, красноармейцы попадали в невыгодное положение.

Находившийся в Средь-Мехреньге красноармейский отряд Гайлита проводил нажим на кулаков и уличенных в сношениях с белогвардейцами расстреливал.

Местное население рассматривало это как насилие. Потихоньку получали от белогвардейцев оружие и убивали красноармейцев. В Церковнической и Тарасовской волостях ежедневно шли

собрания. Поводом были требования лошадей для Красной армии. Председатель волисполкома не решался удовлетворять требования единолично и собирал общеволостные собрания. На собраниях неоднократно выступали прибывшие для учета хлеба двое питерских рабочих. Крестьяне относились пассивно. Питерские рабочие при помощи „комитетов бедноты“ [1] все же произвели учет хлеба, но при отъезде из волости устроили пьянку и скомпрометировали себя.

На Кодыше, куда отступили красные из Сельца и Порецкой волости, стали происходить стычки с белогвардейцами. Загремели орудийные выстрелы. Красноармейцы, оторванные от тыла, снабжались плохо, были голодны. Красное командование решилось на реквизицию скота у населения. Начались составление списков волисполкомами и реквизиция. Командированный от красноармейских частей для производства приема скота Дыдымов делал, что хотел. Брал взятки. Отбирая корову у бедняка, передавал ее кому вздумается. Даже дьякону передал корову, отобранную у бедняка. Устраивал пирушки. Жарил отобранное у населения мясо и приглашал пировать местную интеллигенцию. При таком положении население легче поддавалось агитации белых. Призыв о вступлении в Красную армию остался неподхваченным.

Вскоре из Кочмаса с Церковническим была установлена телефонная связь и на усиление отряда выслан в Церковническое батальон красноармейцев с командиром Контрем. Он взял на себя руководство дальнейшими операциями. Григорьев был назначен политкомом.

Белогвардейцы, не решаясь напасть на Церковническое, всячески вредили нам: высылали на дорогу разведки, ловили проезжих и уводили с постов наших телефонистов.

За несколько дней до наступления на Тарасово нашими разведчиками была снята застава белогвардейцев на реке Мехреньге и получены ценные сведения. Среди пойманных были соседи и родственники. Сын привел в плен отца, а зять — тестя. Решили их попугать. Выводили одного из пойманных, давали выстрел в воздух, а оставшимся говорили: „Расстреляли, вам то же будет“.

Они, перепуганные, просили пощады. Наши смеялись.—„Что, залопало? Не даром галеты кушали и сигареты курили“.

---

[1] Комитеты бедноты были только в одной Церковнической волости.

Наступление на Тарасово началось одновременно с наступлением на Шенкурск в начале января 1919 г. Бой за Тарасово продолжался три дня. Первый день был удачен: мы заняли возвышенные деревни Тарасова с тыла до начала рассвета. Но имели потери.

Ночью и утром белогвардейцы несколько раз шли в контратаку, но безуспешно—были отбиты. Белые, видя бесполезность сопротивления, стали перебегать к нам. В один день перебежало 13 человек.

Красноармейцы устали. Два дня напряженной борьбы давали себя чувствовать. Чтобы взять Тарасово, нужна была срочная поддержка. Чтобы получить подкрепление через Кергу, требовалось три дня. Кроме того, требовалось строгое согласование наших и действовавших со стороны Кочмаса сил, что при окружной связи было неудобно.

Для выполнения этой задачи нас собралось 10 человек во главе с тов. Григорьевым. Шли вечером версты две по дороге, а затем по колено в снегу лесом. Подошли к проволочному заграждению красных частей на 5-й версте. Наша батарея в это время стреляла по Тарасову. Нас отвели к командиру полка, находившемуся в землянке. Мы предложили прочистить дорогу и протянуть телефон для соединения с нашей группой. Командир полка согласился и сразу же послал человека за начальником саперной команды.

Переговоры нашего политкома Григорьева с Кочмасом о посылке подкрепления кончились безрезультатно, и он поехал в Кочмас для личных переговоров с командующим 18-й дивизии тов. Уборевичем, находившимся на ст. Плесецкой.

Ночь была темная. Солдаты-саперы почему-то работать отказывались. Начальник саперной команды, по виду старый офицер, пришел с докладом к командиру полка.

— „Дорога к утру должна быть готова“,—приказал Григорьев.

Когда начальник команды пришел вторично и заявил, что люди не идут, и он ничего не может сделать, Григорьев, говоривший в это время с кем-то по телефону, бросил трубку, схватил револьвер и, подчеркивая слова, сказал: „Если вы не исполните приказания, я вас расстреляю“.

Начальник саперной команды смутился, повернулся по-солдатски и больше не возвращался. Дорога к утру была готова.

Батарея начала усиленный обстрел дер. Наволок. Из трехдюймового орудия выпустили несколько зажигательных снарядов.

В Подволочьи начался пожар. Огонь батареи перенесли на Алексеевскую, где помещался штаб белых. Около штаба вспыхнуло пламя. Наблюдатель сообщил, что у белых паника. По обеим деревням стали бить картечью. Красноармейцам отдано распоряжение быть готовым к атаке. Но оказалось, что наша группа, действовавшая со стороны Церковнической, не была готова, и наступление в эту ночь не состоялось.

Утром из Кочмаса вернулся Григорьев. К нам в помощь был двинут батальон красноармейцев.

Как передавал Григорьев, настоять на посылке подкрепления было очень трудно. Только ручательство за успех операции своей головой и решительность тов. Уборевича спасли положение.

Вскоре мы отправились в Тарасово по прочищенной ночью дороге. Вслед телефонисты тянули телефонный провод. Мы везли одно полевое орудие „стукалку".

Около Тарасова нас нагнал батальон красноармейцев. Утром установили орудие на горе в д. Тарасихе и начали обстрел пулеметных гнезд белогвардейцев.

И, неуловимые до сих пор, пулеметные гнезда вынуждены были замолчать. Белогвардейцы открыли артиллерийский огонь. Наша батарея обстреляла батарею белогвардейцев, обстрел с их стороны прекратился. После этого до наступления темноты активных действий с обеих сторон не было. Мы подготовлялись к ночному наступлению.

Вечером начали наступление на дер. Подволочье, главный укрепленный район белогвардейцев. Движение наших цепей противник заметил, и они были встречены пулеметным и ружейным огнем. Пришлось вернуться. Белогвардейцы нервничали: ежеминутно пускали ракеты. Но мы их перехитрили. Под прикрытием каменной церкви, перебегая по одному возле огородов, мы произвели накопление достаточной атакующей группы.

Начали снова со всех сторон наступление. Белогвардейцы не выдержали, побежали. Наша батарея стала бить по убегающему противнику, но вместо преграждения пути отступающим образовала для них прикрытие: снаряды ложились между нашими частями и убегающими белогвардейцами.

Потеряв Тарасово, главный оплот на этом участке фронта, белогвардейцы без боя оставили и Порецкую волость. Потерь с нашей стороны почти не было и лазарет оказался ненужным.

Преследования белогвардейцев дальше Поречья организовано не было. Красное командование после взятия Тарасова решило

дать красноармейцам отдых на два-три дня. Такое решение было ошибкой, за которую после пришлось здорово поплатиться.

Момент для развития успеха был очень удобен: белогвардейцы не имели укрепленного опорного пункта и были в панике, а тарасовские белые партизаны, после отступления в Средь-Мехреньгу, бросили винтовки и два дня волынились, не зная, что делать. А в это время мы отдыхали. Белогвардейцы же успели укрепиться в Средь-Мехреньге и привести в порядок свои силы. В Средь-Мехреньгу прибыли свежие американские солдаты. Тарасовцы снова взялись за оружие.

Когда наши части через два дня двинулись в наступление на Средь-Мехреньгу, белогвардейцы были уже подготовлены и отбили наступление с большими для нас потерями—разбили почти целую роту. Потерпев неудачу, мы на-время отказались от наступления. Укрепили свои позиции около д. Александрова.

После взятия Тарасова, были освобождены от белогвардейцев три волости: Церковническая, Петровская и Порецкая.

Григорьев, по поручению командира дивизии Уборевича, руководил особой секретной разведкой. Разведка, снабженная литературой на русском и английском языках и воззваниями уисполкома, уходила в тыл белогвардейцев до Емецка, около 200 верст.

Через сочувствующее советской власти население она устанавливала связь с белогвардейскими солдатами и добывала ценные сведения, иногда возвращалась обратно с пленными белогвардейцами или сторонниками советской власти, которым грозили Мудьюг, Иоканьга или тюрьма.

Бывали случаи, что разведка попадала в руки белогвардейцев. Пощады не было, в таких случаях белые без „пересыльных пунктов" отправляли разведчиков „на тот свет".

Впереди отряда за неделю наша разведка вышла на дорогу около Моржа и навела панику. Белогвардейцы, почуяв опасность, выслали в Челезеро сильный отряд. Прибыв туда, наш отряд встретил сопротивление.

Возвратившись из Челезера, отряд был расформирован. Все подлежавшие призыву направлены в красноармейские части, а старики отпущены по домам. В это время военный комиссариат, организованный при уисполкоме, проводил мобилизацию в Красную армию для отправки на восточный фронт. Из состава оставшихся партизанов для охраны тыла организована была при военкомате небольшая красноармейская рота. Вскоре, однако,

с наступлением Колчака большинство их было отправлено на восточный фронт.

В марте 1919 года для работы в уисполкоме из 18-й дивизии прибыл И. С. Тубанов. По инициативе его и Григорьева началась организация ячеек РКП(б). Первой была организована ячейка при уисполкоме, затем церковническая и петровская. Для охраны тыла по инициативе уисполкома из числа бывших партизанов и членов комячейки были организованы вооруженные боевые группы.

В мае белогвардейцы, пользуясь тем, что в их рядах было много местных жителей — тарасовцев, хорошо знакомых с местностью, стали отрядами ходить лесом на наши тыловые дороги и ловить проезжающих.

Однажды в начале июня белогвардейским отрядом под руководством быв. кочмасского лесничего Дамбита (белогвардейского офицера) были захвачены на дороге Кочмас—Тарасово возвращавшиеся из служебной командировки члены уисполкома Фокин Як. Вас. и Беданов Фед. Вас. Узнав об этом, выслали разведку отбить Фокина и Беданова. Но не удалось. Белогвардейцы расстреляли их в Средь-Мехреньге.

В конце августа 1919 года натиск белогвардейцев усилился по всему фронту. Белогвардейцы после ухода „союзников" собрали все свои силы и двинулись в наступление. Их наступление в первое время было успешно. На железнодорожном направлении Красная армия сдала позиции около ст. Плесецкой.

В связи с этим нами решено было оставить Порецкую, Петровскую и Церковническую волости. Исполкому предложено эвакуироваться на Плесецкую. Для прикрытия эвакуации уисполкома была прислана рота 155-го полка, но, в виду спешного отступления из Тарасова, исполком эвакуироваться не мог.

На другой день началось формирование нового отряда. Все бывшие партизаны снова взялись за винтовки. Командование отрядом и ротой красноармейцев 155-го полка было возложено на председателя уисполкома тов. Григорьева. Комендантские обязанности выполнял тов. Ходоков, а я — штабные. Чувствовался какой-то особый прилив энергии. Так начался второй период борьбы с белогвардейцами.

В распоряжении отряда винтовок имелось недостаточно, патронов всего 10 ящиков, одно трехдюймовое орудие, 40 снарядов и один пулемет. После первой стычки с белогвардейцами стало ясно, что отряд при таком вооружении вести борьбу

с белогвардейцами не может. К тому же противник превосходил нас во много раз численностью, а нам при отсутствии связи с тылом неоткуда было ждать поддержки.

Решили Церковническую волость оставить без боя. Отряд в ночь с 7 на 8 сентября в полном порядке начал отступление по направлению к Шенкурску. Отступлению много способствовал прибывший из Шенкурского уезда обоз для отвозки снарядов из Тарасова. Белогвардейцы нас не преследовали. Все их силы были направлены на ст. Плесецкую. Отряд остановился в Верхоледской волости Шенкурского уезда и связь с Двинским центром быстро восстановил. Мы сразу же повели активные действия: в Шидозере стали рыть окопы и в Церковническое под командой тов. Григорьева вышла разведка. Разведка ночью напала на дер. Чубарову и вынудила белогвардейских офицеров в одном белье вброд через реку бежать в Тарасово.

А потом получили патроны, продовольствие, снаряды. Отряд снова в боевой готовности. Белогвардейцы наступали из Тарасова на д. Кочмас. В бою они утеряли батальон солдат. Отряду задание—занять Церковническую волость. Направленная в Церковническое разведка захватила несколько человек в плен. Отряд вступил в волость без боя.

После занятия волости в тот же день приступили к возведению укреплений. Белогвардейцы обстрелом мешали работе. Мы мобилизовали жен белых партизанов и поставили их на окопы. Первый день белогвардейцы стреляли и по ним, но когда узнали, что одну из своих ранили, стрелять перестали.

Убедившись, что нас „налетами“ не выжить, белогвардейцы решили уничтожить мосты по дороге из Церковного на Шенкурск. Сожгли мост через р. Мехреньгу. Мы соорудили временный мост, и замысел их провалился.

Две недели мы жили спокойно. Укрепили позиции. Белогвардейцы усиленно готовились выбить нас из этих позиций.

В ночь с 18 на 19 октября белогвардейцы начали приготовления к наступлению на Церковническое. Утром наши передовые посты в дер. Конецгорье услыхали шум около Средь-Погоста и сообщили об этом в штаб отряда тов. Григорьеву.

Это известие поставило нас на ноги. Положение для нас, в случае наступления белогвардейцев, было бы чрезвычайно тяжелое. Силы были неравные.

Нас, партизанов и красноармейцев, в отряде 200 человек, а белогвардейцев—500—700 человек, и вооружены они „до зубов“.

Наша батарея состояла из одного трехдюймового орудия, а у белых было 7 орудий, в том числе несколько четырехдюймовых. Пулеметов у нас было, считая „шоша", 7-8, а у белых не менее 50, на каждые 10 человек — пулемет. Патронов у нас было всего 10—15 ящиков, снарядов—120 штук. База, откуда мы могли получить подкрепление (Двинской Березник на Сев. Двине),—за 300 верст. Связи телефонной с тылом не было. У белогвардейцев же боевых припасов было неограниченное количество, связь с тылом великолепная.

Началась спешная подготовка к отражению наступления.

Нападения скорее всего мы ожидали с северо-запада. Послали по тому направлению надежную разведку.

Утром белогвардейцы из Средь-Погоста двинули обоз к Золотухе. Наши наблюдатели это заметили, и трехдюймовка открыла по обозу огонь. Снаряды попадали в середину обоза. Белогвардейцы не ожидали такой „встречи", растерялись. В обозе паника. Лошади, ломая повозки, неслись, как бешеные, во все стороны. Извозчики разбежались. По белогвардейскому обозу было выпущено около 50 снарядов. Тов. Григорьев предлагал прекратить стрельбу в виду недостатка снарядов. Начальник орудия возражал и продолжал стрельбу. „Еще раз десяток жаркнем... Покажем белой сволочи, где раки зимуют", ворчал он. Наконец, убедился, что рискует остаться в бою без снарядов. Стрельбу прекратили.

Разведка вернулась обратно в д. Королиху. Я пошел узнать все подробности. Подумал, не обходят ли нас белые со всех сторон. Начальнику команды разведчиков тов. Муразину сообщил свои предположения о наступлении белогвардейцев обходом. Решили послать разведку на восточную сторону. В это время является наш разведчик Лебедев со снятым белогвардейским телефонным проводом. Лебедев сказал, что в лесу за выселком обнаружили следы, при снятии провода заметили белогвардейского телефониста, и, судя по смятому мху, белогвардейцев прошло не меньше двух рот.

Спешно направили Лебедева и др. снова в разведку в восточном направлении. Разведка пошла под гору на речку Химу и скрылась в лесу. Разведка обнаружила с этой стороны также следы и тянувшийся провод. С колокольни заметили, что по опушке леса около д. Подола двигаются белогвардейцы. Сомнений не могло быть: белые нас окружали.

Со двора выкатили в поле орудие. Батарейцы приготовились. Со стороны дер. Подола у нас не было не только окопов, но

даже ни одного поста. Я побежал в деревню Бархатиху, чтобы заставить находившихся там красноармейцев вырыть окопы и выставить пост. Затем пошел на Юру-Гору, чтобы и там сделать подготовку. В деревне Юрой-Горе, как и в Бархатихе, обнаружил полную неподготовленность к бою. Красноармейцев в деревне было только пятеро, из них одни беспечно спали, другие искали картошку.

Со стороны дер. Перхины (наш тыл) послышалась стрельба из пулемета. Стреляли белогвардейцы.

Нашему штабу угрожала опасность, и я побежал туда. В штабе встретил Григорьева. Решили держаться.

Началась стрельба и около дер. Верхний Конец и на Куркой Горе.

В это время начался усиленный обстрел Матнемы. Матнема стоит за угорами, и снаряды не попадали, рвались в воздухе. Только картечь попадала на крышу и стучала, как горох, но крыши не пробивала.

Когда орудийный огонь белых несколько затих, захватив портфель с деньгами и секретными документами, я забежал в штаб. Григорьева не было, и телефон со стола куда-то исчез. Разыскал его сидящим за телефоном в подвале. Вышли на улицу, захватив с собой телефон. В это время просят из деревни Бор подкрепление: „белые переходят в наступление". Послали туда команду разведчиков. Трехдюймовке приказали бить по белым, наступавшим на выселок Потехина. Выстрелы были удачны. Благодаря своевременной помощи разведчиков и огню батареи атака белых на д. Бор была отбита.

После этой неудачи белогвардейцы стали наступать по другим направлениям. В дер. Королихе был убит наш артиллерийский наблюдатель. Белогвардейцы нажимали. Требования на патроны и людей неслись со всех сторон, а у нас всего в обрез. В ответ на все просьбы повторялось: „Товарищи, держитесь! Не сдавайтесь! Подкрепление высылаем"... А посылали их же посыльных да оказавшихся случайно около нас людей. И товарищи не сдавались, будучи в десять раз меньшем числе, отбивали атаки.

Вот пример: белые обстреливают из всех орудий позицию в дер. Куркой-Горе — ближайший укрепленный пункт от нашего штаба д. Матнемы. Партизаны (их было 7—10 чел.) забежали в блиндажи. Они, выученные на фронтах империалистической войны, знали, что за артиллерийским огнем будет атака. Когда артиллерийский огонь прекратился, партизаны, во главе

с командиром Ляшковым Костей, вооруженные винтовками и автоматом „шоше", быстро разбежались по окопу и встретили противника метким огнем. Белогвардейская рота, вооруженная несколькими пулеметами и автоматами, — отступила. Снова артиллерийский обстрел и атака—и снова белые отбиты.

Действия белых не были вполне согласованы, так как нашей разведкой у них была уничтожена телефонная связь. Натолкнувшись на упорное сопротивление, белогвардейские офицеры из дер. Заречья стали с наступлением вечера незаметно для своих солдат утекать в свое логовище—Тарасово. Белогвардейцы-партизаны последовали их примеру.

Наступали холода. Остро стал чувствоваться недостаток продовольствия и теплой одежды.

Выходили на пост красноармейцы часто в одних портянках, обмотанных веревкой. Неуверенно себя чувствовали красноармейцы, присланные из Шенкурска, хотя и были одеты лучше.

Волревком [1] отдал приказ об отобрании у населения старых шинелей, валенок и полушубков. Почти негодное к носке самим жители отдавали нашим сборщикам. Вид красноармейцев, одетых в валенки с десятками заплат и „бабьи" шубы,—был чрезвычайно смешон. Они, отправляясь на пост, называли себя в шутку—Акулина Ивановна, Марья Степановна. Продовольствием красноармейцев также поддерживало население, делясь последними запасами. Красноармейцы часто ходили, как они выражались, по „теткам"—„стрелять" поесть. Керосина не было. Даже в штабе приходилось работать с лучиной. Партизаны и красноармейцы, у которых были близко дома, находились в лучшем положении. К ним приходил „транспорт": бабы с сухарями, хлебом и шанежками. Припасами они делились с остальными красноармейцами.

Через две недели получили патроны, снаряды и часть продовольствия. Поднялись силы. Повели усиленную разведку. Помню случай, когда под моей командой около 50 человек ходили окружать белогвардейцев в д. Средь-Погост. Сзади от нашей позиции в Конецгорье для связи протянули телефон. Разбившись на колонны, с трех сторон начали обстрел Средь-Погоста из винтовок и пулеметов. По телефону попросили сделать несколько выстрелов из трехдюймовки.

[1] Волревком был выделен в составе Маккавеева П. А., Заговельева П. В. и Аникиева Е. К., подчинялся комиссару отряда.

Белогвардейцы всполошились. Было темно. Начали пускать ракеты. Открыли стрельбу из пулеметов, бомбометов и нескольких орудий.

Наши колонны подползали почти к самым укреплениям белых кричали ура и скрывались, перебегая на другое место. Белые вызвали еще несколько батарей и открыли форменную канонаду.

Мы ушли обратно. Занимать Средь-Погост было бесцельно, так как он находился бы под обстрелом трех батарей белых. После мы узнали, что белые, расстреляв все запасы, хотели отступать.

После этого случая разведчики не давали белогвардейцам в Средь-Погосте покоя: соберутся несколько человек, подползут к проволочным заграждениям, крикнут ура, бросят гранаты и быстро скроются. Проделают затем то же самое в других местах и возвратятся. А у белых паника: все на ногах, откроют стрельбу из орудий и пулеметов, иногда на всю ночь. Во время одной разведки попали в плен к белым и были расстреляны Ляшков А. С., Заговельев и Климантов И. М.

Установилась зимняя дорога. Завели пешую связь с Хаджи-Муратом, занимавшим Челезеро, и телефонную — с г. Шенкурском. Вскоре снова были получены продовольствие и обмундирование.

В половине ноября в отряде была проведена партийная неделя. Для ее проведения приезжал „человек на костылях“ — член РКП(б), кажется, Шилов. Образовался коллектив членов РКП(б) в 50 человек. Тогда уже отряд назывался — 1 батальон 160 стр. полка. Получили литературу, организовали библиотеку, и начала развертываться культурно-просветительная работа.

После поражений белогвардейцев под Ленинградом, на южном и др. фронтах через разведку белогвардейские солдаты узнали, что их газеты много об этом умалчивают. Мы усиленно начали посылать к белым свои газеты.

„Взят Ленинград“, „Деникин под Москвой“, „конец большевикам“ — нахально врали белогвардейцы в газетах. Белогвардейские солдаты, узнав действительное положение, перебегали к нам. Затем мы стали писать письма знакомым белогвардейцам и ответы на выпады в белогвардейских газетах.

Наши письма имели успех. Количество перебежчиков-белогвардейцев увеличивалось.

Однажды ночью 30 белогвардейцев устроили налет на д. Кергу с целью выловить сочувствующих советской власти. Решили

хватить и Семена Аникиева — „Куля", жившего на хуторе близ деревни.

Только-что до этого он был у нас в штабе—в Церковном. Мы знали его как надежного и преданного советской власти товарища. Белогвардейцы убили его тринадцатилетнего сына, переносившего винтовки первого отряда.

Мы советовали Кулю перебраться к нам.

— Что, я не могу обороняться?—отвечал на наши уговоры старик.—Ведь у меня есть винтовка и патроны.

Ушел домой на хутор.

Прошло три дня.

Ночью стук в ворота штаба.

— Кто там?

— Я—Куль.

Весь растрепанный, ругаясь трехэтажными,—стоял старик, дрожа от холода.

— Что случилось?

— Случилось то, что белые пришли... Я, кажется, троих убил.

Мы попросили рассказать...

— Поздно ночью моя собака во дворе залаяла. В ворота стучат. Послал старуху спросить. Ответили, что свои. Голоса незнакомые. Я шепчу старухе: наверно белые, не пускай...

Пришедшие стали выламывать ворота. Я в это время достал винтовку и стал за печку. Несколько человек вломились в комнату. Командуют старухе достать огня.

Спичек нет—отказалась она. Когда они сами достали огонь, старуха встала между мной и белогвардейцами. Стрелять было нельзя, и я не знал, что делать. Да на счастье немного посторонилась, и я в упор выстрелил. Один бандит как сноп свалился, а другие из избы бежать. Я как был босиком, в одних рубахе и портках,—бросился вслед за ними и с порога убил второго. По снегу погнался за третьим. На ходу выстрелил: свалился как-будто и третий. Я не стал долго рассматривать. Живо забежал домой, схватил зипун, надернул катанцы и бросился бежать прямо снегом в лес. На озере провалился. Залил катанцы, сдернул их и босиком, окольным путем выбежал на дорогу и добрался до вас. Не знаю—жива ли старуха,—закончил Куль.

Мы выслали разведку. Вечером разведка вернулась. Действительно в Кергу ночью приходила белогвардейская разведка. В Керге захватили двух стариков, после чего во главе с начальником разведки белогвардейцы пошли на хутор захватить Куля.

Встретив неожиданно сопротивление Куля, бежали. Куль убил двоих и ранил главаря разведки.

На обратном пути белогвардейцы бросили в избу Куля несколько гранат, а у арестованного старика Заговельева подожгли на повети сено.

Наша разведка разыскала скрывшихся в хлеву жену и десятилетнюю дочь Куля.

О подвиге Куля было сообщено высшему командованию, и старик получил в подарок часы с надписью: „За храбрость Семену Аникиеву от Реввоенсовета Армии".

В начале января 1920 года белогвардейцы снова решили „ликвидировать" церковнический фронт.

Наше положение в это время было уже лучше: 300 красноармейцев, 2 орудия, 8 пулеметов, достаточно снарядов и патронов и телефонная связь с Шенкурском. Но силы были все же неравные: у белых было 14 орудий, полк солдат и на каждый десяток — пулемет.

Утром 8 января белогвардейцы из батарей начали обстрел наших позиций. Снаряды попадали на все участки нашего расположения. Окопы в Конецгорье были буквально сравнены с землей Заставы держались стойко. У нас были хорошие блиндажи, и когда белогвардейцы шли в атаку, из блиндажей открывали пулеметный огонь.

В Верх-Мехреньге находилась рота красноармейцев под командой Я. А. Фролова. Вскоре телефон с Верх-Мехреньгой перестал действовать. Мы беспокоились, между тем дело у Фролова шло удачно. Разведка в 12 человек, вышедшая на устье р. Мехреньги под командой тов. Фролова, увидала двигавшуюся около озера Ханезера колонну белогвардейцев с орудием. Два человека из разведки были посланы предупредить своих в Верх-Мехреньге, восемь человек разбежалось. Фролов с оставшимся красноармейцем с опушки леса открыли по белогвардейцам (их было около батальона) из автомата огонь. Белые смешались, затем залегли и стали отвечать на огонь. Фролов перебежал на другое место и с криком — „батальон за мной!" — открыл из автомата огонь. Белогвардейцы не выдержали—побежали, оставив свалившееся под косогор орудие. Момент для преследования был очень удобный, но у Фролова вышли все патроны. Пришлось идти в Верх-Мехреньгу. Белогвардейцы достали орудие и пошли обратно.

Артиллерийский огонь белогвардейцы продолжали с небольшими перерывами день и ночь. У нас было подбито орудие и испорчен пулемет. Мы отвечали из одной трехдюймовки, находившейся в Матнеме.

От зажигательных снарядов у нас вечером загорелась церковь. Старики и старухи, несмотря на выстрелы, вылезали из землянок и репных ям посмотреть на горящую церковь.

Вечером мы ждали наступления белых. В штаб привели перебежчика. Он сообщил, что отдан приказ взять Церковное, но солдаты идут в наступление неохотно, и атака ночью едва ли будет.

Мы сообщили в штаб бригады о намерении белых выбить нас из Церковнической и просили прислать снарядов и патронов.

Несмотря на то, что белые за два дня выпустили около 10000 снарядов, сожгли около десятка домов и церковь, — мы позиций не сдали. Реввоенсовет 6-й армии прислал отряду телеграмму:

„Реввоенсовет 6-й армии — Церковническому партизанскому отряду за проявленную стойкость выражает свою благодарность".

На смену отряду прислали полк, и мы отошли в тыл в дер. Майнему. Полку оказывали помощь разведкой, так как знали хорошо местность.

В конце января на фронте был получен приказ:—„Смести всю белогвардейскую нечисть красной метлой в Белое море".

Красноармейцы выдвинули лозунг—„Даешь Архангельск!"

Стали усиленно готовиться к наступлению по всему фронту. Для руководства прибыл штаб бригады. Установили радиостанцию. Повели усиленно разведки. Полковые орудия заговорили.

Штаб бригады возглавлялся: командир бригады—Иванов, нач. штаба—Смородинов, нач. операц. отд.—Орлов, политком—Рейнер.

Первой основной задачей поставили—занять Тарасово, нанеся главный удар по дер. Наволок и передовой позиции белых в д. Средь-Погосте, при легком маневре на д. Усть-Шерду, где стояли эскадрон белогвардейцев и батарея.

Этот план наступления имел серьезный недостаток: главный удар предполагался туда, где легче всего белые могли нас отразить. Я считал и говорил тов. Григорьеву, что главный удар нужно нанести в тыл противника, именно на дер. Усть-Шерду, и занять тыловые пути сообщения белых, для чего нашу роту, наступавшую под командой тов. Григорьева на Усть-Шерду, нужно

было усилить и придать два-три орудия, а на оставленных участках сделать ложное движение.

При наступлении несовершенство плана сразу же обнаружилось. Группа, атаковавшая позицию белых на Средь-Погосте, была встречена пулеметным огнем, и почти целая рота красноармейцев была уничтожена. В эту ночь на главном направлении наступление приостановили.

Получили сведения, что белые сдали Шелексу, идет бой за Средь-Мехреньгу, где орудует Хаджи-Мурат. Мы вновь перешли в наступление, на этот раз удачно.

Красноармейцы стали подходить к д. Тарасову. Белые открыли орудийный огонь, который вскоре прекратился. Красноармейцы, рассыпавшись, пошли в атаку. Сопротивления не было: белые сложили оружие.

Тарасово — оплот белогвардейщины — пало.

В эту же ночь белые оставили ст. Плесецкую, и наши части с боем заняли Средь-Мехреньгу.

Из Архангельска по радио получили извещение о перевороте. Архангельск стал советским.

Церковнический партизанский отряд был отправлен в Карелию и затем на польский фронт.

Члены уисполкома Григорьев, Пирогов, Жданов и Мурзин по постановлению Архгубисполкома поехали в освобожденный Холмогорский уезд для организации советского аппарата.

Борьба с белогвардейцами на Мехреньгском участке была закончена.

Н. Д. ГРИГОРЬЕВ

(командир партизанского отряда)

В БОЯХ

23 марта 1918 года под руководством капитана Тихомирова в Холмогорах кулацкой бандой в 150—200 человек разогнан I уездный съезд советов Холмогорского уезда. Тогда же был убит делегат съезда большевик Горончаровский.

Архангельским губисполкомом 24 марта я с командой в 60 матросов-красногвардейцев был отправлен на подавление этого кулацкого восстания. 25-го прибыл в Холмогоры.

Тихомиров скрылся,—банда разбежалась.

Собираю уездный съезд советов. 4 апреля съезд спокойно закончил свою работу. Я был избран председателем уездного исполкома.

В течение апреля в уезде были ликвидированы все земские управы и организованы советы.

2 августа нам стало известно, что Архангельск пал.

Губисполкомцы и другие совработники бежали вверх по Двине.

Над городом летают белогвардейские аэропланы.

Контрреволюция делала свое дело,—в волостях организовывались белогвардейские отряды кулаков.

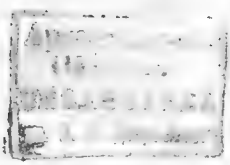
Я, Маккавеев и один красноармеец садимся на лошадей и сквозь ряды вооруженного, в 50—70 человек, отряда матигорских кулаков проезжаем с револьверами в руках.—Кулаки напасть не посмели.

Белогвардейская газета „Возрождение Севера"—от 11 августа 1918 г. так описывала наш уход из Холмогор:

Дни переворота в Холмогорах

„Еще утром 2 августа местные власти почувствовали приближение того момента, когда они должны будут столкнуться с чем-то, что в их умах рисовалось ужасным, сильным, и что заставляло их выходить из обычного настроения дня.

Н. Д. ГРИГОРЬЕВ



Еще утром этого дня комиссар Григорьев (б. матрос), известный читателям по своим выступлениям на крестьянских губернских съездах, величаво расхаживал в помещении уездного совдепа и воинственно потрясал кулаками по адресу неизвестных ни для кого „контрреволюционеров" и заговорщиков.

— Пусть они знают, что мы легко не сдадимся и сможем дать надлежащий отпор,—повторял он ежеминутно и высокомерно указывал на торчавшие из боковых карманов его матросской тужурки дула револьверов.

И, действительно, он „стойко" стоял и защищался.

К вечеру, когда местное население узнало о событиях в Архангельске, он исчез и успел захватить с собой не много не мало, а ровно ½ миллиона рублей денег... (!?)".

Проехав 35 верст до дер. Новинок, задержали шедший вверх пароход и пошли вверх к Березнику.

Попутно забрали на буксир 7-8 пароходов, приставших к берегам под угрозой стрельбы, две груженых военными грузами баржи и прибуксировали в Березник. Пароходы и баржи остались бы у белых, так как команды, дойдя до своих деревень, дальше не шли. Этим мы сделали большое дело, оставив белых на Двине только с двумя пароходами.

5 августа, встретившись в Березнике с тов. Виноградовым, посланным в Шенкурск, откуда привел роту красногвардейцев тов. Падалка, и, став в 10 километрах от занятого белыми Березника, мы расставили посты.

Через полсуток от П. Виноградова из Котласа приехала ЧК на пароходе „Могучий", а через день—сам Виноградов. Участвовали в решительном бою с белыми под Березником (в ночь с 8 на 9 августа). Этим боем мы внесли расстройство в ряды белых, которые долго не могли опомниться.

В конце ноября 1918 года приезжаю в деревню Кочмас, единственную деревню, оставшуюся после Холмогорского уезда в руках красных войск.

Большинство населения, даже беднота, ушли в белую армию, первые красноармейские части политически не сумели подойти и организовать их на своей стороне.

Собираю вокруг себя 13 человек перебежавших, преданных ребят Церковнической волости, вооружаю их и при помощи военного командования направляю их в тыл к белым обходом на 60 километров в село Церковное.

Отряд партизанов в конце декабря занял целиком Церковническую волость. Население оказало нам полную поддержку.

В первых числах января я выехал в Церковное с тов. Пироговым и, пробыв два дня, ознакомился с положением и вернулся

назад в Кочмас. Убедил военное командование, чтобы занять Тарасовку, укрепленную баргаузами позицию со стороны Кочмаса — с тыла Церковнической.

Был выделен батальон красноармейцев. Меня назначили политкомом. В половине января приходим в Церковническое, наскоро укрепляемся и в 30-х числах января ведем наступление на Тарасово. На рассвете нам удалось занять половину деревни Тарасовки со стороны Церковного с небольшими потерями.

Заняли 5-6 деревень Тарасовки силами в 200 человек; против нас был полк белых из 1500 бойцов, вооруженных до зубов, с двумя сотнями отборных добровольцев. Мы простояли два дня на расстоянии одной версты от белых, измучились. Начали стоя засыпать наши красноармейцы. Положение напряженное.

Белые ночью могут напасть и нас поколотить.

Собираю своих партизанов и с ними решаем — на глазах у белых пройти прямо лесом 12 километров до нашей главной позиции и к утру привести подкрепление.

Дороги определили И. Пирогов и К. Ляшков, самые боевые партизаны. В 10 часов вечера мы на позиции 22-й версты от Кочмаса. Командир полка, мой однофамилец А. Григорьев, не имея распоряжения от комбрига, в помощи мне отказал. Иду в Кочмас. Комбриг—как на очень опасную и рискованную операцию—перебросить 300 человек с пушками и пулеметами тоже отказал. Настаиваю на переговорах с нач. дивизии Уборевичем.

В 2 часа ночи тов. Уборевич у телефона. Комбриг докладывает ему о положении и свои опасения. Беру трубку я, докладываю о необходимости идти на риск с ручательством за успех дела. Тов. Уборевич, предупредив меня, что я отвечаю головой за операцию, дает распоряжение комбригу дать все, что я требую.

На рассвете утром с отрядом в 300 красноармейцев с двумя 37-миллиметровыми пушками, двумя бомбометами и пулеметами приходим обратно в занятые деревни Тарасовки.

Днем ведем обстрел белых у горных деревень,—расстреливаем пулеметные гнезда белых позиций в упор. У белых паника. Ночью ведем атаку, а на рассвете Тарасовка наша.

Белые бежали и бросили весь Мехреньгский район, оставив все, что имели...

С января по 5 сентября как председатель Холмогорского уездного исполкома организую в освобожденных волостях советы. Создаю уисполком, проводим уездный съезд советов. Ведем

работу с населением. Вся беднота и середняки, оставшиеся в Тарасове, превращаются в сторонников советской власти.

В начале сентября на ж.-д. направлении мы терпим ряд неудач, белые подходят к Плесецкой. Эвакуируется Тарасовка. Тов. Уборевич дает распоряжение—дать мне роту с одной пушкой, двумя пулеметами и оставить меня в тылу у белых в Церковнической волости.

Сразу же старые партизаны, которые не ушли на другие фронты, записались в отряд, взялись снова за винтовки, но в виду того, что отряд вместе с ротой 110 чел. был малочислен, и, главное, не было почти совершенно боевых припасов, оборонять Церковническую волость против целого полка белогвардейцев, вооруженных до зубов, было крайне рискованно, поэтому решено было Церковническую волость временно оставить.

При отступлении из церковнических деревень, некоторые партизаны, разбежавшиеся по лесам, через два-три дня снова пришли в наш отряд. Силы увеличились. Белые, заняв волость, начали расправляться с семьями красных партизанов.

Партизаны моего отряда решают занять волость и дают мне клятву стойко держаться, несмотря ни на какие боевые трудности.

Иду лично сам с разведкой в 50 чел., выясняю положение, силы белых, и через три дня занимаем волость, снова выгнав белогвардейцев, не ожидавших нашего наступления.

С этого времени мы ведем героическую борьбу без связи с тылом, без вооружения (патроны доставали лесом за 300 километров), 200 — 300 человек в составе сперва двух, а затем трех рот отряда, с одной пушкой, тремя пулеметами, и это против 1600 белых, у которых было 6 орудий и около 100 пулеметов. Выдерживаем бои, двухдневный бой 18-19 октября, бой 6-7 декабря, бой со 2 по 7 января.

Последний бой был очень тяжелый.

По распоряжению генерала Миллера надлежало „уничтожить бандита“, но „бандитский“ наш партизанский отряд, находясь в мешке у белых в течение 5½ месяцев, был неуловим, и мы удержались своею храбростью, разложили один из самых лучших полков белогвардейщины, а главное заслонили выход в тыл к шенкурскому и двинскому направлению.

В боях 19 октября и 2—7 января белые бешено бросались в атаки, сравнивали наши окопы с землей. Так артиллерией в ночь с 6 на 7 января было выпущено по нам больше 10000 снарядов, на расстоянии трех километров от нашей позиции не было целого места.

Стойкость и дух наших бойцов были исключительны, вера в победу была непоколебима,—это решило успех дела. 14 февраля 1920 года белогвардейский полк в полном составе сдался.

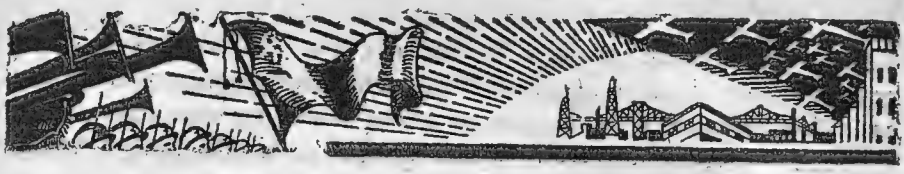
Вот лучшие из героев нашего партизанского отряда:

1. Фролов Яков. 2. Пирогов М. С. 3. Лебедев Д. 4. Мурзин И. Н. 5. Елисеев (комрот). 6. Матвеев. 7. Ляшков. 8. Ходоков. 9. Заговельев А. Д. 10. Потехин П. П. 11. Шемелин С. С. 12. Падорин Никанор. 13. Некрасов Андр. П. 14. Мурзин И. М. 15. Мурзин А. М. 16. Фролов Д. 17. Пирогов П. А. 18. Илатовских (два).

Павшие в боях герои:

1. Мартюшев С. П. 2. Потехин В. П. 3. Придчин М. М. 4. Ляшков А. С. 5. Пирогов Ф. У. 6. Бородин А. П. 7. Климантов И. М. 8. Фролов И. И. 9. Заговельев А. Л. 10. Заговельев И. Л. 11. Дедов Ник. 12. Соснин. 13. Аникиев Сем. 14. Пирогов П. С. 15. Пирогов С. П. 16. Фролов Н. С.

Северный край должен помнить имена этих героев.



М. С. КЕДРОВ

ЗА СОВЕТСКИЙ СЕВЕР

План „союзников"

Паровоз с единственным нашим вагоном бешено мчался в Москву. Ни раньше ни позже не приходилось ездить с такой головокружительной быстротой. На одной из станций поезд был пущен по неправильному пути. Только благодаря находчивости дежурного по станции не произошло катастрофы.

Остановки имели место лишь по техническим надобностям Дольше всего пришлось задержаться в Вологде для заслушания доклада тов. Геккера и начальника военного контроля, которому поручено использовать недавно полученные сведения нашей контр-разведки.

Сведения, собранные на Мурмане в последних числах июля разоблачали замыслы „союзников", которые строились ими в связи с интервенцией. В отношении Архангельска можно было уже определенно сказать, что их расчеты оправдались. Что же касается Вологды, то преграда, встреченная ими на пути из Архангельска в Вологду, и своевременное раскрытие их карт расстроили их расчеты.

Приведем выдержки из интересного донесения разведчика:

„... Предполагается отрезать Архангельск от Вологды в ближайшие дни. Имеется контр-разведывательное бюро французов Главное гнездо находится в консульствах. Про Архангельск—они думают взять его голыми руками, контр-разведка у них поставлена хорошо, и они следят за каждым нашим шагом и предполагают, что мы от них не уйдем. На выступление внутри Архангельска они мало надеются, а на Вологду возлагают большие надежды. В Архангельске есть радио,[1] но где — неизвестно, можно заключить по тому, что на Мурмане сведения получаются исправно".

[1] Радио находилось на иностранном пароходе „Эгба", привезшем муку и стоявшем на Двине против Соборной площади. В последние дни до оккупации радио по распоряжению архангельских властей было снято.

План союзников: „во что бы то ни стало занять Вологду для соединения с чехо-словаками. В Вологде идет формирование славяно-британского легиона и сбор денег для нужд оккупации; цель легиона — в то время, когда будет прервано сообщение с Архангельском, выступить в самой Вологде, подготовив взрывы, захват оружия и террористические акты над стоящими у власти, а также всячески мешать отступлению советских войск как от Архангельска, так и от Вятки".

В приложении к донесению дается список лиц (с подробным описанием примет), работающих в Вологде на оккупантов. Таковыми являются „заведывающий эвакопунктом полковник Фусс, а также доктор Лебедев, главврач 168 или 166 госпиталя, около вокзала. У Фусс живет на квартире его родственник, фамилия неизвестна: лет около 40, ходит в штатском, среднего роста, с усами; он состоит главным руководителем формирования легиона. За деньгами из Кандалакши (Мурман) выехали 27-28 июля в Вологду через Архангельск два лица: один из них — английский консул в г. Кеми Тикстон; одет был в полосатый бархатный костюм английского фасона, роста — выше среднего, волосы — стриженые, телосложение—не очень худой, усы светлые, нос большой, горбатый; другой — Юровский, лет 22-23, маленького роста, на лице веснушки; цвет волос рыжеватый, волосы вьющиеся".

Эти сведения не дали конкретных результатов по причине никудышной работы военного контроля.

Надо сказать, что в действительности план „союзников" был значительно шире, чем объединение северного и сибирского фронтов. Основная задача заключалась, после занятия Вологды в свержении центрального рабоче-крестьянского правительства силами англо-французских интервентов и российских белогвардейцев.

Несмотря на то, что наступление интервентов было остановлено в первые же дни и на железнодорожном направлении и на Северной Двине, представители иностранных миссий в Москве все же не теряли надежды на осуществление своих первоначальных планов.

Уже 14 августа английский представитель Локкарт, действовавший в согласии с французским консулом Гренаром и американским генеральным консулом Пулем (Poo!), пустил в ход обычное орудие империалистов — золото, рассчитывая подкупить им командиров латышских частей, квартировавших в Москве. Номер не прошел. Больше того, командир 1-го дивизиона Латышской

стрелковой бригады тов. Берзин разоблачил неслыханную по своему бесстыдству и цинизму затею высокопоставленных негодяев.

Тов. Берзин сообщил „о плане уничтожения рабоче-крестьянского правительства, разработанном одним из французских генералов"; в этот план его посвятил агент Локкарта, лейтенант английской службы Сидней Рэйли. [1]

Согласно этому плану, два латышских полка должны были быть отправлены в г. Вологду, где они, перейдя на сторону „союзников", помогли бы их продвижению из Архангельска и захвату Северной области.

Чтобы обезопасить латышские войсковые части, после занятия ими Вологды, от удара Красной армии со стороны Петрограда, а попутно, чтобы обречь Петроград на голодную смерть, агенты Локкарта и Гренара получили задание взорвать ж.-д. мосты через р. Волхов, близ Званки и около Череповца. [2]

Оставшиеся в Москве латышские части, одновременно с захватом Вологды, должны были арестовать пленарное заседание Всероссийского центрального исполнительного комитета, вместе с председатем Совета народных комиссаров В. И. Лениным и председателем Военного совета Л. Троцким, причем В. И. Ленин и Л. Д. Троцкий должны были быть расстреляны... Одновременно предполагалось захватить Государственный банк, центральную телефонную станцию и телеграф. После этого намечался созыв всех бывших офицеров, из коих должны были сорганизоваться отряды „для водворения и поддержки порядка", а равно для конвоирования арестованных большевиков в Архангельск, [3] где подготовлялись для приема почетных гостей помещения на Мудьюге и Иоканьге.

Интересный доклад представил тов. Геккер. [4]

Осадное положение проводится с неумолимой твердостью. В течение дня по городу ходят патрули. С наступлением темноты весь город погружается в мертвый сон. Хождение по улицам без

[1] Взято из „дела Локкарта и др.".

[2] Заключение следств. комиссии при ВЦИК по делу Локкарта и др. — см. также письмо Рене Маршана к президенту Французской республики („Изв. ВЦИК" 24 сентября 1918 г., № 207).

[3] О стоимости английского предприятия можно судить по тому, что один только тов. Берзин получил от Локкарта, с целью подкупа, 200000 руб. Эти деньги тов. Берзин представил в ВЧК.

[4] При личной беседе с А. И. Геккером, в начале сентября 1925 года удалось восстановить некоторые детали его доклада.

соответствующих пропусков запрещено. С 8 часов вечера запрещено держать свет в окнах под угрозой стрельбы по освещенным окнам.

В потверждение серьезности угрозы в нескольких подобных случаях, действительно, были произведены выстрелы, правда, не в окна, а около окон в воздух. Этого было достаточно, чтобы ужасная весть разнеслась по городишку и послужила к исчезновению в городе света.

С наступлением вечернего времени телефонная станция также прекращала работу; оставались в действии только военные телефоны. На время осадного положения приостановлены были всякие звоны и трезвоны в колокола.

Большого труда стоило выселить из Вологды остатки иностранных миссий, всеми средствами оттягивавших свой выезд. Лишь два дня назад удалось их, наконец, выпроводить. Большую распорядительность проявил в данном деле губвоенком тов. Медведев. В самый день отъезда важные господа заявили, что они лишены возможности выехать, так как у них нет прислуги, которая завязала бы их сундуки и чемоданы и отправила бы на вокзал.

Тов. Медведев сам принялся им помогать. Вязал, таскал чемоданы, подсаживал господ секретарей и их дам в автомобиль, с изысканной предупредительностью запирал вагоны, в которых они размещались. Одним словом, оказывал „друзьям народа" почет и уважение, лишь бы уехали поскорее.

Положение на С. Двине продолжало оставаться неопределенным, хотя тов. Павлину Виноградову и удалось прекратить царившую там растерянность и организовать отпор врагу.

Тов. Геккер передал телеграмму-записку, полученную им от Павлина Виноградова 6 августа:

„Дорогой Анатолий Ильич. Утихомирив Шенкурск, узнал о падении Архангельска; с половиной своего отряда от Двинского Березника бросился в дальнюю разведку на Архангельском направлении; команда перешла на пароход, идущий вверх; я остался с 10 человеками и спустился по Двине еще на 50 или 70 верст к северу... Дальше спуститься не имел возможности, в виду отказа судовой команды и дрянного пароходишки; на пути подстегивал все пароходы к ускоренному ходу и внес порядок в эвакуацию ценных военных грузов. Отправил в Шенкурск баржу продовольствия, оружия и патронов для другой половины моего отряда, оставленной мною в Шенкурске. Сейчас из Котласа

ХАДЖИ-МУРАТ среди партизан Севера

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

выезжаю в Устюг вернуть этих трусов Архангельского губисполкома обратно в Котлас, где их место. Прошу вас, придите к прямому проводу около 12 часов для личных переговоров, вызовите Устюг, Виноградов".

Из доклада тов. Геккара выяснилось, что необходима высылка подкреплений на Северную Двину и на Обозерскую. Между тем в распоряжении Геккера не оставалось больше никаких частей, кроме одного 8-го латышского полка, который снимать из Вологды было бы рискованно. Все, что можно было послать, уже отправлено на фронт. В ушедшем Вологодском советском полку приключилась скандальная история. Командир полка, боевой парень, в пути вместе с некоторыми другими командирами напился пьяным. Они все были арестованы комиссаром. Идет также волынка среди военморов.

Для улажения возникших инцидентов т. Геккер командировал в Котлас губвоенкома Медведева, назначив его комиссаром Котласского района.

За помощью к Ильичу

Утром следующего дня мы были уже в Москве и немедленно явились в Кремль.

Ильич встретил нас, сверх всякого ожидания, очень сурово. Но за его резкими, гневными словами чувствовалось доброе, товарищеское отношение.

— Как можно было оставлять в такое время фронт! — Ильич сильно жестикулировал и волновался: — Теперь все пропадом пойдет!

— Позвольте, Владимир Ильич... Позвольте сказать! Ничего не может случиться.

Распекая нас, не хотел выслушивать никаких оправданий.

— Мало того, что сами уехали, вон его еще с собой прихватили, — указывал он на Эйдука и, немного смягчаясь, добавил: — Оставили на фронте одних мальчишек... Что они натворят там?

— Да это же неверно, Владимир Ильич!

Захлебываясь, я одним залпом доложил, что на Обозерской организован штаб, что на самом фронте нам лично сейчас делать нечего, что намерены основаться в Вологде и решились потерять всего двое суток, чтобы сломить наблюдающийся саботаж и волокиту.

— Как это двое суток? — перебил меня тов. Ленин — Когда вы выехали? Когда будете на месте?

Убедившись в правильности исчислений, Ильич добавил:

— Все-таки незачем было ехать, могли бы написать обо всем.

— Что же вам нужно? — спросил Владимир Ильич.

— Вашей помощи к срочному получению всего того, в чем крайне нуждается новый фронт.

Прочитал по записке целый ряд требований.

Разговор происходил стоя, в зале Совнаркома, у небольшого стола, в нескольких шагах от двери кабинета Ильича.

Владимир Ильич нагнулся к столу и написал записку приблизительно следующего содержания:

„Начальнику штаба Высшего военного совета М. Д. Бонч-Бруевичу.

„Предлагаю (или предписываю) назначить 3 ответственных сотрудников для срочного выполнения всего затребованного для Архангельского фронта и указать 3 бывших генералов, которые будут расстреляны, если задание не будет выполнено".

— Непременно сегодня выезжайте,—внушительно сказал Ильич и затем на прощание добавил: — если что надо будет — пишите!

С запиской Ильича я помчался в Высший военный совет и вручил записку по назначению.

Точно бомба взорвалась... Все забегало, засуетилось, заговорило, зашумело... Трещали звонки, отдавались приказания... К 12 часам ночи все должно быть доставлено на Ярославский вокзал и погружено в вагоны. Вопрос о Северо-восточном фронте был также поставлен на повестку заседания Высшего военного совета, происходившего в этот же день.

К указанному мне времени я приехал в Совет. Заседание уже началось. В виду срочности моего выезда наш вопрос был поставлен первым.

Совет постановил образовать новый фронт, грубо наметив следующие его границы: на севере—линия огня, на западе—линия, идущая по восточной части Онежского озера, р. Вытегре, до Белозерска и Череповца. На юге — ж.-д. линия Данилов—Буй—Галич — Котельнич—Вятка; на востоке—жел.-дор. ветка Вятка—Котлас, затем р. Вычегда до верховьев и далее на восток до р. Печоры и Уральского хребта.

Более детальное определение границ фронта обещано было дать дополнительно. Фронт громадный, а боевые силы ничтожно малы. На всех участках они не достигали в начале августа и 2000 штыков. В случае прорыва какого-либо участка не было

возможности ликвидировать его ни посылкой подкреплений, за отсутствием резервов, ни переброской с других участков, так как последнее, при скверных путях сообщения, потребовало бы целые недели.[1]

Затем встал вопрос о назначении командующего.

Председательствующий Э. М. Склянский обратился ко мне со своей обычной улыбочкой:

— Михаил Сергеевич! Мы собираемся назначить вас командующим фронтом. Как вы на это смотрите?

Я указал, что не хотел бы принимать фронта. Правда, за последнюю неделю вера в свои силы у меня возросла, и я все более убеждался, что военному специалисту выполнять функции командующего будет еще труднее, чем мне.

Из дальнейшего разговора я понял, что вопрос о моем назначении согласован с тов. Лениным, и больше не возражал. Поддержка мне будет оказана.

Когда я собрался уходить, тов. Склянский задержал меня:

— Владимир Ильич поручил мне взять с вас подписку, что вы больше не будете выезжать в Москву без его разрешения.

На его лице опять появилась улыбка.

— Выдумываете, — уверенно сказал я.

— Нет, самым серьезным образом говорю это, — подтвердил он еще раз.

Мне стало обидно. Выезд в Москву я считал безусловно необходимым. Не приехал бы, — принес бы фронту больше ущерба.

Весь остаток дня меня грызла мысль, что я должен был так поступить в интересах фронта, и что, очевидно, я не сумел достаточно убедительно обосновать мотивы моего выезда.

Указание Владимира Ильича принял к руководству, но подписки не дал.

В полночь мы были на Северном вокзале. В вагоне ожидали ответственные работники, а также „заложники" довольствующих управлений.

Сделали доклад. В вагон погружено далеко не все, что требовалось, но и то, что получено, несомненно, поддержит дух и боеспособность нашей маленькой армии.

---

[1] К 1 сентября численность армии возросла до 5 000, к октябрю 1918 года общая численность вместе с тыловыми частями в Вологде и Вятке составляла 8107 штыков. См. прил. №№ 12 и 13. Список частей, составленный А. А. Самойло по архивным материалам. См. также доклад начартснабжения Сидорова о состоянии артиллерии.

Проверив по списку доставленное и выразив благодарность за понесенные труды, мы двинулись в обратный путь.

С дороги я отправил Владимиру Ильичу письмо, в котором сообщал, что, несмотря на мощную его поддержку и на исключительную энергию и скорость, удалось получить только небольшую часть нужного, и что если бы я не выехал, фронт не имел бы ничего. Польза моего приезда налицо, а потому напрасно Владимир Ильич сердился на меня, — упорствовал я.

Два дня спустя, 12 августа, Владимир Ильич ответил следующей телеграммой, отправленной секретно.

Телеграмма гласит: „Вологда. Губисполком. Кедрову.

Вред вашего отъезда доказан отсутствием руководителя в начале движения англичан по Двине. Теперь вы должны усиленно наверстывать упущенное, связаться с Котласом, послать туда летчиков немедленно и организовать защиту Котласа во что бы то ни стало. 677. Предсовнаркома Ленин".

Защита Котласа во что бы то ни стало, но и тут, как и всегда, Владимир Ильич предвидит худший исход и принимает особые меры, которые описаны ниже.

Организация фронта

В первую же очередь, по приезде в Вологду, где ожидало меня большинство сотрудников, были приняты меры к организации штаба и снабженческих органов.

Высший военный совет не ограничил меня никакими рамками и указаниями в построении фронтовых учреждений, предоставив здесь полную свободу действий. Я использовал для фронта аппараты Ревизии и эвакуированного Беломорского округа. Надо сказать, что в то время никакого типа фронтового (и армейского) управления еще не существовало; приходилось и в этом отношении проявлять „свободное творчество".

Привожу приблизительную схему образованного полевого штаба и управлений:

Начальником штаба был назначен А. А. Самойло. Начальником оперативного управления — генштабист Е. Шишковский, вскоре однако отстраненный от службы в связи с случайно обнаруженной компрометирующей его перепиской. Оперативным отделом ведал генштаба Лисовский, очень знающий специалист, получивший в августе назначение начальником штаба северодвинского направления.

Начальниками снабжения были назначены: интендантского — тов. Калашников, артиллерийского — тов. Сидоров, инженерного — тов. Фраучи (Артузов); санитарного — тов. Бык, заместителем его — тов. Христофоров.

Начальником Оргмоба, до приезда тов. Наумова, взявшего на себя руководство этим управлением, состоял временно тов. Щербаков, помощником его — Сучков. Начальником политического (вернее, следственного) управления был тов. Эйдук, объединивший работу всех местных розыскных и следственных органов. В качестве следователей состояли — тт. Кацнельсон, Тубала, Плавнек, Балакирев и др. Функции этого управления в 1919 году поделили между собой Революционный военный трибунал и Особый отдел (в то время не существовавший). Правда, тогда имелся так называемый военный контроль, орган Оперода наркомвоен. В Вологде он возглавлялся каким-то греком, лицом весьма подозрительным и нахальным. Он отказывался передавать фронтовому начальству получаемые сведения и считал себя подчиненным только центру, куда не стеснялся посылать заведомо ложные сводки.

На обязанности военного контроля, помимо контр-разведывательных функций, лежали выдача пропусков на выезд из города и контроль над всеми приезжающими и проезжающими через Вологду.

Контроль выполнялся крайне небрежно и вскоре был распределен между следственным управлением и инспекторской частью при командующем, старшим инспектором которой состоял тов. Крутов.

Более подробно следует остановиться на упомянутом уже Оргмобе. В его компетенцию входили многочисленные и разнообразные вопросы: вся политическая работа в воинских частях; установление тесной связи с советскими органами прифронтовых районов, простиравшихся на тысячи верст, издание листовок для армии и для населения; организация тыла; перепись всего советского аппарата в 6 губерниях и выяснение настроения в массах населения.[1] Около 20 августа была объявлена в ряде городов мобилизация буржуазии для окопных работ —

[1] Представление информационных сведений о настроении в крестьянстве настолько крепко вошло в обиход волисполкомов, что после освобождения Архангельска в 1920 году возобновилось поступление сведений по анкетам 1918 года в штаб командующего давным давно уже не существовавшего Северо-восточного фронта.

выработка положения и контроль за проведением мобилизации также были возложены на Оргмоб. Мобилизации буржуазии уделяется в дальнейшем особая глава.[1]

В деле укрепления боевой мощи фронта громадную роль имела правильная работа транспорта; за все время пребывания штаба в Вологде жел.-дор. движение ни на час не приостанавливалось. Здесь должна быть отмечена колоссальная энергия, проявленная двумя боевыми товарищами — Я. М. Руцким и Мироновым, возглавлявшими управление Северных железных дорог.

Вторая важная задача заключалась в установлении регулярной связи со всеми районами фронта и прежде всего с двумя основными: с Архангельским и Северо-Двинским.

Два раза в день, в определенные часы, приходил в вагон тов. Самойло, держа под мышкой военные карты разных масштабов и папку с оперативными сводками.

— Ну, как наше положение, Александр Александрович? — задаешь обычный вопрос.

— Да ничего, Михаил Сергеевич, — гудел он своим громким, но приятным басом.—Вот только с архангельского направления сведений за вчерашний день не поступало. Видимо, устойчиво. Иначе не молчали бы.

Передаю ему только что прибывшее экстренное сообщение от Ленговского.

Читает, сурово сдвинув брови. По мере того как приближается к концу, лицо его проясняется, в глазах искрится радость.

„На архангельском направлении после шестичасового боя части противника, после неоднократных попыток перейти в наступление, были отбиты и отошли назад точка настроение войск участвоваших в бою прекрасное точка положение на Архангель-

[1] Насколько подбор командного состава был удачен, доказывает уже то обстоятельство, что почти все начальствующие лица в течение дальнейшей гражданской войны сохранили свои командные должности, а некоторые достигли высших.

Тов. Самойло впоследствии был командующим 6-й армией, нач. Всероглаштаба и помощником нач. полевого штаба РККА; тов. Лисовский—командующим армией; тов. Калашников—нач. снабж. Вост. фронта и Чусоснабармом, тов. Сидоров—нач. арт. снаб. Вост. и Зап. фронтов; тов. Христофоров—начсанокр Белом.; Кацнельсон—ППВКЧ; Плавнек—председателем Ревтриб Северокавк. окр.; Ленговский — нач. дивизии (на Украйне) и кавалером двух орденов Красного Знамени и т. д. Прискорбно, что с окончанием гражданской войны и переходом к мирному хозяйственному строительству не все товарищи сумели сохранить неопороченным свое славное прошлое (например, тт. Сидоров, Ленговский и некоторые другие).

ском направлении прочное точка потери наши выясняются №412 Командир Беломор Ленговский Начштаба Проценко".

— Молодец Ленговский! — заключает чтение тов. Самойло.

Особенно памятны мне вечерние доклады, часто переходившие в задушевную беседу на одну и ту же тему: где и как лучше всего нанести удар наступающим хищникам.

Беседа под скрипящие звуки передвигавшихся взад и вперед поездных составов и под беспрерывную перекличку гудков затягивалась иной раз далеко за полночь.

Бывали и такие случаи, что, казалось, отношения взаимного понимания и доверия вот-вот нарушатся. И здесь безупречная честность и искренность тов. Самойло проявлялась особенно ярко.

Помню, шли к нам из центра подкрепления. „Куда их направить?"

Тов. Самойло на момент задумался. Затем как топором отрубил:

— Не только не могу решить, но и отказываюсь дать какой-либо совет. Не знаю.

Я был поражен. Вспылил. Он — имевший и высшее военное образование и богатый боевой стаж — не может решить такого пустякового вопроса! Сказал ему это прямо.

Заволновался и тов. Самойло.

— Поверьте, что в войне, которую мы в настоящее время ведем, и знания, приобретенные в академии, и весь опыт неприменимы. Сплошного фронта нет, армия ничтожная; случайная переброска неприятельских сил может резко изменить картину фронта. Что толку, если посоветую направить подкрепления на Двину, а через 2-3 дня окажется, что в связи с напором противника надо было послать в Обозерскую, или наоборот. Не могу,— сами решайте.

Пришлось согласиться с тов. Самойло.

С каждым днем все ближе становился мне тов. Самойло, б. генерал, бесповоротно и убежденно перешедший на сторону пролетарской власти.

В штабе хорошо чувствовался крепкий кулак начальника штаба, он установил образцовый порядок, быстроту и точность исполнения, очистил аппарат от политически неустойчивых и сомнительных элементов.

Рассказывали, что многие спецы ругали Самойло за глаза; сам, мол, тоже спец, а преследует своих же.

Белогвардейцы, которые не теряли еще надежды стать господами положения, в своих газетах писали: Если рядовому

большевику еще можно простить его прегрешения перед родиной, то для генерала, да еще такого, как Самойло, пощады быть не может. Повесить его, изменника!

С образованием штаба фронта, штаб Вологодского района стал излишним. Командующий им тов. Геккер был назначен (приблизительно 15/VIII) командующим Котласским районом, в который включен и Северо-Двинский участок. Тов. Геккер сменил тов. Медведева, работника исключительно энергичного, но слишком молодого и горячего, у которого возникли уже трения с местными товарищами. Тов. Медведев получил назначение командующего Вятским тыловым районом.

Павлин Виноградов

Дать картину происходивших на С. Двине событий — значит описать день за днем работу товарища-героя Павлина Виноградова, отдавшего неиссякаемый запас кипучей энергии и жизнь свою в борьбе на этом важнейшем участке фронта. [1]

По сохранившимся материалам и свидетельству очевидцев деятельность Виноградова в первые десять дней открытия фронта может быть восстановлена сравнительно полно.

С вечера 1 августа из Архангельска начали отправляться пароходы с эвакуированными губернскими учреждениями. Последний пароход с сотрудниками Чрезвычайной комиссии отбыл в 2 часа утра на 2 августа. [2]

2 августа тов. П. Виноградов, „утихомирив Шенкурск", узнал о падении Архангельска, находясь в Березнике; с 10 человеками он спустился по Сев. Двине в целях дальней разведки, приблизительно на 50—70 верст и не встретил неприятеля.

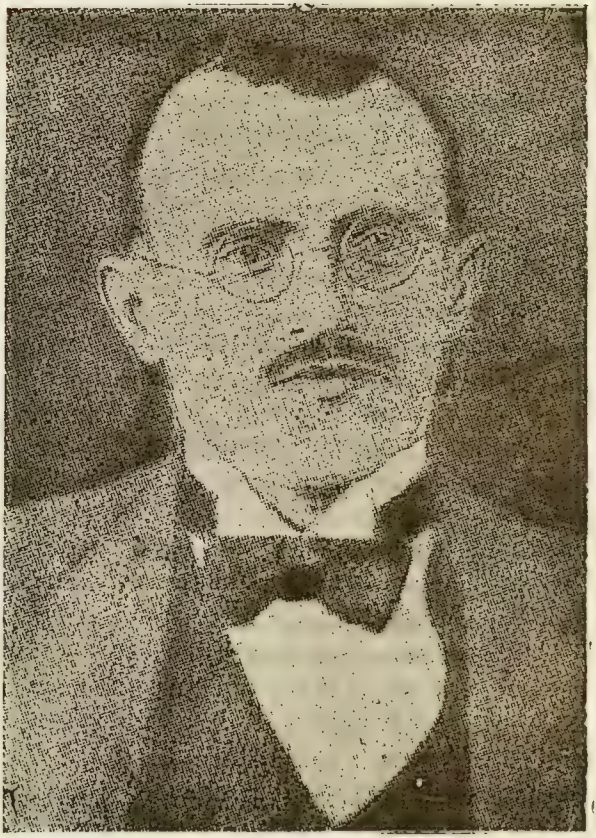
3 августа Павлин повернул вверх по Двине и направился в Котлас, вслед шедшему туда архангельскому каравану. „Подстегивал все пароходы к ускоренному ходу и вносил порядок в эвакуацию ценных военных грузов".

5 августа прибыл в Котлас и, не найдя там парохода Архангельского губисполкома „Преподобный Савватий", Павлин

---

[1] Когда, в связи с приказом тов. Троцкого, стали обвинять всех членов Архангельского исполкома, Павлин Виноградов, к которому этот приказ меньше всего мог относиться, послал протест окружному комиссару Геккеру. Павлин действительно „сделал все, что можно, для защиты каждой пяди советской территории".

[2] Доклад тов. Линдемана (напеч. в „Еженедельн. ВЧК", № 1, от 22/IX 1918 г. Прилож. № 14.)



ПАВЛИН ВИНОГРАДОВ

Архангельск
Областная
БИБЛИОТЕКА

жает в Устюг „вернуть этих трусов Архангельского губисполкома обратно в Котлас, где им место".

6 августа, в ночь на 7-е (1 час), принимает временно командование Котласским районом.

7 августа сформированные тов. Виноградовым в течение суток 2 отряда, в 40 человек при 5 пулеметах и сводный отряд в 100 человек, отправлены в район Двинского Березника, в распоряжение врем. командующего тов. Линдемана, которому подчинена и часть, выделенная из состава Шенкурского отряда тов. Падалки, при 2 пулеметах и 1 орудии калибра 37 *мм*.

8 августа, в 2 часа утра, тов. Линдеман прибывает в Березник и, согласно приказанию Виноградова, идет в глубокую разведку до соприкосновения с противником.

В 19 часов тов. Виноградов отправил отряд в 50 человек, составленный из вологжан.

В 24 часа—еще один отряд в 60 чел., сформированный из членов Архангельского губисполкома и служащих советских учреждений.

9 августа тов. Линдеман, отправившийся в разведку на судах „Могучий", „Мурман", „Учредитель" и „Вельск", понес поражение от противника в районе Березника, после чего суда обратились в поспешное отступление.

Того же числа тов. Павлин на двух судах—„Светлана" и „Любимец" — выступил из Котласа в направлении Двинского Березника. В с. Красноборском он арестовал Х. Н. Манакова, но выполнить распоряжения Медведева о выставлении караулов во всех пунктах, где имелся военный телеграф, не смог, так как спешил к отряду на передовом участке. „Мои предчувствия оправдались", — сообщает П. Виноградов.

10 августа (повидимому рано утром) тов. Павлин Виноградов встретил в расстоянии 130 верст от Березника пароходы „Учредитель" и „Вельск" с поспешно отступавшими отрядами тт. Капустина, Линдемана и моряков, от которых он и узнал о понесенном поражении, происшедшем при следующих обстоятельствах. „В виду многочисленности неприятеля, у которого имелась артиллерия и гидропланы, а также большое количество пароходов, вышеназванные отряды отказались от боя и потребовали от товарища Линдемана возвращения их в Котлас. В распоряжении тов. Линдемана остались лишь 25 человек (членов и сотрудников Арх. губернской чрезвычайной комиссии и других примкнувших товарищей), с каковыми он отправился на пароходе „Могучий" в разведку.

В разведке участвовали члены Архангельского губисполкома, помещавшиеся на другом пароходе — „Мурман".

Спускаясь вниз по реке, Виноградов встретил в 90 верстах от Березника пароход „Вельск", а верстах в 50 — „Могучий" и „Мурман".

Чтобы ясно представить себе, какие подготовительные меры к бою были приняты т. Виноградовым и как велся первый в истории Севера речной бой между большевиками и англо-белогвардейцами, приведем описание, данное самим Павлином в докладе тов. Медведеву и вкопии Геккеру, Кедрову и Троцкому.

Речной бой [1]

„Мое прибытие с артиллерией и пулеметами, к несчастью, негодными в виду неимения к ним румынских патронов, очень ободрило отступавших. Кратко объяснив им цели своей поездки, я тотчас же приступил к сборке всех орудий, к набиванию пулеметных лент и т. п. Через три часа напряженная работа на сцепившихся посредине реки судах увенчалась успехом, и орудия были приведены в состояние боевой готовности.

„Назначив командиром парохода „Могучий" тов. Линдемана, я на пароходе „Мурман" оставил общее командование за собой. Затем я вышел развернутым фронтом в составе трех судов: „Мурмана" с тремя орудиями и четырьмя пулеметами, „Могучего" с 4 орудиями (одно шенкурского отряда) у рулей и „Любимца" с одним пулеметом. Пароход „Учредитель" с отрядами латышей и вологодскими красноармейцами шел сзади в качестве санитарного и резерва. Выйдя на Березницкое направление, в расстоянии 30—35 верст от Березника я встретил неприятельскую разведку, открывшую ожесточенную стрельбу из пулеметов. Я распорядился открыть огонь из носового орудия и, чередуя его, когда было можно, с огнем правого борта, выпустил 75 снарядов, чем принудил неприятельское судно выброситься на берег в 25 верстах от Березника. По моим расчетам, по нашим судам было выпущено не менее 2000 патронов, к счастью, никого не убивших и не ранивших.

„По осмотре парохода моим моторным катером, на нем был найден пулемет системы „Викерс", две пулеметные ленты к нему, ящик консервов и пр. Пароход назывался „Заря". Распорядившись, чтобы его судьбой озаботился „Могучий", я прошел вперед, нигде не встретив сопротивления. У устья Ваги я заметил

[1] По докладу П. Виноградова.

подозрительные огни, но не мог обратить на них серьезного внимания, торопясь в Березник. Подойдя к Березнику, я обнаружил присутствие на его рейде пяти пароходов, стоявших под огнями и не открывавших огня. Идя самым малым ходом, с потушенными огнями, мне удалось подойти к ним на расстояние менее версты, после чего я пошел полным ходом, двигаясь прямо на большой белый пароход, приказав условным сигналом „Могучему" приблизиться ко мне и стать в кильватер. В расстоянии ¾ версты от берега я скомандовал носу и левому борту огонь по кораблям; вслед затем послышался пулеметный огонь со стороны противника, на который я ответил ураганным огнем артиллерии.

„Могучий" после первого моего выстрела также открыл ураганный огонь, после чего я повернул судно, стреляя правым бортом и пулеметами и ожесточенной стрельбой пачками из винтовок. Пройдя вновь вдоль линии судов другим бортом, причем „Могучий" все время следовал за мной, повторяя мои движения, я опять повернул судно и стрелял левым бортом и носом, подвергая последовательному обстрелу все пять судов противника, приблизившись к ним на расстояние полверсты. Противник все время отвечал мне ураганным пулеметным огнем и сравнительно редко орудийными выстрелами. Подвергнув его обстрелу, я вновь повернул назад, идя на прежнем расстоянии, при чем и „Могучий" и „Любимец" следовали снова за мной. После этого, снова повертывая, я заметил, что „Любимец" вышел из строя: оказалось у него был тяжело ранен пулеметчик Ипатов (с завода „Новая Экономия"), и управлять пулеметом было некому. На этот раз я шел малым ходом с намерением привлечь на себя огонь противника, так как „Могучий" шел почему-то медленнее обыкновенного: оказалось, у него сразу были ранены два лоцмана. Чтобы избавить его от замешательства, я подошел на расстояние 100 саженей к противнику, расстреливая его прямо в упор и осыпая ураганным пулеметным огнем. В это время мне доложили, что правое орудие вышло из боя (левое вышло после пятого выстрела) от загорания; кроме того, у правого орудия был ранен один наводчик. Тогда я прибавил ходу и начал ураганный обстрел двумя кормовыми пулеметами, а затем, выравнявшись и став в кильватер „Могучему", я продолжал обстрел правым бортом из винтовок, приказав усилить огонь до последнего предела и сделав объектом прицела берег и деревню, откуда отчетливо была видна пулеметная пальба.

„Пройдя версты три от Березника, я повернул обратно, так как „Могучий" не мог меня догнать. Видя, что он может сделаться жертвой противника, я, на исходе второго часа борьбы, решил пойти им на помощь. Став носом к судам противника, я начал сближаться с ним, осыпал его градом снарядов из единственного действующего орудия и так подошел к противнику на расстояние 50 саженей, после чего начал отходить полным задним ходом. Но быстрота реки заставила меня отказаться от такового способа действия, и я принужден был развернуться под самым огнем противника. В этот момент почти стихший пулеметный огонь открылся в ужасающем объеме. В то же время „Могучий", будучи не в силах управляться при слабых силах двух лоцманов, вышел из строя и пошел прямо по реке вверх. Тогда я принял решение также выйти из боя, так как у меня к этому времени был ранен капитан парохода. Защищаясь кормовыми пулеметами, я быстро пошел за „Могучим".

„Весь бой длился 2 часа 10 минут, при чем за все это время я насчитал 50 орудийных выстрелов с их стороны. Потери противника от нашего ураганного огня неизмеримо велики. Я потерял тов. Виноградова, [1] секретаря Архангельской коммунистической партии, восемь ранеными и трех контуженными. Подробный список пришлю дополнительно. За все время боя военная команда вела себя образцово. Повиновение распоряжениям было полнейшее. Без команды не было сделано ни одного выстрела. Дисциплина была великолепная. Отряд, сформированный мною из членов Губисполкома и служащих советских учреждений, действовал также удивительно хорошо. Четыре члена его — Андрей Попов, Эдуард Гурович, Шешигин и Щенников — все время находились на мостике наблюдателями и передатчиками моих распоряжений. Считаю необходимым отметить бесстрашную распорядительность командовавшего носом товарища Черкасова, секретаря Губернского исполнительного комитета. Товарищ Щенников был первым серьезно раненым.

„Для того, чтобы указать на степень силы пулеметного огня противника, сообщу вам сведения о числе попаданий в судно. В верхние пять кают попало более 50 пуль, в правую каюту попало 15 пуль; в нижнем кубрике попало в кормовую 15, в носовую—12. Труба парохода была прострелена в 32 местах, а капитанский мостик в—36. Кроме того, две пробоины от ядер. Малая убыль моего судна происходила благодаря исключительной

[1] После смерти т. Куликова—секретарь Архангельского гор. комитета РКП(б).

дисциплинированности судовой команды. Тов. Линдеман, командир второго судна, донес, что и на пароходе „Могучий" было такое же отношение к делу, как и на моем судне.

„В заключение укажу, что свою задачу—произвести глубокую разведку в архангельском направлении—я считаю выполненной.

„Силы противника в районе Березника 500—600 человек, при двух орудиях и большом числе новых пулеметов. Фронтом командует полковник Андронов, в штабе которого есть несколько английских офицеров. Один из этих офицеров серьезно ранен во время последнего боя. Окопов на берегах еще нет, кроме заставных на обоих берегах Двины у устья Ваги, в 8 верстах от Березника. Все эти сведения сообщены мне одним из наших разведчиков, попавшим в плен и убежавшим оттуда. Степени достоверности не могу определить; думаю, что они приблизительно верны.

„Считаю, что я не проиграл сражения у Березника, невзирая на отход в 40 верст. Главный выигрыш его в произведении морального эффекта, так как нападали мы в меньшем числе, но с безумной смелостью, организованно, планомерно, с силой стихии. Скажу больше: я теперь жалею, что не таранил их главного судна, так как можно было покончить все одним разом, но я боялся идти в последнюю атаку с одной пушкой при двух пулеметных лентах. Опыт настоящего сражения лично для меня очень ценен. Для того, чтобы повторить это безумное нападение одного на трех-четырех, надо иметь превосходство не только в артиллерийском, но и в пулеметном огне.

„Поэтому прошу как можно скорее выслать мне не менее 30 пулеметов с 300 лентами, а затем продовольствия, амуницию и хотя бы одну батарею 3-дм. пушек; но самое главное, что мне теперь необходимо,—это присылка вооруженной силы—не менее 200—300 человек, так как я для разведки чересчур силен, а для фронта очень слаб, и высадить десант для наступления считаю безусловно рискованным.

„В заключение доскажу о ходе операций: выйдя из сферы неприятельского пулеметного огня, я дал по нескольку очередей на обе стороны реки по месту предполагаемых застав и пошел тихим ходом, подняв пулеметы на отражение воздушной атаки и поставив боевые караулы. Без всяких приключений я добрался до выбросившегося на мель парохода „Заря", спустил на берег разведку и нашел еще три пулемета, много патронов, много обойм скорострелки с 15 пулеметными лентами, что нам очень

пригодилось, а затем я остановился в 40 верстах от Березника, у Конецгорья, откуда сегодня произведу опять водную и сухопутную разведку. Если можно будет — буду наступать, но при изменяющемся от усталости настроении моряков, уже сегодня говоривших мне о своем решении вернуться в Вологду, боюсь, что это будет почти невозможно. Во всяком случае сделаю все, что могу, а сегодня привожу в порядок орудия, пулеметы, ружья, и т. д., а главное — хочу дать людям небольшой отдых. О дальнейших событиях буду уведомлять незамедлительно.

„Подлинный подписал:

„Помощник командующего Котласским районом
П. Виноградов".

Приведенный исторический документ свидетельствует о той громадной роли, которую сыграл Павлин Виноградов в первые полторы недели в деле обороны северо-двинского направления. Без преувеличения можно сказать, что Павлин спас положение на Двине.

Не было бы его — кто знает, как протекали бы события, и, возможно, бои велись бы уже за Котласом, где-нибудь в районе Вятки. Громадная его заслуга сказалась в том, что в минуту всеобщей растерянности он не только не потерялся, но имел мужество революционным путем объявить себя вр. командующим Котласским районом и флотилией; официально считаясь беспартийным, он сумел подчинить себе весь состав Архгубисполкома и местные власти, заставить признать свой авторитет, установить железную дисциплину и, заражая личным примером, повести других в бой, организовав первый отпор врагу.

Но те же документы указывают и на некоторые слабые стороны товарища и, в первую очередь, на его рискованную наступательную тактику, которая отвечала его смелой, мятежной натуре, но которая вовсе не отвечала моменту. Основная задача его заключалась в защите Котласа, а не в освобождении Архангельска.

Переоценивая фактор личной храбрости и самопоржертвования, тов. Виноградов шел напролом, рисковал не только своей жизнью, но и теми ничтожными силами, которые составляли единственный боевой фонд во всем районе.

Тов. Виноградов именует произведенную операцию глубокой разведкой, но то была не только разведка. Вспомним его характерное заявление: „Я теперь жалею, что не таранил их главного судна, так как можно было покончить одним разом".

Но каковы были бы результаты даже от полного разгрома противника? Незначительные, так как о возврате Архангельска, разумеется, говорить не приходилось. Поражение же Виноградова могло бы привести к оставлению Котласа, а возможно и к еще большей беде.

Имея перед собой горячего, рвущегося вперед энтузиаста, фронтовому командованию пришлось всячески охлаждать его пыл. Ему категорически запрещалось пускаться на какие бы то ни было рискованные операции. Но уверенности, что тов. Виноградов откажется от своей тактики, у нас не было.

Поэтому вопрос об обороне Котласа становился с каждым днем все более неотложным.

Оборона Котласа

10 августа был командирован из Вологды в Котлас тов. Ст. Попов „для принятия всех мер на случай возможного прорыва белогвардейцев на Котлас". Из доклада [1] Попова видно, что положение Котласа не признавалось особенно серьезным, но на всякий случай предпринимались кое-какие шаги: эвакуировались грузы и подготовлялось заграждение фарватера.

Выяснив положение, Попов выехал на фронт к Виноградову, где и участвовал в нескольких боях, о которых будет сказано впоследствии.

На приказ обратить сугубое внимание на оборону Котласа 12 августа и на поставленные вопросы поступило следующее донесение начальнику полевого штаба Самойло от командрайона Медведева и начштаба Лисовского:

„Карта — 10 верст. Для обороны Котласа выбрана позиция в районе Красноборска по рекам Уфтюге и Евде, с передовой позицией на реке Лябле (?) точка Дальнейшее сопротивление будет оказано на реках Христофановке, Васильевке и Летняя Уртомаш с соответствующими реками на правом берегу точка По организации подготовки позиции в районе Красноборска выдвинусь возможно дальше к северу до соприкосновения с противником, где буду задерживать его до последней возможности точка Для заграждения фарватера подготовлены баржи общей длиной 150 сажен, намечены по лоцманским картам и показаниям служащих флота пункты заграждения у Черевков, что на 40 верст ниже Красноборска и у Большой (?), что 15 верст ниже Красноборска точка.

[1] Доклад Ст. Попова мне. Дата не проставлена.

„Заграждение будет произведено по приходе Виноградова, если же он будет отходить под непосредственным напором противника — заграждение будет произведено не ожидая прихода, так как для заграждения нужно время. Виноградов, высадившись, обеспечит заграждение от уничтожения точка Заграждение фарватера в тылу прорвавшегося противника считаю крайне затруднительным, скрыть суда невозможно, нужно оставить катера, и потребуется много времени и сил. Для эвакуации грузов образована советская перегрузочная комиссия, которой подчинены водный и железнодорожный транспорт; будет вывезено все, что не нужно для боевых действий. Привлечение к разведке населения затруднительно в виду ненадежности его и наступивших полевых работ.

„Присылка полуэскадрона необходима в Красноборск для наблюдения за левым берегом со стороны Ленговского; отряды желательно направить к устью Ваги. Связь буду поддерживать телеграфом по левому берегу Двины или через Устюг, Шенкурск [1] точка Аэропланы прошу направить в Котлас, где имеется аэродром, по выяснении возможности переведу их в Красноборск точка Подрывному поезду прежде прибытия в Котлас необходимо подготовить для взрыва мост на Лузе, взрыв пути Котлас (— Вятка) возможен (только) по прибытии поезда, в виду отсутствия материала и подрывников. Виноградов ушел вниз по реке с отрядами общей численностью 250 человек, я иду с отрядом 742 матроса и 40 латышей и красноармейцев. Крайне необходима присылка артиллерии и пехоты, саперов, хотя от Виноградова, Вахрамеева (?) еще сведений не имею точка Очень нужны ручные гранаты. Большое количество затребованного продовольствия вызвано необходимостью снабжать служащих речного флота, лишившегося своей базы; без этой меры может остановиться судоходство. Деньги нужны судорабочим для расчета с заводом Стюарт, заготовляющим материалы для окопов, для уплаты рабочим по рытью окопов, которые, в виду полевых работ, требуют большей оплаты труда; принудительные работы только вызовут вражду населения“... (Дальше упоминаются вопросы, которые не имеют прямого отношения к обороне Котласа, и запрашиваются многочисленные предметы, почему эта часть донесения опускается).

Из приведенной телеграммы т. Ленина от 12 авг. явствует, какое большое значение придавал Владимир Ильич обороне Котласа.

[1] Шенкурск 12 августа был уже занят белыми.

Но Ильич не ограничился только телеграммой. Спустя несколько дней (точно установить число не представляется возможным), прибыли в Вологду два удалых молодца „со специальным поручением от Ленина".

Они предъявили мне мандат за подписью Владимира Ильича и письмо. То были тт. Уралов и Ногтев, с которыми мне раньше не приходилось встречаться.

В письме Владимир Ильич рекомендует товарищей как вполне надежных и указывает, для какой задачи они посылаются: принять подготовительные меры к взрыву котласских огнехранилищ в последнюю миниту, при вступлении неприятеля в Котлас.[1]

Ясно: история с Архангельском повториться в Котласе не должна.

Снабдив товарищей всем необходимым и ознакомив с последними оперативными сводками с Двины, направил их в Котлас (Красноборск) к товарищу Медведеву.

К счастью, им не пришлось выполнить возложенного на них задания. Использованы они были на другом деле: на устройстве заграждения фарватера С. Двины в районе Красноборска. Но и эта работа, правда не по их вине, проходила далеко не гладко.

Помню, одно из донесений штаба котласского района сообщало, что, несмотря на то, что уже затоплено изрядное количество барж, фарватер остается вполне проходимым. Запрашивалось разрешение затопить еще большее число судов.

В объяснение такого странного явления приводилось исключительное обилие воды в настоящем навигационном году: в месте затопления судов уровень воды быстро поднимался, вода шла поверх судов и смывала заграждение.

Приняв во внимание, что для основательного и продолжительного заграждения пришлось бы пожертвовать всем деревянным флотом, дальнейшее затопление судов было приостановлено.

Кое-какое заграждение все же было устроено. Тов. Геккер, проходивший в первой половине сентября эти места, рассказывает, что его судно проводилось буксиром через довольно искусно устроенный канал.[2]

[1] Письмо не сохранилось. Возможно, как исключительно конспиративное, было уничтожено.

[2] Н. Н. Кузьмин при встрече со мной указывал, что вообще никакого заграждения устроено не было, и что он прекратил работы в самом начале. Тов. Уралов утверждает, что это неверно, и указывает, что план устроенного заграждения был передан им через тов. Зуля (пред. Главод) Владимиру Ильичу.

Военные неудачи и успехи [1]

Обратимся теперь к описанию боевых операций на Архангельском направлении. Выделим только наиболее существенное.

На главном направлении, железнодорожном, положение в течение всего августа оставалось без перемен. Все попытки противника перейти в наступление оказывались безуспешными.

Здесь, как и на других участках, частям приходилось, за отсутствием резервов, неделями бессменно оставаться на позициях, в лесу, в болоте, под дождем. Несмотря на наступившие холода, многие красноармейцы носили лапти. Особенно надо подчеркнуть геройскую стойкость красноармейцев и красных моряков (отряд Антропова) в перенесении всех трудностей войны в гиблой тундре.

В направлении на Онегу нашими частями были взяты Тучмасово, где захвачен пароход, и Чекуево. Это положение оставалось затем надолго закрепленным. Вообще, Онежский участок заметной роли не играл. [2]

Северо-двинский участок Архангельского района в первый месяц являлся наиболее оживленным. Командовал частями тов. Вахрамеев.

На этом участке в первой половине августа в наших руках находился важный пункт—с. Селецкое.

15 августа внезапным наскоком противник, в отряде которого преобладали иностранцы, занял Селецкое. Поражение явилось результатом нашего разгильдяйства и беспечности.

И здесь повторилась та же история, как на железнодорожном и Онежском направлениях после первых боев. В поспешном бегстве наши части откатились на 50 верст по тракту. Крупные села Межновское и Авдинское перешли в руки противника. До ст. Плесецкой оставалось меньше 30 верст.

Особенно досадна была потеря нашего броневика, сданного без боя и даже не приведенного в негодное состояние.

Неудача слишком нервно отразилась и на штабе ст. Обозерской. В секретной записке лично мне (в таких случаях сообщение по всем адресам не практиковалось) командир района Ленговский и начальник штаба Осадший доносят: „Имеющимися резервами рассчитываю временно задержать противника пред

[1] Архангельское ж.-д. направление.

[2] Интерес к нему проявился только к концу гражданской войны, в 1919 году, в связи со вспыхнувшим в Онеге восстанием.

Кочманским. Если немедленно не вышлете 500 человек пехоты, буду принужден отдать сегодня же приказ об оставлении Обозерской и эвакуации Емцы. Обход слишком глубок. Помощь нужна, чтобы сохранить треугольник Чекуево через Обозерскую, Селецкое и Плесецкое. Жду немедленного ответа подкреплении пехотой. Ленту прошу вырвать, взять с собой". [1]

Что товарищи нервничали, — показали дальнейшие события. Если и была возможность послать подкрепления, то во всяком случае не больше 150—200 штыков, да и те, насколько помнится, прибыли с опозданием.

Помню также, что тов. Ленговский, в связи с неудачей, испрашивал разрешения образовать чрезвычайный трибунал и настаивал на высшей мере наказания для Вахрамеева, который уже второй раз оказывается в таком позорном положении.

На создание трибунала было дано согласие, но против высшей меры наказания я возражал. Если вина Вахрамеева очень тяжела, то, по моему мнению, следовало передать все дело в Вологду.

Насколько помнится, приговор был вынесен сравнительно мягкий. Тов. Вахрамеев был переведен в рядовые красноармейцы и, как-будто, остался в том же отряде. [2]

Но вернемся к описанному выше эпизоду.

Захватив с неожиданной легкостью Селецкое и другие пункты, противник торжествовал. „Большевики — это трусливый сброд, который бежит от первого выстрела", — думалось ему. Он приступил к осуществлению операции, которая могла бы при удаче разгромить главные силы, действовавшие в районе Обозерской.

Между тем, наш отступивший отряд, подкрепленный свежими силами, перешел в наступление. Было необходимо выровнять фронт.

Наступление шло почти в таком же оживленном темпе, в каком происходил недавний отход. Взяли Авдинское, взяли Межновское. Лихим ударом сбили противника в Селецком.

Селецкое — наше. Чуть ли не большая радость: вновь отвоеван сданный на прошлой неделе голубчик-броневик!

Достигнутым успехом наши не удовлетворились и, преследуя бежавшего противника, заняли следующее селение Тегра, на реке того же названия, и авангард перешел реку. Отсюда вела лесная тропа на Обозерскую.

---

[1] Записка тов. Ленговского 16/VIII — 21 ч. 30 м., № 515.

[2] По другим сведениям, Вахрамеев был отстранен от командования и отправлен в тыл.

На этом самом месте в руки отряда попал конный фельдъегерь белых, везший срочные пакеты и не подозревавший, что местность уже находится в руках красных.

Содержание пакетов пришлось нам как нельзя кстати. То были донесения американскому полковнику, [1] который, как было установлено затем опросом местных жителей, дня за два до этого прошел по лесной тропе на Обозерскую.

Отряд, по приблизительному подсчету, исчислялся в 300—500 человек; за ним следовал внушительный обоз.

Оставив заслон на Тегре, наши главные силы были брошены в тыл противника. Штаб в Обозерской был своевременно предупрежден об опасности.

Американский полковник со своим отрядом оказался в мешке.

День за днем суживалась длина мешка. Окружающие болота мешали противнику выбраться из тундры иным путем, кроме как пробившись через наседавшие или с фронта, или с тыла части.

В целях спасти отчаянное положение американского отряда, попавшего в ловушку, начался натиск противника на Обозерскую со стороны Архангельска. Шестидюймовки громили станцию. Атака следовала за атакой.

После боя, длившегося 7 дней и на лесной тропе и у Обозерской, отряд полковника был смят. [2]

[1] К сожалению, забыта его фамилия.

[2] То было 4 (или 5) сентября.

К. КОНИЧЕВ

ХАДЖИ-МУРАТ

Его помнят и знают повсюду, где он проходил со своим партизанским отрядом, разбивая наголову северную белогвардейщину и интервентов.

О боевой жизни Хаджи-Мурата ходят легендарные слухи. О его блестящих подвигах почти ничего не написано.

На Северном Кавказе (родина Хаджи-Мурата) в печати появлялись о нем статьи и заметки. А на Севере — в архангельских, пинежских и котласских углах, где он с первого и до последнего дня гражданской войны успешно руководил кавалерийским отрядом красных партизанов и красногвардейцев петроградских рабочих,—на Севере о нем молчали.

Между тем его подвиги, преданность делу пролетарской революции достойны быть примером для новых вырастающих поколений, борцов за социализм.

Хаджи-Мурат (Дзарахохов), крестьянин села Зильги Северо-Осетинской автономной области, родился в 1875 году.

В 1905 году, столкнувшись с местными полицейскими чинами, он эмигрировал в Америку. Там работал на постройке железной дороги, на пароходостроительном заводе клепальщиком. Работал в Сан-Франциско, Вашингтоне, в Фербане, в Аляске на золотых приисках, в шахтах.

В империалистическую войну он, находясь в России, был мобилизован на службу в татарский полк Кавказской туземной „дикой“ дивизии.

После Февральской революции организовался полковой комитет. Хаджи-Мурат в нем замещал председателя.

В корниловские дни, когда туземная дивизия была двинута на Петроград, Хаджи-Мурат организовал переход 350 всадников на сторону революционных войск.

Хаджи-Мурат честен и смел. Это он в Зимнем дворце на приеме у Керенского (после перехода с отрядом из Дикой дивизии на сторону революционных войск) бросил в лицо председателю правительства капиталистов и социал-соглашателей:

— Ты изменник делу революции! Ты не имеешь права носить на себе форму кавказского освобожденного народа. Позор тебе, предателю!—и, хлопнув дверью, Хаджи-Мурат вышел.

На другой день продажные писаки сообщали в газетах, будто „премьер-министр принял взволнованного командира Туземного отряда и дружески успокоил его" (?!)

С этих дней Хаджи-Мурат фактически становится сочувствующим большевикам. Керенский и его шпики начинают охотиться за ним.

В сентябре 1917 года Хаджи-Мурат скрывается в Кронштадте и делает там доклад Совету рабочих депутатов. Совет постановляет:

— Отряд Хаджи-Мурата перевести в форт „Красная Горка", командиру предложить уйти в подполье.

В Октябрьском перевороте Хаджи-Мурат выступает с отрядом всадников против Керенского. В бывшем Царском Селе принимает командование над батальоном революционных войск. Вместе с секретарем парторганизации Павловым Хаджи-Мурат был взят в плен войсками Керенского. В тот же день он бежал из-под расстрела и вновь повел удачное наступление на Керенского с Пулковской горы.

На станции Александровской он захватил эшелон Сибирского кавалерийского полка и разбил юнкеров. Из Царского Села с петроградскими рабочими и матросами Хаджи-Мурат направился в Гатчину, занял станцию и дворец, был участником ареста генерала Краснова.

После убийства генерала Духонина Хаджи-Мурат со своим отрядом принял активное участие в подавлении контрреволюционных восстаний в Могилеве, в Быхове.

Охранял штаб тов. Крыленко.

Был избран командиром 1-го Петроградского отряда и командиром отряда матросов. В бою у Верхней Тощицы разоружил польских легионеров, захватив их в плен вместе со штабом полка. Там же сделал несколько удачных набегов, отбил атаку конного полка. Большой обоз и склады попали в руки революционного отряда Хаджи-Мурата. По прибытии Хаджи-Мурата в Петроград его собираются назначить комиссаром кавалерийских частей Петроградского округа.

— Я человек малограмотный,—говорил Хаджи-Мурат,— лучше оставьте меня на фронте. Чужой головой, чужими глазами и руками не сумею такое дело вести. Дайте мне работать на фронтах.

Его послали на Финляндский фронт на выручку осажденных революционных частей. Здесь он прорвал кольцо осаждавших и дал возможность выбившимся из сил революционным войскам отступить без потерь.

1918 год.

Летом 1918 года открылся Северный фронт.

В Архангельске высадился десант интервентов. Немногочисленные отряды рабочих и коммунистов отступали по Северной Двине и в направлении железной дороги. Организованной для отпора белогвардейцев и интервентов бригаде тов. Уборевича грозила опасность быть отрезанной со стороны Верхней Тоймы.

Реввоенсовет Армии просил военного комиссара Петроградского округа тов. Позерна прислать на Северный фронт кавалерийскую часть.

Тогда явился Хаджи-Мурат с небольшим, но крепко сплоченным отрядом в 25 сабель. Отряд высадился на станции Плесецкой.

В первые дни Хаджи-Мурата постигла неприятность, подготовленная белогвардейскими провокаторами.

Отряд, состоявший из чеченцев и петроградских рабочих, расположился в вагонах. Кони паслись неподалеку. Вдруг Хаджи-Мурат получает известие:

— Кони пропали!

— Куда?

— Неизвестно. Какой-то тип на мотоциклете направил всех лошадей в Каргопольскую глушь.

— Гм, я кавказский орел, и мои орлята без лошадей плохие вояки.

Не одни сутки искал Хаджи-Мурат лошадей своего отряда. Скитался по деревням, лесам, поскотинам, подошел к границам Олонецкой губерний. Наконец, нашел и вернулся на Плесецкую с конями. Во время его отсутствия кто-то пустил среди отряда провокационный слух:

„Ваш Хаджи-Мурат перешел на сторону белых, стоит ли вам доверять оружие“?!.. И, как рассказывает сам Хаджи-Мурат, в его отряде было обезоружено несколько человек. Их всех отвезли в штаб, в Вологду, для разрешения вопроса.

Провокаторы были найдены и наказаны, а Хаджи-Мурат с кавалерийским отрядом был переброшен на более серьезный участок котласского направления Северного фронта.

Комбриг Уборевич сразу же дает Хаджи-Мурату задание произвести набег на Малый Городок и Сельцо. Там были возведены зимние укрепления и размещен штаб англо-американцев.

Отряд был невелик (всего 25 бойцов), задача серьезна: застигнуть противника врасплох, обратить в бегство.

— Сколько к твоему отряду в помощь нужно людей?— спросили в штабе Хаджи-Мурата, когда тот познакомился с местностью и силами противника.

— Нас 25 всадников, дайте еще 70 человек.

— Что-о? 95 бойцов, и вы думаете справиться? Ведь силы противника около 1500 человек!

95 бойцов, из них 70 партизанов-добровольцев, откликнувшихся на вызов Хаджи-Мурата, осторожно, стараясь быть незамеченными, пошли в наступление.

14 октября они неожиданно, обходом, нагрянули на Сельцо. Открыли ураганный огонь. Можно было подумать, что наступает крупная часть красных войск. Белые и англо-американцы в панике бросились отсупать, оставив орудия, военные запасы и пленных.

Зимние укрепления белых взяты. Красные войска продвинулись на 100 километров вперед. Белые начали укрепляться в Тупгасе.

Через неделю в распоряжение Хаджи-Мурата передали два отряда красноармейцев (отряды имени тт. Фукса и Малоховского). Вскоре подготовили второй набег на новую позицию белых—местечко Тупгас.

22 октября красные под командой Хаджи-Мурата нагрянули на белогвардейский Тупгас. Завязался бой.

Начальник пулеметной команды тов. Зелинский был убит в этом бою. Сам Хаджи-Мурат, раненый в ногу, в течение недели находился в строю и лишь по настоянию комбрига Уборевича направился на излечение, но не в лазарет, а к себе в обоз.

Раненый, на костылях, бородатый, в кубанке и в потрепанной старой черкеске, он налаживал дела отряда, подготовляясь к рейдам в глубокий тыл противника.

Отряд представлял собой сборный кавалерийский эскадрон, со вспомогательными пешими бойцами из нескольких чеченцев, петроградских рабочих, балтийских матросов и местных красных партизанов. Большинство из них были коммунисты.

Декабрь. Обычные северные морозы.

Отряд Хаджи-Мурата в красноборском клубе ставил какой-то незатейливый спектакль.

Хаджи-Мурат ДВОРЦОВОЕ.

Архангельская
Областная
БИБЛИОТЕКА
им. Н. А. Добролюбова

Не успели кончить последнего действия — из штаба дивизии приказ:

— Утром выступить в Шенкурск, выбить засевшего там противника.

Отдельные части красных войск уже выступили по направлению к Шенкурску.

Хаджи-Мурат в штабе.

Разговор о наступлении на белых.

— Хорошо бы Хаджи-Мурата двинуть на Шенкурск,—говорит командир Лисовский,—жаль только, он ранен.

Хаджи-Мурат бросает костыли:

— Я ношу эти палки, чтобы не портить рану. Я еду на Шенкурск!

— Назначим комиссию, можно ли тебе ехать,—комиссия определит.

— Зачем комиссия? Меня доктор не лечил, я сам себя лечил, я себе и комиссия. Еду на Шенкурск.

И утром выступил впереди отряда.

Расстояние 200 километров.

Мороз, глубокие снега. Лошади выбились из сил. Люди тоже устали. Хаджи-Мурат сходил с лошади, подпираясь палкой, обходил отряд, ободрял „орлят" (так по-семейному называл бойцов кавалерийского эскадрона).

— Отдохнули? Давайте на Шенкурск!

На лаврах красные войска и их командиры не почивали. Взяв Шенкурск, на третьи сутки двинулись вышибать белых из Шеговар.

Тут Хаджи-Мурат, руководствуясь здравым смыслом и сметливостью стратега и узнав о ловушке, устроенной белыми, без потерь отступил и занял удобную позицию.

Около двух месяцев не было боев. Хаджи-Мурат следил за действиями красных разведчиков, обучал маскировке.

Потом, обходом через тыл неприятеля, красные начали наступать на Усть-Вагу; командир эскадрона Хаджи-Мурат ехал впереди всех, в разведке.

Вслед за отрядом Хаджи-Мурата наступал батальон 157 полка.

Вдруг комбат отдает приказ:

— Отступить.

Хаджи-Мурат подъезжает к нему.

— Что ты делаешь? Тебе дали две тысячи людей под команду. Да я бы тебе над двумя курицами не дал камандовать!

Все-таки отступили, ибо это требовалось по соображениям высшего командования.

На фронте наступило затишье. Отряд Хаджи-Мурата разместился в местечке Неленьге.

Весна 1919 года. Разлились озера между Неленьгой и Усть-Вагой. Крестьяне из обоих лагерей сходились на озерах, ловили рыбу.

У белых был отряд из добровольцев-кулаков под руководством белобандита Ракитина. Крестьяне-рыбаки поддерживали с ними связь и, вероятно, передавали им сведения об отряде Хаджи-Мурата.

Неленьга состоит из четырех небольших смежных деревень. В крайней из них, ближе к белогвардейскому фронту, находился Хаджи-Мурат со своим штабом—канцелярией. В прозрачную майскую ночь, после какого-то праздника, его ребята, погуляв в деревне с молодежью, расположились спать.

Хаджи-Мурат не спал. Полубольной, он беспокойно шагал взад и вперед по избе, ежеминутно выглядывая из окна.

В эту ночь белобандит Ракитин произвел налет на эскадрон красных партизанов, расположившихся в четырех деревеньках Неленьги.

В сотне шагов от дома, где не спал командир партизанского эскадрона, стоял часовой. Ракитинцы внезапно наскочили на него и прикололи.

Хаджи-Мурат видит: бандиты прикололи часового. Миг,—и от удара ружейным прикладом рама вылетает на улицу. С подоконника Хаджи-Мурат стреляет в ракитинцев.

Выстрелы разбудили спавших партизанов. Схватив винтовки, не одевшись, в одном белье, партизаны выбежали на улицу. Видя, что Хаджи-Мурат успел организовать отпор, банда Ракитина бросилась в бегство, оставив в плену 9 человек.

После устьважского боя эскадрон перебрасывается в Почтовое, в Морж, Селезеро, в этих местах отрядом Хаджи-Мурата производились разведки. С осени 1919 года до начала зимы серьезных схваток не было.

Деревня Средь-Мехреньга — на пути продвижения красных. В ней разместился полковник Чубаш с полком белогвардейцев. Выбить оттуда—не легкая задача.

В первых числах февраля отряд Хаджи-Мурата получил приказ — идти вперед. Началось решительное наступление Красной армии.

Интервенты оттянули свои войска, а миллеровские части из русских белогвардейцев под давлением Красной армии бежали к Архангельску.

Лишь полковник Чубаш держался в Средь-Мехреньге, да в Пинеге белый генерал Петренко отсиживался, направляя свои силы против отрядов красного партизана Щеникова.

Отряду Хаджи-Мурата предстояли серьезные задачи.

По пути в Средь-Мехреньгу отряд занял три деревни. Осталось 4 километра пройти просекой, чтобы добраться до становища полковника Чубаша. Белые, заметив наступление красных отрядов, открыли по ним артиллерийский огонь. Осколками снаряда под Хаджи-Муратом убило лошадь, слегка ранило его шрапнелью в лицо и оторвало чубук у трубки. Он поднял над головой мундштук и крикнул:

— Братва! Смотрите-ка фасон белогвардейцев: по трубке бьют. Хорошая трубка была, лошади меньше жаль...

Из-под обстрела красные вышли в тыл белых и напали на обоз, сзади которого шли батальон пехоты и эскадрон белой кавалерии. На помощь Хаджи-Мурату пришел отряд лыжников, под командой тов. Рудакина. Белые обстреливали из пулеметов и бомбометов. Красным удалось захватить у них 16 подвод с продовольствием и не допустить остальные подводы в Средь-Мехреньгу, где сидел Чубаш, отрезанный от тыла.

Двенадцать суток „мариновался“ белый полковник Чубаш в Средь-Мехреньге, не смея вылезти со своими 1500 белогвардейцами, так как удобные пути отступления красными со всех концов были отрезаны.

Двенадцать суток при сорокаградусных морозах отряд Хаджи-Мурата в кольце держал Средь-Мехреньгу.

Белые, видя неминуемую гибель, начали волноваться. Напрасно полковник Чубаш уговаривал их:

— Не бойтесь Хаджи-Мурата, я его лично хорошо знаю. Он не страшен, легко справимся. С Холмогор и Пинеги генерал Петренко шлет нам помощь.

Не выдержали белые. Около 1500 человек во главе с полковником сдались, не дождавшись помощи от генерала Петренко. Да и какая от того помощь, если около Пинеги красный партизан Щеников со своими отрядами чешет белого генерала, не дает ему покоя.

В Средь-Мехреньге Хаджи-Мурат выстроил пленных белогвардейцев.

— А который из вас Чубаш?

— Я Чубаш, — заявляет здоровенный детина и выходит вперед.

— Так это ты? Скажи, Чубаш, где ты меня видел, откуда ты меня лично знаешь?.. Зачем ты про меня чушь говоришь своим солдатам?—начал на площади села допрашивать его Хаджи-Мурат.

— Я говорил для успокоения солдат, говорил о твоей неспособности воевать,—сознается Чубаш.

— Это нечестно с твоей стороны!

— Война, что поделаешь.

— Хаджи-Мурат не такой человек. Я честный вояка. Вот ты у меня в плену. Несмотря на это, я предлагаю тебе любое оружие, хоть шашку, хоть револьвер. На глазах наших красных бойцов и перед твоими солдатами выходи со мной один на один драться. Я тебя вызываю.

Смутился полковник, покачал головой.

Хаджи-Мурат направил его в штаб дивизии к тов. Степанову.

Потеряв опорный пункт Средь-Мехреньгу, белые продолжали без боя отступать на Емецк и Холмогоры. Красноармейские и партизанские части уверенно продвигались вперед.

Когда красные подходили к Усть-Мехреньге, мороз достигал 44 градусов. Деревня, переполненная белогвардейцами, была расположена на высокой, неприступной горе.

Белые установили пулеметы в банях. Мороз не мешал им обстреливать наступавшие под командованием Хаджи-Мурата красноармейские и партизанские части. У наступающих на морозе пулеметы отказывались работать. А белые сыпали дождем пуль.

Однако, стреляли не метко.

Пули рикошетом рвали лед, не задевая красных.

Хаджи-Мурат на своих плечах таскал пулеметы, устанавливая их на удобных местах против засевших в Усть-Мехреньге белогвардейцев. Но сил нехватало выбить тех из домов. Отряд держался, не наступал, пока не подоспел еще батальон красной пехоты.

Хаджи-Мурат самовольно взял под свое командование подоспевшую пехоту и пошел с ней в обход на Усть-Мехреньгу.

Белые отступили, оставив убитых и пленных.

Затрещали последние швы северной белогвардейщины.

Без сопротивления Красная армия заняла Сию, Сельцо, Холмогоры.

Сдался со своим отрядом и пинежский белый генерал Петренко.

Стоя на коленях, он умолял партизанов и красноармейцев не доставлять его Хаджи-Мурату.

— Зарубит он меня!..

Напрасно генерал высказывал боязнь. Хаджи-Мурат встретил его приветливо.

Генерал начал лебезить перед ним.

— Ах, это вы—Хаджи-Мурат. Я знаю вас как смелого, доблестного командира. Я не раз отмечал в газетах, ставя вас в пример своим солдатам, которыми просто по недоразумению мне приходилось командовать. Я был обманут интервентами. Я шел против своей воли.

Тогда пропала приветливость у Хаджи-Мурата. Он стукнул по столу кулаком и громко возразил:

— Не будь лисицей! Старая песочница ты, а не храбрый генерал!.. Я таких не уважаю. Ты враг, заклятый враг. Ради спасения своей шкуры притворяешься невинным. Хаджи-Мурат не такой, чтобы пленным головы рубить... и Хаджи-Мурат не такой, чтобы поверить в сладкие речи врага!

Действительно, генерал Петренко остался врагом. Впоследствии ему удалось бежать на Северный Кавказ, где он организовал банды для борьбы с советской властью.

Шеговары, Муланда, Пучега, Сельцо, Вшивый Березничек—помнят боевые схватки хаджи-муратовцев с беляками.

В жаркие дни в лесах и топких болотах мошкара, комары и оводы не давали покоя ни лошадям, ни людям. Но красные бойцы, преодолевая все препятствия, закаляясь в боях, неудержимо двигались вперед на врага.

Соратники Хаджи-Мурата, герои Северного фронта товарищи Лобанов, Шадрин, Григорьев и другие не забыли и не забудут, как отряду приходилось через непроходимые болота протаскивать на себе лошадей своего эскадрона. Приходилось воевать в таких местах, где лошади выезжали на своих всадниках!

Белые за лето 1919 года, укрепившись, засели в Усть-Ваге, намереваясь остаться тут и на зимних позициях.

К отряду Хаджи-Мурата присоединился партизанский отряд Денисова, подтянули и шестой советский полк пехоты.

Всюду были вырыты белогвардейские блиндажи и приспособлены для длительной обороны. Расставлены часовые.

Пришлось обходом по берегу реки миновать проволочные заграждения белых, с тыла напасть на часовых и пулеметчиков.

Одновремено с нижнего конца Усть-Ваги наступал Денисов со своим отрядом. Хаджи-Мурат отрезал половину села. Несколько англичан-интервентов было захвачено им в плен.

Белые, узнав о налете красных партизанов на Усть-Вагу, приготовились встретить их боем.

Денисов с отрядом оплошал: он был ранен и отступил, дал возможность белым сосредоточить в Усть-Ваге все силы против отряда Хаджи-Мурата.

Половина Усть-Ваги оказалась в руках красных войск, другая—в руках белогвардейцев.

— Сдавайтесь!—кричат белые,—все равно мы вас отсюда не выпустим.

Хаджи-Мурат „по соседству" из занятых изб отвечает интервентам на английском языке: [1]

— Здесь кавказский орел. Сдавайтесь, или я вас, белых гадов, на куски изрублю. На небо лететь не успеете, а в землю не скроетесь!..

Белые, имея численный перевес, не сдавались. После четырехчасовой перестрелки они стали обходить отряд Хаджи-Мурата, забрасывая партизанов гранатами. И пришлось бы красным плохо, если бы не захваченные пулеметы и не пленные англичане. Пулеметы системы Викерс,—никто из отряда обращаться с ними не умел. Тогда Хаджи-Мурат, зная английский язык, убедил пленных англичан встать к пулеметам, а к ним для контроля определил по два своих отрядника.

Стреляли не плохо.

Под прикрытием пулеметного огня Хаджи-Мурат был вынужден отступить, так как к белым подошли подкрепления. Все-таки он увел с собой пленных англичан.

Шестнадцать человек, среди них комиссар тов. Соболев, из его отряда были убиты. Черкеска на Хаджи-Мурате была изрешетена пулями.

Лохматая кубанка во время боя торчала у него за поясом.

— В бою наш командир, как на „крестном ходе": без шапки,—шутили партизаны.

— Без шапки труднее белым мою голову заметить,—говорил командир партизанам.

[1] Будучи в эмиграции, Хаджи-Мурат усвоил языки: английский, испанский и частично—китайский.

За доблесть в этих боях Хаджи-Мурат получил орден Красного Знамени. Вот выдержка из постановления Реввоенсовета Армии:

„ЗОЛОТАЯ ДОСКА РЕВОЛЮЦИИ"

Во время боев 31 августа и 1 сентября 1919 года по реке Ваге командир N эскадрона кавалерийского дивизиона тов. Хаджи-Мурат, получив задачу произвести налет на противника, занимавшего деревню Усть-Ваґу, провел данный ему отряд из эскадрона кавалерии и роты № стрелкового полка незаметными лесными тропами на 25 верст в тыл противника и неожиданным нападением захватил указанную деревню, нанеся противнику значительные потери. После прибытия к противнику подкрепления умело вывел отряд и присоединился к своим частям.

В бою 16 сентября 1919 года в деревне Усть-Ваге с вверенным ему эскадроном атаковал в три раза более сильного противника, разбил его наголову, захватив 7 пулеметов, несколько автоматов и 18 человек пленных.

За проявленную в борьбе с врагами социалистического отечества доблесть Революционный военный совет Армии постановляет: товарища Хаджи-Мурата наградить орденом Красного Знамени.

Вспоминая боевые дни гражданской войны на Севере, героику красного отряда, оперировавшего под командой Хаджи-Мурата, следует указать и на недостатки, которые охотно признает за собою и сам Хаджи-Мурат: пререкания, споры, иногда—неподчинение приказам.

Тов. Н. Кузьмин в статье, помещенной в сборнике „Гражданская война", том I, пишет:

Держать в узде Хаджи-Мурата было трудно, так как он был очень необузданным человеком. За работу в период нашего наступления на Двине в сентябре 1918 года и в феврале 1919 года под Шенкурском он был награжден орденом Красного Знамени. Блестяще работал он при наступлениях на Архангельск в 1920 году, когда, будучи командиром эскадрона 54-й дивизии, он вел в бой в конном и пешем строях около Средь-Мехреньги и после первых атак отрезал доступ к Средь-Мехреньге со стороны как Тарасовского, так и Северной Двины.

Как приходилось держать его в руках,—рисует одно телеграфное распоряжение, посланное ему членом Реввоенсовета г. Архангельска.

Хаджи-Мурат шел с эскадроном впереди 150-й бригады на Пинегу и считая себя подчиненным начдиву, стал пререкаться с комбригом 150-й. Утихомирить его было трудно, а наказывать сурово не хотел начдив.

Тогда член Реввоенсовета послал ему телеграмму: „Архангельск 29/II—20 г. Я знаю Хаджи-Мурата—Хаджи-Мурат знает меня. Хаджи-Мурат забыл дисциплину и порядок. Он осмеливается не исполнять приказа комбрига. Победа вскружила голову Хаджи-Мурата. Прекратить всякие разговоры, исполнять беспрекословно все, что приказывают.

Никаких возражений, него люди забудут, что был Хаджи-Мурат".

Это повлияло лучше всяких наказаний...

За архангельскую операцию Хаджи-Мурат был представлен ко второму ордену Красного Знамени.

В чем причины, обусловливавшие победы отряда Хаджи-Мурата над белогвардейцами? Основные причины ясны: Красная армия и отряды красных партизанов в годы гражданской войны были объединены под знаменами Октябрьской революции монолитной волей большевистского руководства.

У всех трудящихся, из которых состояла рабоче-крестьянская Красная армия, выковывалась готовность бороться и побеждать классовых врагов. Но мало было одного пафоса и энтузиазма в борьбе с превосходившими по численности силами противника. Нужны были: умение, тактика и стратегия в руководстве боями.

Хаджи-Мурат был не просто „герой-смельчак". Он был умелым руководителем. Прекрасно ориентируясь в любой обстановке, зная силы врагов, их уязвимые места, Хаджи-Мурат с малочисленным отрядом обрушивался на противника. Как талантливый самородок, боец и самоотверженный, преданный революционному долгу красный командир был поистине страшным и неуловимым врагом белогвардейщины.

Не случайно архангельские белогвардейцы три раза писали в газетах о том, что Хаджи-Мурат изрублен на куски: словно на зло белой прессе, „куски" соединялись в целое, и „изрубленный" Хаджи-Мурат появлялся снова и громил белых.

Красные партизаны рассказывают, как их эскадрон не раз попадал в кольцо противника. Для трусов совершенно безвыходное положение. В таких случаях Хаджи-Мурат не отчаивался: впереди отряда с шашкой наголо, с гиканьем наскакивает на врага, рубит направо и налево. За ним мчится во весь опор эскадрон, нанося удар за ударом. Кольцо прорвано, и Хаджи-Мурат, идущий в голове отряда, вдруг поворачивает лошадь, налетает с другой стороны и обращает в бегство недавно державших их в кольце белых.

Много значила в боях инициатива, конечно, увязанная с общими планами военных действий Красной армии Северного фронта.

Хаджи-Мурат был неутомимым инициатором в бою и особенно в подготовке к бою.

Он следит сам за ходом и действиями своей разведки.

Он выбирает удобный участок для наступления.

Он искусно подводит свой отряд с тыла.

При внезапном нападении он умело применяет тактику наведения паники на многочисленные силы противника, выбирая для этого ближайший удобный пункт от расположения противника.

Чутко и справедливо разбираясь во взаимоотношениях с подчиненными бойцами, строгий и внимательный, скромный в личной жизни, Хаджи-Мурат пользовался в отряде громадным авторитетом.

Слава о его блестящих победах над белыми гремела по всему Северному фронту.

Тов. Завелевич, красный партизан, близко знавший Хаджи-Мурата, говорит о нем:

— Я никогда не забуду тов. Хаджи-Мурата. Он справедливый, настойчивый человек. Он никогда в деревнях не обидел крестьян-бедняков и никогда не щадил кулаков—активных помощников белогвардейщины. Бывало, займем деревню, Хаджи-Мурат выберет себе самую плохую избу и ночует в ней. Посмотришь, хозяйка для него тащит постель, а он возьмет полено под голову и ложится.

Ясно, что он это делал не из аскетических предрассудков. В таком положении даже во сне Хаджи-Мурат мог слышать, что вокруг него творится. Оружия с себя никогда не снимал.

В летнюю пору, когда отряд отдыхал где-либо в резерве, а у крестьян-бедняков не на чем было пахать, Хаджи-Мурат говорил им:

— „У меня в эскадроне лошади стоят без дела, берите их и пашите".

Были у нас в отряде и такие субъекты: в тылу безобразят, а в бой идти—прячутся. Таким Хаджи-Мурат сначала говорил по-хорошему:

— Стыдно товарищи, так нельзя делать. Думаете, мне жизнь не дорога? Я тоже боюсь смерти, но я воюю. Совесть мне не позволяет прятаться в кусты или безобразить в тылу.

Однажды он был вынужден прогнать из своего отряда 12 горе-вояк. От этого отряд, конечно, не пострадал.

Другой красный партизан—тов. Шадрин рассказывает, как им пришлось увести из тыла белых 20 возов сена. Хаджи-Мурат послал белому полковнику Чубашу записку: „узнай, чье сено увезли мои ребята; если оно принадлежало бедноте, я с ними рассчитаюсь, уплачу за сено вдвойне, после того как разгромлю твой полк".

Хаджи-Мурат сдержал свое слово. Чубаша с полком он после двенадцатидневной осады захватил в плен. За сено крестьянам уплатил.

Ликвидировался Северный фронт.

В феврале 1920 года Красная армия вступила в Архангельск.

В те дни отряд Хаджи-Мурата находился в Заостровьи (в 4-5 километрах от города на запад). Здесь он перехватывал последних белогвардейцев, искавших выхода из Архангельска на Сороку к финской границе.

Участие Хаджи-Мурата в гражданской войне не ограничивается подвигами только на Северном фронте.

В том же 1920 году он руководит конными отрядами Красной армии на польском фронте.

3 мая 1920 года в бою у местечка Переброды отряд под его командой разбил два польских полка.

С корпусом Гая он интернировался в Германию. После поступил в распоряжение 2-й Конной армии на должность командира отдельного эскадрона при штабе.

В первых числах марта 1921 года Хаджи-Мурат, с пошатнувшимся здоровьем (вследствие многочисленных ранений) откомандировался в распоряжение штаба Кавказского фронта.

Это был момент его разлуки с боевыми товарищами.

В адресе, поднесенном Хаджи-Мурату от верных бойцов-красноармейцев, выражено их чувство преданности отважному командиру-товарищу:

— „Мы, красноармейцы 4-го эскадрона Кавдивизии 1 Конной армии, 4 марта 1921 года, расставаясь с нашим дорогим командиром тов. Хаджи-Муратом, заявляем:

— Дорогой тов. Хаджи-Мурат, мы, красноармейцы, проводившие с тобою вместе четырехлетнюю боевую жизнь в гражданской войне, знаем тебя как самоотверженного, стойкого бойца за дело освобождения трудящихся.

Дорогой товарищ, стоя во главе нашего эскадрона, ты сумел нас сплотить, организовать и сделать нас стойкими, самоотверженными бойцами.

Мы помним и будем помнить нашу боевую жизнь, нашу славу, связанную с твоим именем.

Расставаясь с тобой, дорогой товарищ, мы клянемся, что почетное имя Хаджи-Мурата мы не запачкаем ни в какие минуты.

Прощай, дорогой товарищ, будь жив и смел. Мы надеемся, что и ты нас, твоих бойцов, не забудешь".

Кончилась гражданская война.

Демобилизовались бойцы из эскадрона Хаджи-Мурата. Ушли на поля и в леса, на промыслы, северо-двинские товарищи. Ушли к станкам на фабрики петроградские боевые ребята—рабочие. Ушли на фронт труда.

Но еще кое-где на юге России мелкими болячками вскрывались махновские банды. Они наносили ущерб советской власти.

Не спешил к себе в Осетию Хаджи-Мурат.

По 1 марта 1923 года, находясь в распоряжении штаба Кавказского фронта, он оставался добивать остатки махновщины и других банд.

И только потом Хаджи-Мурат возвращается в родное осетинское село Зильга.

Деникинцы спалили, с землей сравняли его домашний очаг. Своими руками построил он себе небольшую новую хату. Купил корову, лошадь, стал хлеборобом.

Соседи говорили ему:

— Брось работать, проси помощи у власти, ты заслужил.

— Ладно, стар я стал, но еще поработаю. А советская власть, в роде моего хозяйства, помещиками да генералами разорена. Поправится, меня не забудет.

По соседству с Хаджи-Муратом в том же селе жил нето бывший генерал, нето крупный чиновник царского времени.

По старой памяти крестьяне его побаивались и против воли звали как „гостя“ на свадьбы и празднества. Таков был обычай старины.

Хаджи-Мурат возмутился.

На собрании осетинов он заявил:

— Это недобитый классовый враг, а вы его почитаете как икону! Довольно себя срамить перед паразитом. Времена изменились, избавьте эту царскую дрянь от незаслуженного почета!..

Выступление Хаджи-Мурата в осетинском селе, где еще были сильны предрассудки прошлого, казались смелым вызовом против классового врага в мирной обстановке.

Репутация „бывшего генерала“ подмокла, соседи отшатнулись от него, и не удалось ему стать вожаком на селе.

Классовый враг в Осетии, как и всегда и везде, беззастенчив, зол, коварен, мстителен.

Хаджи-Мурат повел работу по организации колхоза у себя в селе. Кулаки почуяли в этом опасность и стали его преследовать.

Цель в таких случаях ясна: уничтожить активиста-большевика, значит припугнуть остальных, не дать родиться колхозу.

На первом этапе коллективизации кулачество ущемляло Хаджи-Мурата.

Украли у него единственную корову.

Сожгли его избу.

Поздно ночью напали на него трое вооруженных бандитов, хотели прикончить, да не удалось. Выручили Хаджи-Мурата—неразлучный в дорогах турецкий карабин и боевая смекалка. Отстреливаясь от бандитов-кулаков, он двух убил наповал, а третий был пойман и осужден.

Передовые бойцы на фронте гражданской войны—передовики и на фронте социалистического строительства. Таковы, например, на Севере савинские партизаны, лучшие в СССР лесорубы-ударники.

И если капиталисты со своими прихвостнями попробуют снова навязать нам войну Советскому Союзу,—красные партизаны, их командиры—краснознаменцы,—старые кадры руководителей, все, как один, грудью станут в ряды нашей окрепшей Красной армии.

— Будет война, я на пятнадцать лет помолодею. Я не разучился владеть оружием. Мое место будет на самых серьезных и ответственных участках обороны нашей страны,—так заявлял Хаджи-Мурат на собраниях бывших красных партизанов и архангельских рабочих, когда через двенадцать лет после ликвидации Северного фронта приезжал на Север.

А. КАПРАЛОВ

ШЕГОВАРЫ

Длинный, изнуряющий летний день, выматывающий жарой и работой, кончался.

С полей шли домой бабы.

На улице мычало возвращавшееся с пастьбы стадо. Коровы, подымая с дороги охапья пыли, бросались к пруду. Жадно пили, заходя в воду по самое брюхо.

В конце улицы показались ряды солдат.

Это был отряд латышских стрелков, отправляющийся на подавление шенкурского кулацкого восстания. Народ выходил из домов и смотрел на красноармейцев.

Начальник отряда, крепкий, коренастый латыш товарищ Падалка шел с боку уставшего отряда. Отряд поравнялся со столбом, на котором прибита доска с надписью:

„СЕЛО ШЕГОВАРЫ
Шенкурского уезда.
Дворов 40, жителей—252".

— Стой!..

Привал.

Красноармейцы составили винтовки в козла и, поставив часового, разошлись: кто—пить, кто—купаться.

Падалка подошел к уполномоченному Архангельского совета Павлину Виноградову, сидевшему в тени березы, и растянулся на траве рядом.

— От Шеговар до Шенкурска—сорок верст,—проговорил Падалка.

— Да, это примерно составит часов...

Неожиданно из-за угла вылетела запряженная в таратайку лошадь и, нахлестываемая седоком, рванулась вдоль улицы.

— Стой!—крикнул Павлин, соскочив, так и не окончив фразы.

Седок ответил новыми ожесточенными ударами кнута по спине лошади и погнал еще сильнее.

— Стой! Буду стрелять.

В воздухе снова взвился кнут.

Павлин припал на колено и, вскинув винтовку, прицелился Лошадь продолжала скакать.

Раздался выстрел.

На выстрел быстро сбежались красноармейцы и, расхватав винтовки, бросились наперерез лошади.

Таратайка уже остановилась. Побледневший седок, опустив вожжи, испуганно поднял вверх руки.

— Кто такой?—строго спросил Павлин, подбегая.

Пойманный молчал.

К Павлину подошел босой в длинных рваных штанах мужик и отвел его в сторону.

— Товарищ начальник. Пойманной-то ведь шпион. Он кожзаводчик. Сейчас-то вишь он поскакал в Шенкурск, чтоб значит предупредить о вас.

— Верно? Хорошо, мы это узнаем.

— Взять!—последовала команда.

Трое стрелков с винтовками наперевес, поблескивая штыками на солнце, увели арестованного.

Через час отряд снялся и вышел на Шенкурск.

Фронт перешел за Шеговары, и остановился около Благовещенска, там скопились все эвакуированные из Архангельска советские учреждения.

Вместе с красными отступило много шеговарцев.

Вслед за отступившими большевистскими войсками в Шеговары пришел по Ваге пароход и высадил представителей английского командования.

Для соблюдения порядка в революционно-настроенной волости, в Шеговарах была оставлена рота американцев.

Солдаты разместились в верхнем этаже громадного дома купца Ившина, тот любезно пригласил „гостей" к себе на квартиру.

Белое командование хорошо помнило, что шеговарцы усиленно поддерживали красных,—и мстило.

По волости была объявлена мобилизация лошадей.

Это был первый шаг карателей.

Но наказывали не всех.

Деревня Абакумовская, расположенная рядом с Шеговарами, большинство жителей которой кулаки и зажиточные, не раз выступавшие против советской власти, от мобилизации была освобождена. Для обеспечения успеха мобилизации посреди села была установлена батарея.

Черные орудия грозно направили свои жерла на хмурые покосившиеся избы.

В Шеговарах белые созвали волостную сходку. Мужики стояли пестрой толпой, загородив всю улицу.

Стройный, в изящной черкеске, подполковник Эристов обратился с речью к крестьянам.

Поблескивая погонами и нежно позванивая шпорами на лакированных сапогах, он, взывая к чувствам шеговарцев, просил помочь уничтожить „большевистскую заразу".

— Соединенными усилиями Северной народной армии и наших великодушных союзников нам удалось освободить стонущий край от ига большевизма. Наша доблестная армия успешно продвигается к Вологде. Недалек тот день, когда славные русские знамена будут реять на улицах Москвы, так позорно обманутой немецкими провокаторами. Граждане крестьяне! Требуется еще несколько героических усилий, и русская земля будет свободной. Та мобилизация, которая пала на вашу волость, является несомненно жертвой. Но эта жертва будет сторицей оплачена. Мы не хотим обижать мирное население и полностью заплатим за каждую мобилизованную лошадь. Мы надеемся, что мужественные шеговарцы, так много перенесшие от большевистского диктаторства, будут в первых рядах бойцов по защите родины.

Долго еще говорил Эристов, а мужики, угрюмо поглядывая на пушки, молча стали расходиться по домам.

На следующий день бабы с воем провожали забранных лошадей. Обезлошаденные деревни зло и мстительно затаились.

В лесной избушке жарко горели дрова. Тусклая керосинка стояла на досчатой полке, освещая прокоптевшие стены и плотно завешанное окно.

Демобилизованный матрос Дмитрий Стрелков и деревенский парень Михаил Чухин сидели перед огнем.

— Ты кого пригласил?—спросил Дмитрий.

— Да человек двадцать нашей молодяжки придет. Ребята все свои...

— Смотри осторожнее: чтобы американцы ни-ни. Если выследят—амба.

— Не выследят. Наши ребята народ ловкий.

Послышался легкий, чуть слышный хруст снега. Кто-то ехал на лыжах.

Дмитрий выжидающе уперся взглядом в дверь, привычно сунув в карман руку.

— Это свои,— проговорил Чухин.

Вместе с клубами холодного воздуха в избу ввалился раскрасневшийся Мишка Драчев.

— Здорово живем!—крикнул он весело, утирая с лица выступивший пот.

— А-а, Мишуха... Ну, как остальные? Скоро причалят?

— Сейчас будут все.

Постепенно в избушку начала прибывать шеговарская молодежь. Собралось человек двадцать.

— Все!—объявил Чухин.

— Можно, пожалуй, начинать.

Дмитрий внимательно оглядел присутствующих. Это была почти сплошь беднота. Мысленно разобрав каждого, заговорил:

— Товарищи! О сегодняшнем нашем сборе ни гу-гу, иначе,— он хлопнул себя по карману,—будет худо. Если американцы узнают о нашем сборе—крышка. Теперь давайте говорить в открытую. Начистоту. Вы меня все знаете хорошо. Я вас—тоже. Положение, ребятки, тяжелое. Белогадюки и интервенты, получая миллионы рублей от „наших великодушных союзников", развили наступление на малочисленные и разрозненные красные войска. Белоинтервенты хотят прорвать фронт и соединиться с Колчаком. Под угрозой Вологда и Котлас. Надо отбить нападение белых и сбросить их в море. Нужно поднять население против белоинтервентов, вести разложение их армий. Архангельским партийным комитетом мне поручено создать в Шеговарах партизанский отряд и повести подрыв тыла. Нас, конечно, будет немного. Нам будет трудно, но мы будем наносить им неожиданные и тяжелые удары, создавать беспокойство, напряженное положение. Я не сомневаюсь, что большинство из вас, братва, вступит в наш отряд...

— В этом никто не сомневается, но как с оружием?—нетерпеливо спросил Драчев.

— Да, как с оружием? Ведь у нас кроме дробовиков ничего нет...

— Тише, товарищи. Конечно, выступать с дробовиками против американских пулеметов—дело безнадежное. Оружие будет. Но давайте сначала решим вопрос об организации отряда. Я предлагаю создать шеговарский партизанский отряд из молодежи. Кто желает записаться?

— Да что тут записывать-то. Все пойдем!—крикнул Драчев.

— Мы приглашаем только тех, на кого можно твердо надеяться. Кто не хочет состоять в отряде? Не пугайтесь, тому ничего не будет. Это дело полюбовное.

Ответом было молчание. Колеблющихся не было.

— Значит, точка. Смотрите, братишки, не оплошайте. Обдумайте хорошенько, чтобы раскаиваться не пришлось.

— Чего же ты душу-то выматываешь? Знаем, что делаем,— не маленькие. Дуй дальше.

— Хорошо. Теперь нужно выбрать командира отряда. Предлагаю Михаила Чухина. Парень он свой в доску. Дело тоже знает.

— А почему не тебя, Дмитрий?—спросил Чухин.

— Я, товарищи, и так пока буду в отряде. Но возможно, что меня перебросят куда-нибудь в другое место... Так как, братва, решено?

— Решено!

— Но, ребятки, с сего дня все мы числимся в партизанском отряде и обязаны соблюдать железную революционную дисциплину. Всякий отказ выполнить распоряжение командира будет рассматриваться как измена, как предательство революции и будет подавляться самым суровым образом. Теперь о наших первых шагах.

— Нам нужно оружие. Для этого мы проберемся на двинский фронт. Это недалеко отсюда—верст семьдесят. Возьмем у красных винтовки и патроны и затем вернемся в Шеговары. Наднях отчалим. Помните: каждый из вас отправляется на охоту. Выйдем поодиночке и в разное время.

— Ну, на сегодня все. Сейчас нужно осторожно, по одному разойтись по домам. Запомните еще раз, что если американки преждевременно что-нибудь узнают об отряде—виновникам каюк. Всякий проговорившийся будет расстрелян, несмотря ни на какие обстоятельства.

— Да. У кого какое есть оружие: винтовки, наганы—приготовьте. Но будьте осторожны—чтобы без подозрений...

Поодиночке ребята тихо скользили меж деревьев. Хвойные лапы задевали за головы и осыпали жгучим холодным снегом.

Лес молчал.

На фронте шли упорные бои.

Из Архангельска спешно высылались самолеты, орудия.

Полураздетые и полуразутые красные части упорно держались против прекрасно вооруженных, одетых в теплые полушубки белоинтервентских войск.

В Шеговарах было тихо.

И вот случилось что-то непонятное. Из села пропало около тридцати парней.

Опустели девичьи посиделки. Да и какие уж посиделки, когда не придет веселая гурьба ребят с охрипшей от мороза гармоникой...

Зашушукались в кулацких семьях.

И хотя пустили по селу слух, что мол парни охотиться ушли, но подозрений это не рассеяло. Где это видано, чтобы ушли на охоту сразу тридцать человек.

У Подосеновых впервые намекнули офицерам, что, мол, не все благополучно. Да те и сами стали замечать, что на селе случилось что-то тревожное. Но когда узнали, что сбежало тридцать парней, забеспокоились всерьез.

Был снят с фронта и прислан в Шеговары белогвардейский отряд. Усилили охрану.

На одном конце улицы выставили часового-американца, на другом—конная застава из русских белогвардейцев, вооруженная пулеметами.

Укрепили казарму. На чердаке был установлен пулемет.

Но об исчезнувших парнях не было ни слуху ни духу.

Снег лихо взвизгивал под полозьями.

Обиндевевшие лошади, встряхивая головами, бойко бежали по наезженной зимней дороге.

Партизанский отряд Михаила Чухина возвращался в Шеговары.

Ребята густо насели в дровни, бережно уложив под сено новые винтовки и ящики с патронами.

Все обошлось как нельзя удачнее.

Удалось ловко обойти линию белых и перебраться на другой берег Двины к красным. Оружие достали быстро.

Оставив лыжи, достали лошадей и теперь мчались домой.

Настроение было боевое.

Дмитрий, чуть слышно насвистывая „яблочко", весело смотрел на партизанов.

Вдруг передняя лошадь испуганно шарахнулась в сторону.

Посреди дороги виднелась какая-то темная, быстро приближающаяся фигура.

— Стой!—крикнул Чухин первой подводе.

— Кто идет?

Защелкали затворы.

— Робя, робя! Свой!..—закричал пугливо человек, пятясь от направленных в упор винтовок.

— Пароль?—спросил Дмитрий, узнав по голосу старика Драчева.

— „Смерть интервентам"... Что ты, Митьша, не узнаешь, что ли?

— Вижу, вижу, старина... Но иначе нельзя. Сам понимаешь. Ну, говори скорей, как у вас дела обстоят?

— Плохи дела, ребятишки, плохи. Догадались дьяволы-то, что вы ушли к красным,—ждут теперь. Отряд белых в деревню пригнали, охрану усилили. В том конце—белая застава с „максей"... Пятеро их. У казармы тоже людев больше выставлено. Блюдут строго... Не лучше ли вам, ребятки, улепетнуть обратно к красным...

— Не за этим, дедка, ездиди...

— Становись!—скомандовал Чухин.

Партизаны выстроились в одну шеренгу.

Было около трех часов ночи.

Тьма слипала глаза, смыкалась над дорогой.

— Товарищи, до Шеговар осталось почти пять верст. Нам нужно сначала без шума взять обе заставы, а потом внезапно напасть на казарму.

— Основное — это внезапность нападения. Мы переполошим солдат, наведем панику и такого страху на них нагоним, что они и опомниться не успеют, как казарма будет захвачена. Для этого отряду нужно разбиться на четыре части: трое останутся у лошадей, двое нападут на патруль. Пятеро пойдут на вторую заставу и возьмут ее или уничтожат без единого выстрела. Остальные в это время окружат казарму, и потом все вместе начнем штурм. Задача понятна.

— Понятна.

Первую группу поведет Драчев, вторую—я, главными же силами будет командовать Стрелков.

Отряд разбился и двинулся вперед.

— Ох, ребяты, ребяты,—прошептал старик Драчев, направляясь к лошадям,—много, вишь их... Не совладать вам...

Драчев с товарищем вязли в снегу, осторожно пробирались меж амбаров. Снег попадал им в валенки, но они держа наготове винтовки, спотыкаясь и падая, пробирались вперед.

По дороге в длинной шубе, в крепких войлочных бурках, теплой меховой шапке, держа в руках винтовку, медленно двигался часовой.

Часовой переминался с ноги на ногу, выгоняя подбирающийся к телу холод, тер мерзнувшее лицо и вспоминал те блаженные времена, когда он в своей маленькой уютной квартирке тихого квартала Чикаго, вернувшись с работы, отдыхал за стаканом горячего кофе.

Часового клонило ко сну. Он встряхивался, но глаза снова слипались.

Остановился, опершись на винтовку. По телу расплывалась приятная теплота. Вот он едет на велосипеде с работы домой. Уже виден угол улицы, на которой он живет. Но что это? Прямо на него мчится громадный черный автомобиль. Вот-вот сейчас раздавит... Он пытается свернуть в сторону, но руль не слушается его. Вдруг он чувствует, что на плечи его обрушилось что-то тяжелое, толчком вышибло из рук руль велосипеда и тяжело придавило к земле. Открыв глаза, часовой увидел, что лежит на снегу без винтовки и в грудь ему уперлись холодные дула винтовок.

Два дюжих парня стояли над ним.

Он не сопротивлялся, когда, заткнув платком рот, ему связали руки и ноги, а затем отнесли и как тяжелый узел положил в дровни.

Старик Драчев остановился над пленным.

— Попался. Эх, ты, замерзнешь еще тут.

Он взял охапку сена и заботливо прикрыл пленного.

Чухин с четырьмя партизанами шли в обход заставе.

— Стой! Кто идет?

Отряд затаился.

— Кто идет? Стреляю,— послышался щелк затвора.

— Вперед,— тихо скомандовал Чухин.

Нагибаясь к земле, бросились на заставу.

Ночь полоснул отрывистый, как удар бича, выстрел.

Пуля пробила у Чухина полу полушубка.

Налетел на солдата и, увернувшись от штыка, ударил прикладом.

Партизаны бежали к пулемету. Навстречу раздалось несколько выстрелов, и затем в темноте, все затихая, послышались удары копыт.

В селе ударили выстрелы.

— Ого,—подумал Чухин, подбегая к пулемету,— начинается!

— Сволочи!— погрозил он вслед ускакавшей заставе, глядя на открытый пулемет, из которого был вынут замок.

— Ну, ладно же. Ребята, к казарме!

Винтовочная трескотня усилилась.

Когда подбежали к казарме, послышалась команда Дмитрия

— Ложись!

Откуда-то сверху начал стрелять пулемет.

Партизаны уткнулись в снег.

Защищенные темнотой, ожесточенно палили по окнам казармы, в которых метались испуганные огни.

Часовые у ворот были сняты с самого начала.

Пулемет стрелял с чердака.

Все попытки сбить пулеметчика кончились неудачно.

Но вот в казарме раздались удары барабана, и вслед за тем из окон послышались ружейные залпы.

Второй...

Третий...

— Отступать!— крикнул Дмитрий, видя полную невозможность овладеть казармой.

Партизаны, отстреливаясь, начали медленно отползать к заулкам.

Ворота казармы распахнулись, и показалась цепь солдат.

Драчев, расстреливая последние патроны, убегал от наступавших солдат.

„Вот сейчас будет дом Подосеновых, около него плотный забор. Его можно перепрыгнуть и убежать к овинам. А там"...

Подбежал к самому крыльцу и ткнулся в калитку...

Что-то саднуло в спину.

В глазах помутилось, руки сами по себе разжались и выпустили винтовку.

Без крика упал в снег.

И он уже не чувствовал, как подбежавшие солдаты приkололи его штыками к земле.

Белогвардейская охрана занимала особую избу. Солдаты, раскидавшись от жары на полу, тяжело храпели, когда на улице учащенно затрещали винтовочные выстрелы, а затем послышалось однотонное постукивание пулемета.

Сначала никто ничего не понял.

Головы спросонья отказывались соображать. Кто-то испуганно крикнул, что красные заняли село, и сейчас всем будет капут.

Растерянно хватали винтовки и торопливо всовывали обоймы.

Выстрелы приближались.

Вдруг послышался резкий стук в ворота.

Все испуганно присели на пол.

Стук повторился.

Самый молодой из охранников — Николай Рябинин заглянул в окно.

— Топчется какая-то штукенция у крыльца...

— Пристрели...

— А мож свои...

— Посмотри еще хорошенько.

— Да чорта тут увидишь.

— Ребята, давай, сдадимся в плен.

— Я думаю, красные не расстреляют...

— Когда на онежском фронте я попал к большевикам, то мне ничего не сделали.

Стук в ворота продолжался.

— Я пойду,— заявил Рябинин,— открою.

— Что ты, с ума сошел.

— Эх, вы, вояки, выстрелов испугались...

Хлопнув дверью, Николай вышел в сени и спустился по лестнице. Стукнул запором.

Все затаили дыханье... Лица были бледны. У некоторых от страха стучали зубы. Скрипнула наружная дверь.

Шаги послышались на лестнице. Ровные, спокойные. Облегченно вздохнули.

— „Значит свои, если..." подумал каждый.

В избу вошел Николай с парнишкой, закутанным в бабью шубу.

— Ребята, на казарму напали партизаны Мишки Чухина... Наши поливают их из пулемета. Красные сейчас, наверно, будут отступать. Их только человек тридцать. Вот Подосенов специально послал своего сынишку—предупредить...

Отлегло от сердца.

— Откуда узнали, что их не больше тридцати человек? Их, може, тыща.

— Не пугайтесь. Раз Подосенов говорит—стало, он знает.

— Братцы, тащи пулемет.

Четверо солдат приволокли из сеней тяжелый станковый пулемет „Максима". Начальник охраны прикладом выбил раму.

— Ставь на стол.

Пулемет поставили на стол.

— Подвинь к окну.

Стол подвинули, выставив ствол пулемета на улицу.

— Приготовиться.

Выстрелы на улице то учащались, то стихали совершенно Пулемет в казарме замолчал.

— Кажись, отступают...

Все бросились к окнам, но сквозь темноту не было ничего видно

— Вон там в роде как человек бежит.

— Огонь.

Медленно поползла в окно приемника лента, да расстрелянные гильзы вылетали на пол. Солдаты жались от дувшего в разбитое окно холода, а пулеметчик, держась за ручки затыльника, продолжал стрелять в темноту.

Пулеметчик взял вторую и хотел сунуть.

— Брось, ведь впустую стреляем-то, кого теперь увидишь. Да и на улице стрелять перестали.

Выстрелы в самом деле прекратились.

В избу вбежал, запыхавшись, Подосенов.

— Что же вы тут сидите? Партизаны давно уже удрали.

— А мы в них стреляли...

— Откуда? Увидав пулемет, Подосенов расхохотался.

— Ну, и дурачье. Да они же ушли совсем в другую сторону. Ведь я же специально парня к вам послал—предупредить. А они по баням палили. Тьфу, черти...

Плюнув, он ушел, взяв с собой иззябшего и перепуганного сынишку.

Солдаты, сконфуженные и пристыженные, надели на плечи винтовки и медленно вышли на улицу.

На селе все затихло.

Отбив нападение, американцы ушли в казарму, побоявшись пускаться в преследование уехавших в повозках партизанов.

По улице разъезжали патрули. На крыльце казармы под усиленной охраной стоял пулемет.

Постепенно из домов начали показываться мужики. Из калиток боязливо выглядывали бабы.

У крыльца подосеновского дома лежало распростертое тело Миши Драчева. Снег под ним покраснел от крови.

К трупу вышла жена Подосенова. Брезгливо посмотрев, ткнула в лицо мертвому ногой.

— Дурак. С эдаких-то лет да уж против власти выступать. Сопли еще под носом, как вожжи, а туда же. Ну, вот, лежи тут теперича.

Вокруг трупа собралась толпа.

Бабы завыли.

В стороне стояли белые солдаты и зло посмеивались:

— Американки, они, брат, метко стреляют...

К толпе подъехал верховой и что-то крикнул по-английски, махнув плеткой в направлении домов.

— Расходись! Расходиться велит,— закричали солдаты.

— Гонит, вишь...

Верховой направил лошадь на толпу.

Народ попятился.

— Тело-то растопчешь, окаянный.

— Мишенька... Мишутка...

Старик Драчев бросился прямо под ноги лошади и, упав на тело сына, громко заплакал.

— Мишенька, да за что же это они тебя? Говорил ведь, как говорил:—не ходи. Солдат ударил старика по спине плеткой и что-то снова крикнул.

Драчев вдруг вскочил на ноги и, схватив лошадь за подуздок, замахнулся на солдата.

Оторопевшие мужики схватили его за руки и испуганно потащили назад.

Солдат снял с плеча винтовку и выстрелил вверх. Толпа бросилась по домам.

Стоявшие в стороне солдаты кинулись к старику и, схватив его, поволокли в охрану.

В казарме ударили тревогу. На выстрел спешили патрули.

— Погодите, сволочи, мы вам отплатим, за Мишутку, за все,— кричал старик.

Так кончилось первое выступление шеговарских партизанов. Отряд Михаила Чухина рассеялся по деревням, скрываясь от властей и время от времени нападая на белых.

Между тем Красная армия перешла в решительное наступление. Под мощным ударом белоинтервентские силы сломя голову катились к морю.

Рухнули, не осуществились мечты интервентов о захвате богатств Севера.

В конце декабря американская рота покинула Шеговары. В селе остался белогвардейский отряд. Беднота язвила в лицо кулакам.

— Что же это ваши союзники-то пятки насалили? Не понравилось, что ль?

— В казарме-то хорошо было сидеть, а как воевать — так и холодно.

— Красные, слышь, на-днях будут. То-то попотчуют они вас.

— Да и Мишка Чухин в гости сулится.

Мужики расходились по домам, бормоча про себя:

— Подождите, дьяволы...

— Покажут вам...

— Они вам пропишут...

— Не долго уж осталось.

— Не долго.

За два дня до прихода Красной армии отряд белых оставлял Шеговары. Перед уходом солдаты со всех сторон запалили оставленные американцами склады. Невдалеке от пожара остановилась повозка с пулеметом.

Увидав, как погибает добро, население бросилось тушить огонь.

Солдаты навели пулемет.

— Не суйтесь. Перестреляем.

— Сволочи. Сколько добра погибает,— сокрушались мужики.

— Возьмем-ка их, ребята, в колья.

— Брось. Куда полезешь на пулемет? Пристрелят. Не видишь что они пьяные вдрызг.

Когда пламя объяло все строения, солдаты ударили по лошадям, крикнув:

— Теперь тушите. Все ваше...

Лошади рванули и помчались вслед за ушедшим отрядом.

Над Шеговарами полыхало громадное зарево.

Примечания от автора:

Дмитрий Стрелков—сейчас председатель Шуйского рика, жив, здоров и невредим.

Михаил Чухин—впоследствии командовал отрядом в 300 человек. Умер от тифа.

БОРИС НЕПЕИН

ШАГАЙ К ПОБЕДАМ, КОМСОМОЛ!

Ударному комсомолу
10-й стрелковой дивизии

Пришли от цехов,—
С производственным стажем,
Из сел, из колхозов
Горячие парни—
В рабоче-крестьянскую
Красную нашу,
Единственную из армий.

Еще не остыла тугая сноровка,
Строительный пыл
Не измерен и молод,
Но требует
Навыков новых
Винтовка
От нашего комсомола.

Привыкшим
К задорной и дружеской схватке
В ячейке, в фабкоме,
В машинном,
Приходят навстречу
Другие порядки—
Железная дисциплина.

Она скреплена
Пролетарским сознаньем:
Победы в Октябрь
Доставались не даром,—
Страна воздвигает
Высокое зданье
Под верной защитой
Красных казарм.

Ради него
Прорывались годами—
Военными кручами,
Будничным низом.
И этого зданья
Заложен фундамент,
Которого имя—

социализм!

Из сел, от цехов,—
С производственным стажем,
Приходят горячие парни
В рабоче-крестьянскую
Красную нашу,
Единственную из армий.

И нету в походном пути
Многоверстном
Красноармейцам такого заданья,
Чтобы не выполнили—
Упорством,
Социалистическим соревнованьем.

...Я повинуюсь в строю командиру,
А вечером, в клубе—
Он друг и приятель.
На призыв я шел
Деревенским задирой,
Теперь—комсомолец,
И з о б р е т а т е л ь!

Так, нынче, не виданное от века
Встает на пороге казармы:
Рождение нового человека,
Которому имя—**ударник.**

Шагайте,
Отряды упорных и ловких,
Строительный пыл
Не измерен и молод,
И выше ступень
Б о е в о й подготовки
Краснознаменного комсомола!

Г. ШЕЛЕСТ

ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

...С юга, с сиреневого Сихоте-Алиня наступали японцы. С запада, из-за уссурийских камышей, давили чубатые громилы из сброда Семенова, Гамова и Калмыкова.

Днями нещадно палило солнце, а по забытым разъездам и деревенькам гарцовали карательные отряды.

Партизаны отсиживались в Туда-вакской долине, в темных еланях, под сопками, в таежной глухомани...

Как волк на собачью стаю, огрызался на суживающее кольцо интервентов и белых наш отряд. Вот в эти-то страдные дни и пришел к нам Сунь-Фу.

Был он маленький, с желто-черным лицом, с узкими прорезами глаз, где бегали хитринками черемушинки.

В подарок Сунь-Фу принес мешочек свинца и берданку.

— Моя воюй пришел,— объяснил он свой приход.

— Шпиён, наверно,— сказал мне мой помощник Судаков.

— Пошто шпиен?—заступился за китайца партизан Лаптев.

— Вон у Старика, почитай, весь отряд из китайцев...

Аргумент Лаптева был весок и убедителен. Сунь-Фу шпионом не оказался. Таежные волки признали его полноправным членом своей семьи, и он нес такую же волчью, полную лишений жизнь, какую несли собравшиеся со всего Дальнего Востока пахари, сменившие серп на винтовку.

Японцы тугой петлей стягивали партизанов. У нас не было патронов, оружия. Забравшись в тайгу, чуть не к Амгуни, потеряли связь с подпольным ревкомом.

Отряд митинговал...

— Нет патронов...

— Куда пойдешь...

— Пороху бы достать...

— Расходиться надо...

— Ишь их сила наперла...

— Замордуют...

Выручил Сунь-Фу.

— Моя пойди... Патрона, пистона принеси... Пороха...

— Куды ты пойдешь?—спросил его Судаков.—Убьют...

— Сунь-Фу контрами мию [1]... — И улыбался черемушинками глаз.

Утром Сунь-Фу захватил с собой корзиночку и ушел. Партизаны опять загомонили...

— Шпик, не иначе...

— Хвост теперь приведет...

— Надо табор менять...

Из предосторожности стоянку отряда сменили...

Сунь-Фу за собой никого не привел... Пришел он через пять дней и принес мешочек пороху, с пуд патронов, разноцветные коробочки пистонов и новенький наган. Партизаны повеселели.

— Где нагашку взял?

— У белый солдата. Его пьяный ехала, песни пей. Моя карауль. Пиф-паф. Его умри. Моя нагана возьми...

— Вот тебе ходя! Смотри-ка!

— Моя прииска ходи. Наша китайски люди там работай. Его давал все. Он тоже партизана. Японцы контрами нада,— продолжал рассказывать Сунь-Фу.

Полковник Гринфельд шел за ними следом. Силы его были неизвестны. На совещании командиров решили от него отвязаться.

В разведку решено было послать Сунь-Фу. Я вызвал его к себе.

— Сунь-Фу... Надо в Амгу ехать.

— Чиво делай?

— Посмотри там, сколько людей у белых, пулеметов...

— Воюй будем?..

— Будем...

— Можна...

В помощь Сунь-Фу дали похожего на монгола забайкальского казачонка Костю Седых, забубенную головушку — оторви да брось... Косте наказали:

— По-русски ничего не говори...

Мрачный Судаков пообещал:

---

[1] Контрами мию—убить нельзя.

— Если по-русски пикнешь... Назад не ворочайся... Видал эту хринку?—показал он свой здоровенный кулачище.—Вмиг соплю сделаю...

Сунь-Фу с Костей ушли. Вернулись они через два дня. Костя, захлебываясь от восторга, рассказывал.

— Человек сто белогорликов будет. Япошек нет. Пулеметов два—вот бы нам их... А Сунь-Фу так к офицерам пробрался... Фокусы им показывал...

Штаб вторично собрался обсудить план набега. Амга была в лощине, между двух лобастых сопок. Белогвардейцы плохо следили за охранением: посты проверялись спустя рукава. Забравшись в приисковую глушь, офицерня глушила ханжу, издеваясь над неселением. Мужики не чаяли, как избавиться от непрошенных гостей.

Наступать решили в ночь.

Луна то куталась в белую вату облаков, то снова лила на черные сосны серебристый свет. Отряд разделили надвое. Сорока человеками командовал я, остальными—Судаков. Ехали шагом и молча. Сунь-Фу был рядом со мной.

Мороз крепчал. Сизый туман начал подниматься с земли. Издали чуть-чуть доносился собачий брех. За версту от Амги остановились.

— Ну, Сунь-Фу, едем. А вы,—сказал я остальным,—потихоньку за нами.

Подъехали к околице. Никого не было. Из землянушки около ворот шел дымок. Постовые видимо спали. Махнул шапкой своим и вытащил маузер.

— Ну, Сунь-Фу, давай...

Спешились с лошадей. Толкнули дверь. Белые спали...

— Сытывай,—не утерпел Сунь-Фу.

— Живее...—поторопил я. Белые очумело смотрели на нас. Сунь-Фу вязал их руки. Дорога в Амгу была свободна.

— Давай, ребята, рви,—приказал я...

Вихрем ворвались в село. Поднялась беспорядочная стрельба. Не ожидавшие набега, белые растерялись. Рубили их, как курят. Во-время с сопок поддержал Судаков. Завинтил он гайку туго. Ударил сразу с двух сторон: в бок и с другого конца села. Часть белых прорвалась; разбитые вдребезги, кое-как одетые, в большинстве без оружия. Вдогонку им долго и старательно гвоздил сам Судаков из отбитого пулемета.

Не ушел и полковник Гринфельд. Сунь-Фу подобрался к дому волостного старшины, в окно бросил под ряд три гранаты.

Отряд праздновал победу. Нам достались два пулемета, винтовки, патроны, обмундирование. Наши потери были небольшие, только два убитых.

Сунь-Фу нарядился в брошенную на снег офицерскую шинель и возился с „максимом".

— Наша воюй теперь мошна,—кричал он.

Партизанские отряды росли. Интервенщина и атаманщина в судорожных потугах искали выход. Горели села, поролись и расстреливались крестьяне. По железной дороге рыскали бронепоезда, „уничтожали крамолу".

Осталось не взятым только Забайкалье. Мы обходом, по гривам сопок, без дорог, двигались к Чите. Сунь-Фу командовал взводом. Как-то на стоянке пришел ко мне...

— Надо китайски люди собирай...

— Давай,—согласился я.

На утро, перед штабом, Сунь-Фу выстроил человек двадцать китайцев.

— Во, сымотри...—сказал он мне.—Шибко хороший люди...

Китайцев отдали под команду Сунь-Фу.

Белогвардейщина оперилась. Опять начала поднимать голову, подкрепленная новой дивизией японцев.

Был 21-й год. Взят Хабаровск. Вырос Волочаевский фронт.

Мы—вшивые, обомшелые, с коростами от обжогов мороза—упорно дрались за Волочаевку. Отступали и снова наступали.

Были дни отчаяния и дни побед...

Моей бригаде начдив Фадеев приказал выбить противника из Васильевки. Выступать стали ранним утром, поддерживаемые артиллерийским огнем. Бригаде надо было сбить ижевцев, поливавших нас из доброго десятка пулеметов свинцовым дождем. Особенно не давала покоя мельница, стоявшая на отшибе у околицы Васильевки. На мельнице ижевцы устроили пулеметное гнездо и имели возможность обстреливать чуть не все подходы к деревне.

Командир 5-го полка, мадьяр Пауляк подскакал ко мне и, матерясь, доложил:

— Он стреляйт. Мой нет наступайт. Я Сунь-Фу буду посылал...

Я поехал с Пауляком в полк.

Сунь-Фу с китайцами лежал, спешившись, в снегу. Снег бороздили пули, противно взвизгивая, подымали белую, колючую пыль.

— Мельница мешай... Моя пулемет бери. Граната. Можно забирай мельница,—сказал мне Сунь-Фу.

Я осмотрел местность. К мельнице подойти было невозможно.

— Ни черта у тебя не выйдет,—ответил я Сунь-Фу...

— Твоя не понимай... Моя вечером туда ходи. Белый штаны надевай...

Я понял замысел Сунь-Фу и разрешил взять мельницу.

Сунь-Фу напялил наверх нижнее белье, то же сделали его китайцы. К вечеру они пошли к мельнице. Бригада лихорадочно готовилась к ночному бою. Артиллерия усиленно долбила по Васильевке.

— Если мельница возьмем, Васильевка — тоже,— сказал мне Пауляк.

— Если Сунь-Фу возьмет мельницу, то нам можно по противнику бить из его же пулеметов,—проговорил мой начштаба.

Прошло полчаса. Вдруг около мельницы грохнули взрывы гранат, блеснул огонь. Затарарахали пулеметы и сразу же умолкли...

— Есть!—заорали бойцы.

— Ур-ра-а!—раскатилось по участку...

— Взяли...

Бригада перешла в стремительное наступление. Противник, не ожидавший потери мельницы, замешался.

Я подскакал с военкомом и начштабом к мельнице. Сунь-Фу, держась за ручки „максима", оплевывал свинцом серые домишки Васильевки и наступавшие цепи ижевцев.

— Три пулемета сковырнули,—сказал мне какой-то боец.

Через несколько часов боя ижевцы оставили Васильевку.

Сунь-Фу был ранен в руку.

Объезжая фронт, командующий Покус вручил мне пять орденов Красного Знамени. Первый орден—значок героев революции, алый сгусток крови борцов за мировой Октябрь, я прицепил к рваному полушубку Сунь-Фу...

Сунь-Фу был достоин его...

Гражданская война уже давно кончилась.

Бригаду давно расформировали. Ветераны ее разбрелись по своим пашням и заводам. Многие из них украсили свои груди орденами.

Сунь-Фу демобилизовался, уехал во Владивосток.

— Когда воюй снова будем, моя придти к тебе... Наша еще будешь воюй... Потом хорошо живи...—сказал он мне на прощанье.

Тысяча девятьсот двадцать девятый год. Кипящая медь солнца и зной в Даурских степях. Желтая трава, желтая, солончаковая пыль. Озлобленный рев облезлых верблюдов за канавкой когда-то большого вала Чингис-Хана. Аргунь—синеватая, как сталь, река.

Выродок из семьи хунхуза Чжан-Цзо-Лина — Чжан-Сюэ-Лян, подталкиваемый международными разбойниками с большой империалистической дороги, погнал свою армию к границе Союза.

Граница ощетинилась штыками Красной армии. Приехал Блюхер, четырежды краснознаменный командарм Особой. Меня из запаса взяли в часть. Раз командарм вызвал меня к себе и спросил:

— Сунь-Фу знаете?

— Знаю...

— Просится в часть...

— Давайте его ко мне,—ответил я командарму.

В золотистый осенний день Сунь-Фу явился ко мне. Я стоял на перроне вокзала...

— Эй, товалища... командира...

Я узнал Сунь-Фу. Он был все такой же желто-черный, с черемушинками глаз, только около бровей и на лбу были гусиные лапки морщинок. На синенькой тужурке у него одиноко алел орден.

— Ну, как жил?—спросил я его, здороваясь.

— Ничего жила... Сучан работал в союзе...

Сунь-Фу был назначен комвзвода. Во взводе красноармейцы Сунь-Фу встретили недоверчиво...

— Китаец?—удивленно спрашивали меня.

— Да,— отвечал я,— и даже краснознаменец.

— Ну?!

Пришлось о Сунь-Фу рассказывать, а потом, некоторое время спустя, о нем рассказывал мне красноармеец-цензовик.

— Занятный парень... Как узнали, что к нам придет комвзвод китаец,— ребята кислые рожи сделали. А когда орден увидели— расцвели. Орденок-то имеет значение. Как командир—хороший Все проверил, расспросил, оружие у всех просмотрел. Видать сразу, что в переделках был.

Взвод Сунь-Фу был назначен в сторожевое охранение. К ним пробрался перебежчик. Сунь-Фу пришел с ним ко мне.

— Китайски солдата надо... Его воюй не хочет...

Я допросил китайца. Узнал, что он из команды капитана Го, что в блиндажах много китайцев-солдат, которые не хотят воевать, и что их худо кормят. Потом говорил Сунь-Фу.

Говорил долго и, кончив, обратился ко мне:

— Его обратно ходи надо...

— Зачем?—удивился я.

— Винтовка, братишка приведи...

— Приведет... Ожидай...—усомнился я.

— Приведи...

Я согласился на этот эксперимент. Белокитаец вернулся в эту же ночь. Привел с собой маленького китайчонка в большущей шапке и еще приволок две винтовки, пачку записочек на длинных листках курительной бумаги с нарисованными окошечками китайских иероглифов.

— Чиво моя говори...—радовался Сунь-Фу.—Китайски солдата воюй не хочу.

Большую работу вел Сунь-Фу во взводе. Китайцы забрались под толстые стены блиндажей и оттуда обстреливали нашу границу. Командарм на обстрелы отвечать запретил.

Война родит героев. Красноармейцы рвались в бой, да и всю-то страну рвал порох негодования. Но воевать первыми нельзя. Красноармейцы понимали, что Красной армии чужой земли не надо, но никак не укладывалось в голове,—почему же нельзя отвечать на обстрелы границ, налеты, грабежи.

— Твоя ничего не понимай,—говорил Сунь-Фу.— Наша воюй, когда его сюда, к нам ходи...

— Трусите вы, товарищ командир,— отвечали красноармейцы своему командиру.

— Нету... Твоя бойса. Воюй нада голова имей. Воюй все равно буди. Наша только надо шибко себя береги. Тогда побеждай.

Красноармейцы поняли Сунь-Фу. Когда „Тревога" и „Отпор" принесли строчки побед под Лахасусу—Сунь-Фу расцвел.

— О, победи. Наша победи. Я знай.

Терпение лопнуло... Лахасусский урок командарм приказал повторить на границах Манчжурии. Из укреплений надо было выбить противника.

Бой был короткий и решительный. Войско Чжан-Цюэ-Ляна не выдержало железного натиска Красной армии.

Сунь-Фу получил задание выбить из блиндажей замуровавшегося противника.

— Выходи!—закричал Сунь-Фу, вскакивая на блиндаж.

Блиндаж молчал. Сунь-Фу пошел на хитрость. Он заставил замолчать галдевших красноармейцев, несколько раз выстрелил вверх и закричал по-китайски...

Белокитайцы залопотали по-своему. Видимо признали, что пришли свои, и что красные отступили. Сунь-Фу еще что-то проговорил. Белокитайцы осторожно стали открывать амбразуру.

Сунь-Фу в черное отверстие сразу бросил гранату и заскочил туда. Следом за ним полезло несколько красноармейцев.

Блиндаж был взят. Белокитайцы сдались. Сунь-Фу отделался легкой раной в голову.

В Даурии хоронили первые жертвы боев. После командира награждал орденами отличившихся красноармейцев.

Сунь-Фу стоял в строю тех, которые не щадили жизни за Советский Союз. Вострецов, бывший кузнец — теперь комкор, прицепил к его одинокому ордену—второй, в густой розетке алых побед.

В момент торжественного марша, проходя со своими взводом перед командармом, Сунь-Фу мигнул мне и на два ордена...

— Смотри, мол...

Через три месяца я уезжал домой. Сунь-Фу пришел провожать меня.

— Я тоже поеду. В Гуань-Дунь. Домой. Там. тоже Красная армия есть,—поделился он со мной своей думой.

— Крой, Сунь-Фу,—сказал ему я.

Сейчас Сунь-Фу, наверно, в Китае.

И я знаю, что грудь Сунь-Фу украсит третий орден Красного знамени, но Китайской Красной армии.

Н. КОТОВ

МИШКА

Он наслышался рассказов о старых храбрых генералах, о героях-красноармейцах. Солдаты рассказывали это от безделья и жевали между рассказами мякинный хлеб и рвали зубами тонкобрюхую воблу. Мишка ходил около них, и ему вечерами, под впечатлением рассказов, в далеких орудийных выстрелах чудились бои; он, Мишка, в первых рядах влетает в окопы; выстрелы, выкрики, стоны...

Дух захватывало у Мишки в такие минуты вечерних часов.

Горизонт расчерчивали, через правильные промежутки времени, красные зарева орудийных вспышек, залпы кромсали воздух, и крестьянские дома давали осадку от частых судорог.

Крепло с каждым днем решение о храбром поступке.

Но сегодня солдаты ничего не рассказывали.

—Не мешайся, Мишкэ,— крикнул на него веселый чуваш Казанков.

Мишка понял: случилось недоброе.

Они вытряхивали тощие вещевые мешки, выменивали у матери остатки хлеба и картошки на замусоленные куски сахара, выданные им сегодня утром. Еще им выдали по ржавой заземленной свекле и по связке воблы.

Казанков поделился с Мишкой.

—Мишкэ! Сунь вобла в брюхо. У тебя тонко брюхо, у воблы тонко брюхо. Два брюха—твое толсто будет.

Мишка прижал пустоглазую рыбу к запавшему животу и уныло глядел на чуваша.

—Почему ты сердитый, Казанков?

—О, Мишкэ. Не я сердит—начальник сердит. Отступать приказ дана.

„Отступать". Мишке это слово мало знакомо. Солдаты редко его упоминали.

—Бежать надо,—помолчав, добавил чуваш,—белый идет.

—Белые. Вы уходите. А я?

— Ты, Мишкэ, конфет будешь кушать, белый хлеб жрать будешь, нас бить будешь,—чуваш рассмеялся.

— Я с вами пойду.

— Не пойдешь,—рассердился Казанков.

Утреннее сумрачное настроение солдат разъяснилось. Отступают. Ему тоже надо уйти. А там можно и храбрость свою показать. Где? О, Мишка найдет. На войне везде — храбрость. Пошел в бой—рану получил.

Рану получить—храбрость.

— Через полчаса телефоны снять. Вот новый шифр телефонных пунктов. Старый кем-то раскрыт противнику.

Комотряда Денисов наклонился к телефонисту.

Бешено завертелась ручка телефона. В просторной избе мишкиной матери был поставлен добавочный телефон. Штаб через дом.

— Товарищи!—продолжал Денисов. Он строго глядел на расплющенное, сколоченное из угловатых скул лицо чуваша, на круглые лица других красноармейцев.—Мы выступаем сейчас. Лишнего барахла не брать. Не к чему.

Мишка за всем следит с печки.

Красноармейцы, накинув вещевые мешки, забросили на плечи винтовки, потоптались на месте и потянулись на улицу.

Казанков подошел к печке.

— Мишкэ, прощай.

Слезы в уголках мишкиных глаз кольнули.

— Миш-ш-ш,—тянул он и жал задубевшей ладонью хрупкую детскую ручонку.

— А я вас... вспоминать... буду... тебя,—одолев подступившие под горло спазмы, прошептал Мишка.

— В гости обратно жди. Приедем, Миша, обратно.

Широкая улыбка на лице чуваша вытеснила морщинки угрюмости. С солнечной беспечной улыбкой вышел он на улицу.

А Мишка уткнулся лицом в разорванное голенище валенка, и кругленькие горошинки слез просочились сквозь щели глаз.

— Снимай телефон, сматывай провода. Разведка белых под деревней.

Денисов обрезал кабель у аппарата и вышел на двор.

Телефонисты сбили бумаги в кучу, рассовали по сумкам и выбежали с аппаратом вслед за ним.

Мишка свалился с печки.

На улице отдавали приказания. Быстро прошла мимо окна красноармейская часть, проскакали верховые, пробежали пулеметчики, катя за собою „максима“ и низко пригибаясь к дороге.

Еще одно пятно мелькнуло в окне от быстроскачущего всадника, и стало тихо. Тихо, как перед приходом красных, месяц назад. Мишка залез обратно на печку. Пришла мать из сарая, перекрестилась на обрывки кабеля в переднем углу.

—Слава те, что хорошие ребята попались. Не задели, Мишка.

—Ну!

—Иди, прячься, Мишка, в подвал, скоро беляки придут. Стрелять можа будут.

Мишка сполз с печки, взглянул в окно. Далеко у загиба дороги, у леса, чернело. Оттуда должны притти белые.

— Беляки. У лесу.

— Полезай, паршивый, сюда.

Отошел от окна. Под ногой шуршит лист бумаги, забившийся под лавку. Поднял. Что-то подсказывало и торопило.

— Ок...со-во—Москва; Туркино—Вологда. Ничего не понял.

Мелькнула догадка—„телефонисты оставили бумагу... Белым не надо знать... Бежать, догнать“.

Прошило сознание:

— Ранят.

Свернул вчетверо, оглянулся на мать и побежал.

— Мишка! Мишка-а-а! Вернись, идол!

Справа ехали конные. Белые, наверно. Мишка рванулся влево и побежал краем широкой дороги. Следом—топот. Заметили.

— „Догнать бы... Ушли недавно... Догоню“.

Билось сердце:

до-гоню... до-гоню... до-гоню.

Только лошади близко. На отброшенную руку наткнулась горячая пуля, вскипела в мишкином теле кровь; вскипела и полилась через края раны, привязав Мишку толстым красным канатом к пыльной обочине.

От толчка при падении выскочили из глаз две последние занозы-слезинки, и глаза, ярко блеснув, потухли. Один, а потом другой подъехали солдаты.

—Да это парнишка. Вот, дурак, бежал... с лету пришлось взять.

Боясь засады, солдаты оглядели с лошадей босоногого, без шапки парнишку и повернули обратно.

Дорога за деревней имела уклон. Солдаты ехали обратно в подъем горы. И долго еще виднелись широкие покачивающиеся спины всадников.

Через сутки красноармейские части лобовой атакой стукнули врага по черепу, и он побежал.

Отряд Денисова шел в передовых частях наступающих.

В мишкиной руке они нашли залитые кровью условные обозначения окрестных деревень. Это был нарочно оставленный для белых ложный шифр.

Мишку хоронил отряд Денисова. Чуваш Казанков плакал.

Наган Денисова отсалютовал герою.

СОДЕРЖАНИЕ

1. **Вожди о Красной армии** 3

I

2. Е. АРГУНСКИЙ — **Пятнадцать славных лет** 13
3. Б. НЕПЕИН — **Стихи о Наркоме** 22

II

4. П. РАССКАЗОВ — **В застенках интервентов** 24
5. Б. НЕПЕИН — **Остров Мудьюг** 59
6. В. ЧУЕВ — **Иоканьга** 61
7. М. ПИРОГОВ — **Борьба с белыми в Мехреньге** 65
8. Н. ГРИГОРЬЕВ — **В боях** 80
9. М. КЕДРОВ — **За советский Север** 85
10. К. КОНИЧЕВ — **Хаджи-Мурат** 109

III

11. А. КАПРАЛОВ — **Шеговары** 125
12. Б. НЕПЕИН — **Шагай к победам, Комсомол!** 138
13. Г. ШЕЛЕСТ — **Простая история** 140
14. Н. КОТОВ — **Мишка** 148

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

8.

9.

10.

11.

12.

13.

14.